ГРИБОЕДОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ГРИБОЕДОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Ленинград
1961

А. С. ГРИБОЕДОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Я. С. Билинкиса

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Р 1
Г 82

В сборник включена знаменитая комедия Грибоедова «Горе от ума», его ранние драматические опыты, лирические стихотворения, эпиграммы, наброски и планы незаконченных произведений. Книга дает представление о широте и многообразии замыслов трагически погибшего писателя, гениально воплотившего в своих произведениях дух декабристской эпохи.

А. С. ГРИБОЕДОВ

«Это один из самых умных людей в России», — сказал о Грибоедове незадолго до его смерти Пушкин. Когда пришло известие, что Грибоедов погиб, он же заметил, что Грибоедов «сделал свое: он уже написал „Горе от ума"». В «Путешествии в Арзрум», под живым впечатлением встречи с гробом Грибоедова на пути из Тифлиса в Карс летом 1829 года, Пушкин подвел итог своим думам о судьбе автора «Горя от ума»: «Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном».

Эти пушкинские суждения очень точно передают самое существенное в жизненном пути и духовном облике Грибоедова.

«Горе от ума» явилось событием в литературной и — шире — во всей общественной жизни России. Ему не угрожает забвение, — время уже вынесло свой приговор. Единственное законченное крупное произведение Грибоедова обличает в своем созда-

теле ум совершенно исключительный. Но Грибоедов имел, думается, все основания говорить, что он намеренно ограничил себя здесь, выражая главные свои представления о жизни. И первоначальное название «Горя от ума» («Горе уму»), и замыслы Грибоедова, рождавшиеся одновременно с завершением комедии или хронологически совсем от нее неподалеку, достаточно подтверждают справедливость его признаний. Замыслы самые разные — и литературные, и в области государственной деятельности — возникали у Грибоедова до самой его смерти. Едва ли не каждый из них посвоему замечателен И ни один из них, кроме «Горя от ума», не был осуществлен.

«Горе от ума» сделало имя Грибоедова бессмертным. Но человек, написавший это великое произведение, ушел из жизни, далеко не исчерпав своих возможностей, всей громадности своего ума и таланта.

1

Родился Александр Сергеевич Грибоедов в Москве 4 января 1794 года в родовитой дворянской семье. Правила всеми делами в семье мать, женщина властная и решительная, но с достаточно узким и традиционно-консервативным взглядом на вещи. При всей своей энергии, Настасья Федоровна Грибоедова многократно ошибалась в деловых предположениях и расчетах, в отношениях с крестьянами часто была не только жестока, но и бес-

смысленно упряма. Бесконечные тяжбы с крестьянами в немалой степени подорвали благополучие ее помещичьего хозяйства. От сына, даже тогда, когда его незаурядная литературная одаренность не могла уже вызвать никакого сомнения, она неизменно добивалась успехов по службе.

В 1802 или 1803 году Грибоедов поступил в Благородный пансион при Московском университете, а с 1806 года стал студентом словесного отделения философского факультета университета. Даже в то время, когда студентами становились в очень раннем возрасте, Грибоедов выделялся в университете своей молодостью. В еще большей мере отличала его от других страсть к наукам, неутолимая жажда познания. Получив в 1808 году степень кандидата словесных наук, он тут же поступил на этико-политическое (юридическое) отделение философского факультета. Став в 1810 году кандидатом прав, он остался в университете для изучения естественных наук и математики. Только Отечественная война 1812 года оторвала Грибоедова от продолжения занятий, оторвала в момент, когда он готовился к экзаменам на ученую степень доктора.

Грибоедов оставил университет и вступил добровольцем в армию, где служил до начала 1816 года. Но принять участие в военных действиях против Наполеона ему не удалось — части, в которых Грибоедов состоял, находились в резерве. В 1816 году Грибоедов ушел из армии. В 1817 году он поступил в Коллегию иностранных дел и оставался на дипломатической службе до своей трагической

гибели в 1829 году на посту русского посланника в Тегеране. Бо́льшая часть дипломатической деятельности Грибоедова развернулась на Востоке — на Кавказе и в Персии.

Еще в годы занятий в Московском университете Грибоедов сблизился со многими будущими декабристами. В дальнейшем он был связан с виднейшими руководителями декабристских объединений, его лучшие друзья были в той или иной степени причастны к движению дворянских революционеров. Грибоедов, несомненно, разделял основные программные установки участников восстания на Сенатской площади, а возможно, что и организационно принадлежал к тайному обществу (во всяком случае так показывали на следствии некоторые декабристы).

После разгрома декабристов, в январе 1826 года, Грибоедов был арестован, привезен с Кавказа, где он в это время нес службу, и более четырех месяцев просидел в Петербурге в ордонансгаузе Главного штаба под следствием. Только содействие главнокомандующего в Закавказье генерала А. П. Ермолова, давшего Грибоедову возможность сжечь перед арестом некоторые бумаги, да стремление большинства призванных к ответу декабристов сберечь автора «Горя от ума» — произведения, в котором они видели и значительнейший литературный факт всего своего движения, и предмет высокой национальной гордости, — спасли поэта от суда. Видимо, сыграло свою роль и заступничество весьма влиятельного родственника Грибоедова, генерала Паскевича. В июне 1826 года

Грибоедов был освобожден из-под ареста и возвратился на Кавказ.

В последние годы жизни, занимая высокие дипломатические посты, выполняя сложные государственные поручения, Грибоедов неизменно поддерживал связь с понесшими наказание декабристами, хлопотал перед высшими властями (в частности, перед самим царем) о смягчении их участи. Одно из последних его писем, дошедшее до нас, содержит обращенную к Паскевичу просьбу-мольбу вызволить поэта-декабриста Александра Одоевского. «Благодетель мой бесценный. Теперь без дальних предисловий, просто бросаюсь к вам в ноги, и если бы с вами был вместе, сделал бы это, и осыпал бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи в Тюркменчае перед моим отъездом. Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского... Сделайте это добро единственное, и оно вам зачтется у бога неизгладимыми чертами небесной его милости и покрова...» — писал гордый и самолюбивый Грибоедов Паскевичу.

Сознававший во многом еще в пору подготовки восстания несостоятельность представлений членов тайных обществ о путях переустройства «политического быта», многое обдумавший и увидевший в годы после разгрома декабризма, Грибоедов сохранил веру в главные цели этого движения, безусловное сочувствие к его участникам, мучительно переживал свое положение в кругу, из которого самые близкие ему и лучшие люди были «насильственно вынуты».

К середине и второй половине 1820-х годов отно-

сятся самые замечательные достижения Грибоедова-дипломата, государственного деятеля. Даже такой его открытый недоброхот, как Н. Н. Муравьев-Карсский, оговариваясь, что он «не заблуждается насчет выхваленных многими добродетелей и правил Грибоедова, коих... никогда не находил увлекательными», признавал: «Я... остаюсь уверенным, что Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте, что он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию и что не найдется, может быть, в России человека, столь способного к занятию его места». Грибоедову обязана была Россия многими своими дипломатическими успехами на Востоке, и особенно выгоднейшими условиями Туркманчайского мирного трактата с Персией. Недаром назначение его на пост посланника в Персии было с огромной радостью встречено в передовых кругах русского общества. Управляющий III отделением М. Я. фон Фок в апреле 1828 года в служебной записке доносил начальству: «Возвышение Грибоедова на степень посланника произвело такой шум в городе (Петербурге. — *Я. Б.*), какого не было ни при одном назначении. Все молодое, новое поколение в восторге. Грибоедовым куплено тысячи голосов в пользу правительства. Литераторы, молодые способные чиновники и все умные люди торжествуют... Должно прибавить, что Грибоедов имеет особенный дар привязывать к себе людей своим умом, откровенным, благородным обращением и ясною душою, в которой пылает энтузиазм ко всему великому и благородному. Он имеет толпы обожателей везде, где только жил,

и Грибоедовым связаны многие люди между собою. Приобретение сего человека для правительства весьма важно в политическом отношении».

Да, в душе Грибоедова действительно пылал энтузиазм ко всему великому и благородному. Его энергия и темперамент политика были неиссякаемы. «Грибоедов однажды, — вспоминал ближайший его друг С. Н. Бегичев, — сказал мне, что ему входит в голову мысль явиться в Персию пророком и сделать там совершенное преобразование; я улыбнулся и ответил: «Бред поэта, любезный друг!» — «Ты смеешься, — сказал он, — но ты не имеешь понятия о восприимчивости и пламенном воображении азиатов. Магомет успел, отчего же я не успею». И тут заговорил он таким вдохновенным языком, что я начинал верить возможности осуществить эту мысль».

Но энергия, темперамент, громадные способности Грибоедова-дипломата заковывались в узкие и тесные рамки чиновничьей службы, неукоснительного исполнения воли начальства. За некоторые из замечательнейших своих дипломатических удач Грибоедов получил от начальства предупреждения и замечания.

Не менее трудным было и другое. Уже из приведенного выше служебного доклада, шедшего по III отделению, видно, что, сохраняя Грибоедова, давая ему повышения и награды, правительство не только использовало его государственный ум, но и вело нечистую игру, пытаясь привлечь «голоса» на свою сторону. Грибоедов не мог этого не сознавать.

Государственная деятельность Грибоедова оказывалась в значительной мере обращенной к целям, автору «Горя от ума» чуждым, а нередко и враждебным. И это тоже, несомненно, входило в самоощущение Грибоедова в последние годы его жизни.

Погиб Грибоедов 30 января 1829 года в Тегеране при истреблении всего состава русского посольства в Персии толпой фанатиков, действия которой были спровоцированы шахским двором.

2

Неутомимый в овладении науками, Грибоедов с юности в не меньшей степени отдавался и искусству.

В университетский и затем петербургский (до отъезда на Восток в 1817 году) периоды своей жизни он был горячо увлечен театром — не только часто бывал на театральных представлениях и вращался постоянно в кругу драматургов и актеров, но и сам участвовал во многих театральных затеях. По отзывам современников известно, например, что он с охотой и успехом играл Альцеста в любительской постановке мольеровского «Мизантропа». «Грибоедов был отличный чтец, — вспоминал А. А. Бестужев, — без фарсов, без подделок он умел дать разнообразие каждому лицу и оттенять каждое счастливое выражение».

С самой ранней юности занимался Грибоедов музыкой. После того как в 1818 году на дуэли

ему серьезно повредили руку, он продолжал играть, хотя теперь это требовало от него особых усилий. Когда в 1826 году арестованного Грибоедова везли на следствие в Петербург и по дороге сделана была остановка в Твери, то, по рассказу С. Н. Бегичева, войдя в комнату, «глубокий музыкант в душе, ученый теоретик, он не мог вытерпеть и сел за фортепиано... Девять битых часов его не могли оторвать от инструмента». Сидя в ордонансгаузе Главного штаба, Грибоедов пленил своей игрой наблюдавшего за заключенными офицера Жуковского, и тот, рискуя неприятностями по службе, по вечерам водил его и вспоминавшего впоследствии об этом другого арестанта, Д. И. Завалишина, в такое место, где Грибоедов мог музицировать, а Жуковский с восторгом слушал его игру. И сейчас исполняется иногда вальс, сочиненный автором «Горя от ума».

Первые литературные опыты Грибоедова относятся еще к студенческой поре, но они до нас не дошли. Со слов С. Н. Бегичева известно, что они принадлежали к драматическому роду. В печати Грибоедов выступил, когда уже находился на военной службе, поместив в 1814 году в журнале «Вестник Европы» две военные корреспонденции — «Письмо из Бреста-Литовска к издателю» и «О кавалерийских резервах». В том же 1814 году была им написана комедия в стихах «Молодые супруги», поставленная в Петербурге, а затем и в Москве. В 1817 году Грибоедов вместе с П. А. Катениным написал прозаическую комедию «Студент», пять сцен для комедии «Своя семья, или Замуж-

няя невеста», основным автором которой был А. А. Шаховской, а вторым кроме Грибоедова соавтором — Н. И. Хмельницкий. В начале 1818 года «Своя семья, или Замужняя невеста» пошла в Петербурге, и вскоре же была поставлена переведенная Грибоедовым сообща с А. А. Жандром комедия французского драматурга Барта́ «Притворная неверность».

Постановки грибоедовских или написанных Грибоедовым совместно с другими авторами драматических произведений имели успех («Своя семья, или Замужняя невеста» идет и в наши дни). И именно «Молодые супруги» открыли дорогу короткой стихотворной комедии «благородного», как тогда называли, жанра.

Если в пьесах наиболее популярных в то время драматургов А. А. Шаховского, М. Н. Загоскина высмеивались, как правило, любые отступления от принятых, освященных авторитетом, привычкой норм поведения в быту, в отношениях семейных или между влюбленными, если всякое отклонение от этих норм уже само по себе изображалось как нечто предосудительное, то в ранних пьесах Грибоедова мы встречаемся с тенденцией иного рода. Здесь автор явно отдает свои симпатии людям, свободным в чувствах и поступках, внутренне не стесненным традицией и обычаями, проявляющим находчивость, энергию, собственную инициативу в устройстве своих дел — пусть совсем частных и совсем маленьких. В «Молодых супругах» Эльмира, действуя на свой риск и страх, не по правилам, а по собственному разумению, добивает-

ся внимания к себе со стороны пренебрегавшего ее привязанностью мужа Ариста. Так же поступают, стремясь «перевоспитать» своих любовников, героини «Притворной неверности» — и тоже преуспевают в своей затее. И хотя цели, преследуемые персонажами этих пьес, мелки, но в самом их жизнеощущении есть определенная внутренняя свобода, стремление отдаться живым побуждениям души и сердца. Не случайно и «Молодые супруги», и «Притворная неверность» связаны с веком и идеями французского Просвещения, решительно отвергавшего предрассудки и обветшалые привычки («Молодые супруги» — свободная переделка одной французской комедии, «Притворная неверность» — вольный перевод другой).

Отвечая в 1825 году на упрек Катенина в том, что в «Горе от ума» «дарования более, нежели искусства», Грибоедов писал: «. . .В ком более вытверженного, приобретенного пóтом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, — тот, если художник, разбей свою палитру, и кисть, резец или перо свое брось за окошко. . . Я как живу, так и пишу свободно и свободно».

Бесконечно дорожа в собственной жизни внутренней свободой, Грибоедов в первых драматических произведениях не только охотно позволил наиболее привлекательным из своих персонажей вести себя в соответствии с их желаниями и волей, ни-

сколько не осуждая их за это, но и сам в строе этих пьес отдался стремлению к живости, легкости, естественности. Первые драматические произведения Грибоедова — это водевили, удивительно естественные в развитии сюжета, непринужденные в течении стиха. Недаром в рецензии «Сына отечества» отмечалось: «Читая «Притворную неверность», забываешь, что это перевод».

То отрицание неподвижного канона, то свободное от ограничений и оговорок доверие к живой жизни и к живому искусству самим по себе, которые проявились в ранних, почти юношеских пьесах Грибоедова, могли предвещать — и, как вскоре оказалось, действительно предвещали — и силу освободительных устремлений их автора, и его замечательные открытия в искусстве.

Но водевильная природа этих произведений свидетельствовала и о том, что идеи Просвещения, пафос защиты свободы в жизни и в искусстве существовали в ту пору для будущего создателя «Горя от ума» еще отнюдь не во всей своей серьезности и значительности.

В середине 1810-х годов вольнолюбивые и свободолюбивые устремления воспринимались и отстаивались Грибоедовым не только без достаточной глубины.

В написанной Грибоедовым сообща с Катениным пьесе «Студент» остроумно высмеивается сентиментально настроенный, живущий в мире отвлеченных мечтаний и вымыслов Беневольский. Осмеяние это метит в равной мере и в литературные установки Карамзина и карамзинистов, всячески куль-

тивировавших в своем творчестве «чувствительность», и в становившиеся тоже своего рода каноном сентиментальные воздыхания дворянской молодежи. Оно безусловно достигает своей цели и прямо перекликается с несколько более ранним по времени программным заявлением Грибоедова в его статье «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» (1816): «Бог с ними, с мечтаниями; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос».

Однако по сюжету пьесы Беневольскому противопоставлены и выступают от лица «натуры» лишь преуспевающий по службе статский советник Полюбин да офицер Саблин, далекий от идейной борьбы времени. Полюбин является, в частности, счастливым соперником Беневольского в любви. И никаких других «представителей» «натурального» поведения в пьесе нет. Увидеть и обрисовать более серьезных и более принципиальных антагонистов Беневольского авторам «Студента» еще не удалось.

Убедительно развенчивая в полемике с карамзинистами слабые стороны этого литературного течения, Грибоедов и близкие к нему Катенин, Кюхельбекер не всегда и не во всем умели решительно отгородиться от «Беседы» Шишкова и ее последователей, тоже воевавших с карамзинизмом, но противопоставлявших ему столь ненавистную Грибоедову и его друзьям безусловную и безоговорочную верность во всем авторитету, обычаю. Не случайно многие и в разные исторические пе-

риоды воспринимали Грибоедова и его друзей в общем ряду «архаистов», хотя на самом деле Грибоедов боролся с карамзинизмом за нечто совсем противоположное тому, что отстаивали «шишковисты».

3

В «Горе от ума» против распространившейся французомании, против пренебрежения национальной традицией высказываются и Фамусов, и Чацкий. Но при этом они расходятся решительно во всем. И становится ясным, что если Чацкому национальная традиция важна и дорога как свидетельство и выражение собственных возможностей России, ее народа в прошлом и настоящем, то Фамусову близко в традиции лишь то, что позволяет опереться на нее в категорическом и воинствующем неприятии всего нового, всего хоть как-то колеблющего старые устои. Отношение Грибоедова в пору окончания работы над «Горем от ума» к отвлеченно-чувствительным «мечтаниям» по сравнению с порой «Студента» и полемики по поводу перевода немецкой баллады «Ленора» вряд ли изменилось. В самом «Горе от ума» именно сентиментальная мечтательность Софьи сделала Молчалина в ее глазах совсем не таким, каков он есть и каким он только и может быть. Она заставила Софью с начала и до конца придумать себе совсем иного человека, чем действительно существующий. Однако здесь, в «Горе от ума», Грибоедов счел необходимым устами Чацкого гневно осудить

нападки Фамусовых на *любые* мечтания как могущие нести в себе сомнение в существующем, в общепринятом, содержать угрозу ему.

> Теперь пускай из нас один,
> Из молодых людей, найдется — враг исканий,
> Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
> В науки он вперит ум, алчущий познаний;
> Или в душе его сам бог возбудит жар
> К искусствам творческим, высоким и прекрасным, —
> Они тотчас: разбой! пожар!
> И прослывет у них мечтателем! опасным!!

Из этих слов монолога Чацкого видно, что к бесплодным и вредным «мечтаниям» Фамусовы относят все живое, все, в чем проявляются ум, творческая воля, энергия. Для Чацкого (а значит, и для Грибоедова) очень ясно различаются между собою мечтательность Софьи и подлинно высокие устремления ума и души. В характеристике самого Чацкого Лизой Грибоедов в окончательном тексте заменил фразу Музейного автографа: «Кто ж весел и умен, и ловок, и остер, Как Александр Андреич Чадский?» — другой: «Кто так чувствителен, и весел, и остер, как Александр Андреич Чацкий!», подчеркнув так, что «чувствительность» сама по себе еще вовсе не грех, что внутреннее содержание ее может быть разным и может, в частности, свидетельствовать о душевной открытости впечатлениям бытия, собственным благородным побуждениям, о естественной и привлекательной

доверчивости к людям, свободе и непринужденности в общении с ними.

Чувство и ум вовсе не противопоставлены в «Горе от ума» друг другу. Здесь открывается совсем иное: обнаруживается, что и способность к подлинно живому чувству, и «ум высокий» в равной мере несовместимы с фамусовским укладом жизни, с тем здравым смыслом, который торжествует во всем. Чацкий — единственный среди всех персонажей комедии и действительно сильно чувствующий, и действительно умный человек. У людей фамусовского круга могут быть лишь ложная чувствительность и пошлый здравый смысл, но не может быть чувства и ума в собственном значении этих слов. «Чувствительная» Софья легко забыла Чацкого, и у трезво рассуждающего Молчалина есть основания заявить: «Любила Чацкого когда-то, Меня разлюбит, как его». Ни Фамусов, ни Молчалин, ни даже Скалозуб отнюдь не глупы. Но ума у них нет, а есть лишь пошлый здравый смысл, в который ушли, выродились данные им природой возможности. Фамусов может преуспевать в своем кругу, однако представить себе, что Софья ни в каком случае не увлечется Скалозубом, а обязательно выдумает себе Молчалина таким, какого нет в действительности, он уже не в состоянии. Молчалин способен разработать целую программу восхождения по служебной лестнице, но воспринять историю жизни Чацкого иначе, чем как «по службе неуспех», он органически не может — здесь последний предел его способности размышлять. И не случайно, натолк-

нувшись на Софью — явление, по старозаветным нормам фамусовской среды несколько необычное, — он уже не может рассчитать все верно — сила пошлого здравого смысла действенна лишь на той территории, на которой он возрос, и ни на шаг дальше. Грибоедов, не колеблясь, наделил некоторым остроумием безжалостно высмеиваемого Скалозуба, и это нисколько не уменьшило энергии осмеяния: остроумие, порождаемое казармой, а не смелою и непринужденною игрою свободного ума, лишь подчеркивает ограниченность того, кто и в шутке-то не умеет перейти за установленные пределы.

В пьесах Шаховского, Загоскина «умники» противостояли носителям здравого смысла как люди, не заслуживающие одобрения и сочувствия, их несогласие с общепринятыми канонами поведения всячески развенчивалось. По мере обострения общественной борьбы в нападках Шаховского, Загоскина становилась все более явной, все более воинствующей их политическая реакционность, их направленность против всего, что ставило хотя бы под сомнение неприкосновенность существующих форм жизни. Надо сказать, что даже в мольеровском «Мизантропе» «умник» Альцест изображен если не в комическом свете, то все же в некоторой степени двусмысленно. Во всяком случае, ему противопоставлен как лицо несомненно более положительное здравомыслящий Филент.

Как определяющая основа мужественного, во всех отношениях достойного и благородного поведения, чистоты побуждений, искренности, глубины

и энергии чувств в «Горе от ума» решительно и последовательно представлен ум. В столкновении с господствующим здравым смыслом тот, кто действительно умен, у Грибоедова во всем и безусловно прав и безупречен. И даже более того — мера несовпадения с повсеместно торжествующим здравым смыслом есть в известной степени мера подлинности ума. Молчалина, например, по Грибоедову, нельзя назвать умным прежде всего потому, что он принимает всерьез мир понятий и представлений фамусовского круга и считает для себя необходимым, единственно возможным им следовать. После того как Софья, исчисляя достоинства Молчалина, называет только те, которые признаются таковыми в фамусовском кругу, Чацкий абсолютно убежден, что ни уважать, ни любить Молчалина она не может. Когда затем Молчалин сам выкладывает перед Чацким свое жизненное кредо и оказывается, что оно целиком согласуется с законом существования фамусовского общества, Чацкий успокаивается насчет отношения Софьи к Молчалину уже совершенно. Ум, способность глубоко и искренне чувствовать, вызвать к себе серьезное чувство других — и торжествующий здравый смысл стоят у Грибоедова по разные стороны.

В. Н. Орлов в своих работах неоднократно отмечал особое значение проблемы ума в грибоедовской комедии.

Самое понятие ума становится в произведении одновременно и очень широким, и исторически конкретным. Очень широким — ибо оно включает в себя едва ли не все лучшие качества, возможные

в человеке. Исторически конкретным — потому что оно выступает, в сущности, синонимом таких понятий, как вольномыслие, вольнодумство, и наличие ума оказывается уже само по себе характеристикой политических убеждений человека, его отношения и к существующей политической системе, и к народу. Не случайно, отрицая ум в ком бы то ни было из людей фамусовской Москвы, Чацкий с вдохновением говорит об «умном, бодром нашем народе». Именно ум Чацкого отделяет его, по Грибоедову, от фамусовского общества и заставляет вглядываться в своеобразие народной жизни, также содержащей в себе умное начало.

Несшее в себе с огромной внутренней энергией представления об уме, его роли и возможностях, общие для всего европейского Просвещения, «Горе от ума» в то же время явилось самым глубоким и самым достоверным художественным воплощением атмосферы первого этапа освободительной борьбы в России, самым полным и самым последовательным выражением в искусстве социальных и политических идей декабризма. Даже такой реакционный критик, как О. И. Сенковский, не мог не признать, что достоинства «Горя от ума» обусловлены в значительной степени тем, что оно оказалось первой в России «политической комедией».

Все, о чем в комедии идет речь, подчинено теме и проблеме ума. Однако и тот, кем ум представлен, и силы, ему враждебные, приобретают здесь характерный именно для эпохи декабризма, для России первых десятилетий XIX века, политиче-

ский облик и получают прямо высказанную политическую оценку. Монологи Чацкого звучали не только как страстная защита образованности, высоких чувств, человеческой свободы, но и как агитационный призыв к борьбе за осуществление программных требований декабристов. А в персонажах из фамусовского лагеря узнавали особенности поведения совершенно определенных лиц, подсмотренных автором в жизни и воспроизведенных им с глубоким политическим обобщением.

Разумеется, в характерном для Грибоедова объединении вокруг понятия ума очень разных по своему существу общественных, политических, даже индивидуально-психологических явлений сказалась некоторая неизбежная абстрактность и умозрительность просветительского мышления. Однако горячий пафос веры в силу и несгибаемость ума, пронизывающий комедию, вся картина борьбы Чацкого с фамусовской Москвой с необычайной убедительностью передают пору подъема декабристской волны. И сами декабристы с безусловным основанием воспринимали «Горе от ума» как один из важнейших документов, не только выразивших, но и формировавших их движение. Когда в канун восстания, осенью 1825 года, руководители Северного тайного общества решили послать своих представителей в провинцию, чтобы выяснить, каково настроение на местах, и ускорить дело, они решили снабдить своих посланцев списками «Горя от ума», которые должны были помочь в подготовке выступления. «Несколько дней сряду собирались у Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтобы в

несколько рук списывать комедию под диктовку», — вспоминал впоследствии Д. И. Завалишин. Отвечая уже на следствии на вопрос о том, «какие сочинения наиболее способствовали развитию в нем либеральных взглядов», В. И. Штейнгель назвал из «ненапечатанных» «Горе от ума».

Ум предстает в грибоедовской комедии как активный, действенный фактор. И это определяет особенности сюжета «Горя от ума». Одно только появление Чацкого в фамусовском кругу уже само по себе сразу же завязывает действие. «В «Горе от ума»... вся завязка, — отмечал В. К. Кюхельбекер, — состоит из противоположности Чацкого прочим лицам; тут, точно, нет никаких намерений, которых одни желают достигнуть, которым другие противятся, нет борьбы выгод, нет того, что в драматургии называется интригою. Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов, — и только. Это очень просто, но в сей-то именно простоте — новость, смелость, величие... поэтического воображения». Сам Грибоедов, объясняя сюжет комедии, явно стремился подчеркнуть решающее значение в нем того, как соотносятся, как поставлены в жизни по отношению друг к другу ум и среда тех, кто умом не обладает. Говоря о «плане» «Горя от ума», он писал Катенину в начале 1825 года: «...мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка сама не глупая предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов

на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: *«Шутить и век шутить, как вас на это станет!»* — Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки не язвительны, покуда его не взбесить, но все-таки: *«Не человек! змея!»*, а после, когда вмешивается личность, «наших затронули», предается анафеме: *«Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!»* Не терпит подлости: *«ах! боже мой, он карбонарий»*. Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков».

На протяжении первых двух актов в «Горе от ума» открывается, насколько не соответствуют требованиям ума конкретные проявления фамусовского уклада жизни, самые его основы, обнаруживается, насколько глубоко и далеко зашла и утвердилась власть начал, уму противостоящих. Чацкому приходится столкнуться с такими в разном смысле образцовыми ее созданиями, как Скалозуб и Молчалин. Ему суждено после мучительных сомнений убедиться в том, что именно Молчалину он предпочтен Софьей. Обладатель ума одинок среди тех, с кем он встретился, и одиночество его не-

преодолимо. Но чем больше узнает Чацкий о силе враждебных уму начал, тем решительнее бросает он им вызов, тем с большей энергией приводит в действие свое единственное оружие — все настойчивей выступает против всего, с чем ум примириться не может.

В третьем акте, на балу, одиночество Чацкого становится особенно острым. Его перестают слушать, все от него отшатываются. Чацкий, со своей стороны, усиливает борьбу. Его обличения все больше пропитываются гневом, приобретают все более широкий размах, все названо, все высказано. Фамусовский мир переходит в ответное наступление — Чацкого объявляют безумцем. Первоначально, в Музейном автографе «Горя от ума», Софья заявляла о безумии Чацкого, как бы защищаясь от его угрозы отомстить ей («О! давишнее вам так даром не пройдет» — эти слова Чацкого, сказанные Софье, непосредственно предшествовали ее разговору с г. N.). В позднейшем тексте пьесы угрозы Чацкого Софье не осталось. И благодаря этому стала очевидной неизбежность обращения фамусовской Москвы с Чацким в конечном счете как с безумцем. Напомним, что в комедиях Шаховского и Загоскина пошлый здравый смысл выдавался за высший разум жизни, а всякое отступление от традиции, обычая рассматривалось как никчемное «умствование» и рисовалось смешным. В «Горе от ума» обнажена политическая направленность подобных представлений. Объявление Чацкого безумцем — акт мести обладателю знаний, творческой энергии, представителю сил, имеющих

историческое будущее, со стороны общества, у которого ничего этого уже нет и которое может спасать себя, только охраняя невежество, предрассудки, только пытаясь преградить дорогу всему живому и новому. Здравый смысл Фамусовых, Загорецких, гг. N., D. и многих других подсказал им, как бы даже помимо их сознания, что в объявлении Чацкого безумным для них есть и необходимость, и неизбежность. Честная борьба с обладателем ума для них уже невозможна.

Чацкий вынужден покинуть Москву, его выталкивают оттуда. Однако он уходит несломленным. И средство, к которому прибег фамусовский мир, наглядно обнаруживает, насколько все внутренние ресурсы здесь уже исчерпаны, как ничего от ума — и в самом прямом, и в грибоедовском, широком смысле этого понятия — тут больше не осталось.

4

В черновой заметке о «Горе от ума» Грибоедов назвал свою комедию «сценической поэмой». В годы, когда «Горе от ума» завершалось, уже шла работа над «Евгением Онегиным», о котором Пушкин сообщал П. А. Вяземскому 4 ноября 1823 года: «. . .пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница». Несколько позже Гоголь обозначил жанр «Мертвых душ» словом «поэма». Белинскому принадлежит ставшая хрестоматийной характеристика «Евгения Онегина» как «энциклопедии русской жизни».

Все эти как будто не очень близкие между собою определения верно выражают некоторые существеннейшие черты творческого метода передовых художников России на раннем этапе освободительной борьбы и развития реализма как литературного направления. Если, к примеру, говорить об «Евгении Онегине», то можно с полным правом утверждать, что формула Пушкина («роман в стихах») и формула Белинского («энциклопедия русской жизни») очень точно отмечают одну и ту же — и при том важнейшую — особенность этого произведения.

Художественное мышление и Грибоедова, и Пушкина середины 1820-х годов порождено было эпохой, когда, наряду с нараставшим социальным и политическим размежеванием основных общественных сил, очень действен еще был дух общности национальной жизни, во многом поддержанный Отечественной войной 1812 года и с такой яркостью воспроизведенный Толстым в «Войне и мире». Даже революционность этой эпохи была совершенно исключительной по всему своему характеру.

Как историческое явление дворянская революционность могла возникнуть и возникла, когда непримиримая противоположность интересов дворянства в его целом и крестьянской массы только начинала осознаваться. Неверно говорить, как это еще часто делается, о «дворянской ограниченности» декабристов. Тут имеет место нечто совсем иное. Декабристы в главном, в решающем исходили из необходимости и возможности согласовать инте-

ресы и устремления дворянства и народа. В том, что согласованности этой в настоящем не было, они видели результат уклонения дворянства в целом или каких-то его слоев от возможного и обязательного пути. В самой своей революционности декабристы сохраняли принадлежность к дворянству. Ленинская формула — «дворянские революционеры» — предельно точна и необыкновенно глубоко характеризует явление в самом главном его содержании.

В. И. Ленин специально обращал внимание на то, что просветители говорили не только о народе в целом, но и о нации в целом. Дворянская революционность в своем собственном историческом бытии не могла еще отделиться от либерализма, — более того, она с абсолютной неизбежностью, по природе своей, несла его элементы в самой себе, поскольку она была революционностью дворянской.

Художественному мышлению той эпохи, которая выдвинула декабризм, многие тенденции внутри явлений открывались главным образом как сосуществующие — во всяком случае, пока — начала. И это определяло весь строй поэтического сознания художников. У Пушкина, как с полным основанием отмечал Белинский, «уживались вместе тенденции... человека и дворянина». Белинский был прав и тогда, когда говорил, что в «самой сатире» Пушкина в «Евгении Онегине» «много любви», и добавлял: «Это было причиной, что в «Онегине» многое устарело теперь (речь, очевидно, идет о типе восприятия действительности,

выразившемся в пушкинском «романе в стихах». — *Я. Б.*). Но без этого, может быть, и не вышло бы из «Онегина» такой полной и подробной поэмы русской жизни...» Наполнение у Грибоедова проблемы и понятия ума сложным и многообразным содержанием тоже несет на себе печать времени, еще не размежевавшего многих своих начал, еще не воспринявшего каждое из них в его собственном и особенном, отдельном значении.

В подобном историческом контексте слова Белинского об «энциклопедичности» «Онегина» указывают не только на широту охвата действительности в пушкинском «романе в стихах», но и на то, что с этой широтой охвата неразрывно связано освещение каждого из явлений без аналитического их рассечения, без погружения внутрь их. Этот способ изображения и в самом деле заставляет вспомнить именно энциклопедию — книгу обо всем, дающую представление об объектах своего внимания только как о некоем целом. Не пафос расчленяющего анализа, пристального рассмотрения различных тенденций внутри явлений в их, этих тенденций, развитии и столкновении между собой, а пафос восприятия явлений в их целостности определяет собою художественную структуру как «Евгения Онегина», так и «Горя от ума». В «Горе от ума» решительно противопоставлены друг другу Чацкий и фамусовская Москва. Но разные внутренние начала каждого из этих явлений взяты вне их собственной качественной определенности (она могла выявиться лишь позже),

з их неотделенности, неотграниченности еще друг от друга.

В пределах того этапа художественного освоения действительности, который представлен в нашей литературе прежде всего «Онегиным» и «Горем от ума», и для романа, и для пьесы внутренне органичны и стиховая форма, и прямое наследование некоторых черт романтической поэмы. Стиховая форма здесь по-своему, благодаря самой природе стиха, поддерживает и утверждает тот широкий, легко захватывающий одним уже упоминанием о них многие и многие явления жизни, свободный от расчленяющего рассечения подход к ним, который составляет одну из важнейших особенностей реализма «Онегина» и «Горя от ума». В романтической поэме почти всегда открыто обнаружено, что все изображаемое непосредственно не существовало, что оно придумано автором, родилось в его голове; автор романтической поэмы нисколько не таит, что бытие своим героям дал он сам (хотя это, разумеется, ни в малейшей степени не означает, что в них не отражена жизнь). Не погружаясь взглядом внутрь явлений, не отдаваясь наблюдению за процессом развития в них их разных внутренних начал и в то же время отмечая нередко, так или иначе, возможное расхождение этих начал в дальнейшем, и Грибоедов, и автор «Евгения Онегина» не могли не обнаруживать свою авторскую власть над героями, должны были прямо «признаваться» в художественной созданности предстающих перед читателем картин.

Если подходить к «Горю от ума» с критериями,

утвержденными в литературе романом и драмой середины XIX столетия, может показаться, что в грибоедовской комедии, да и в «Онегине», в круг изображения захвачено не так уж многое. Действительно, и в «Горе от ума», и в «Онегине» *изображением* в том смысле, какой приняло это понятие после «натуральной школы», при Толстом и Достоевском, почти ничто из всего множества упоминаемых здесь явлений не затронуто. Но в поэтической системе «Онегина» и «Горя от ума» даже одного упоминания бывает совершенно достаточно, чтобы явление могло обрести художественную ощутимость. Ни минуты не задумываясь и не сомневаясь, любой из читателей всегда скажет, что в грибоедовской комедии *показаны* и крепостное право, и положение наук и просвещения в России, и тайные общества, хотя все это введено в «Горе от ума» не прямым воспроизведением и представлено лишь как разные грани в политическом противоборстве ума и сил, ему враждебных.

Противоборство это увидено автором «Горя от ума» как главное содержание русской действительности, охватывающее все ее сферы, все формы отношений между людьми. Проявления этой борьбы всюду — в истории любви Чацкого и в отношении Фамусова к книгам и к науке, в успехах Молчалина и «неуспехах» Чацкого. Объединяя множество столкновений времени в конфликте ума и его врагов, Грибоедов улавливал жизненное многообразие этих столкновений, что́ открывало перед ним характеры с разных сторон, делало их в его воспроизведении объемными, как и в самой жизни,

Любой из персонажей «Горя от ума» оценен строго и последовательно по его месту в политическом конфликте эпохи. Но Грибоедов обнаруживал, как по-своему приходят к исполнению даже одной и той же в конечном счете общественной роли Фамусов и Софья, Скалозуб и Молчалин, как по-разному они одну и ту же роль ведут.

Характеры предстали в «Горе от ума», как и в пушкинском «Борисе Годунове» и «Евгении Онегине», в своей реальной и конкретной сложности. При этом и «внутри» характеров отдельные, даже противоположные подчас друг другу начала воспроизведены без той качественной определенности, которая могла и должна была прийти лишь впоследствии, лишь с дальнейшим ходом истории и дальнейшим развитием реализма.

Долго шли споры о том, против кого направлен Грибоедовым образ Репетилова. Конечно, споры эти имели, как правило, политический смысл. Однако знаменательно, что даже сторонники прямо противостоящих точек зрения могли находить достаточно веские аргументы в свою пользу.

Сейчас уже доказано, что фигура Репетилова бьет по тем, чьи вольнолюбивые настроения были неустойчивы, а готовность к действию очень невелика, от кого тайные общества все решительнее освобождались по мере кристаллизации целей и форм борьбы. Но Пушкин находил в Репетилове не один, а сразу «2, 3, 10 характеров».

В Музейном автографе «Горя от ума» есть зачеркнутые строки, где Репетилов представлен прежде всего «мотом, обжорой, игроком, повесой»,

Он говорит Чацкому о своих занятиях в Английском клубе:

Играл, по маленькой играл,
Пил, жажду запивал,
Съел три куска чего-та,
Я знаю, у тебя все на счету я мота,
Обжоры, игрока, повесы... виноват,
С друзьями в воду рад,
Зато грехи свои всем выскажу свободно
Кому угодно.

Есть сведения, что прототипом для Репетилова послужил знакомый Грибоедова Шатилов, ни в какой степени к тайным обществам не причастный, по словам Бегичева — «добрый малый, очень пустой и одержимый несчастной страстью беспрестанно острить и говорить каламбуры».

В окончательном тексте грибоедовской комедии не превращены в единственную определяющую тенденцию репетиловского облика ни его прикосновенность к «секретнейшему союзу» на определенной стадии деятельности тайных обществ, ни его безудержное легкомыслие. Но присутствует в Репетилове и одно, и другое — в той мере и форме, в какой они друг друга до времени не исключали. Не исключали примерно так же, как в Ленском в пору, когда он уходит из жизни, еще вполне совмещаются не проявившиеся пока вполне тенденции двух прямо противоположных вариантов его будущего («Быть может, он для блага мира Иль хоть для славы был рожден» и «А может

быть и то: поэта Обыкновенный ждал удел»). Ленский убит, будущее в данном случае никогда не наступит, и автор «Онегина» только догадывается о том, что могло бы произойти, нисколько не скрывая, что все это его предположения о возможном.

Нет нужды говорить, как далеко отстояли друг от друга в глазах Грибоедова Репетилов и Чацкий. Но Репетилов появляется перед Чацким, появляется, когда бал уже позади и героем произнесены все самые резкие обличительные речи. Пушкин с неодобрением заметил, что они высказаны Фамусову, Молчалину, «на бале московским бабушкам», то есть тем, кому все это говорить ни к чему, кто слову Чацкого, вне всякого сомнения, не поддается. Репетилов рассказывает не к месту и не ко времени о тайных собраниях по четвергам в Английском клубе, о людях, которые там встречаются, рассказывает взахлеб, так, что его не остановить. И говорение это, характеризующее Репетилова, приоткрывает завесу также над одной из тенденций возможной последующей жизненной истории Чацкого. Автор «Горя от ума» слишком хорошо знал, что одолеть своих «злодеев» Чацкому не суждено, и, видимо, уже не счел себя в праве не указать, что *дальнейший* путь очень честного и героически настроенного человека может быть осложнен и внутренними последствиями действий в одиночку и неизбежных нескончаемых неудач, хотя пока еще это Чацкого никак не снижает.

При постановке «Горя от ума» на сцене особые трудности возникали и возникают перед исполни-

тельницами роли Лизы. Одни из них всячески выделяют в Лизе ее положение крепостной дворовой девушки, другие предпочитают играть доверенное лицо Софьи с явными чертами французской субретки. Однако при любом *выборе* оправдать все в поведении Лизы не удается. И объясняется это тем, что грибоедовский подход вовсе не предполагает выбора: в грибоедовской Лизе крепостная девушка и доверенное лицо Софьи нераздельны. Когда в Художественном театре Лизе попробовали придать крестьянский акцент и с помощью этого решительно отсечь в ней все, что в ее крестьянское положение как будто не укладывается, то, признавал В. И. Немирович-Данченко, «очень скоро обнаружилось, что это, как говорится, режет слух, дисгармонирует с красотой и музыкальностью стиха». Но мы отмечали выше, что стиховая форма не есть для комедии нечто внешнее, она является органическим элементом выразившегося в «Горе от ума» художественного мышления. И значит, всякое «высветление» в Лизе какой-то одной стороны ее облика не отвечает самой художественной природе «сценической поэмы».

В «Горе от ума» нельзя найти прямых указаний на степень родовитости Фамусова. На сцене его нередко играли то очень богатым и кичливым аристократом, то чуть ли не недавним выходцем из разночинной среды, вчерашним Молчалиным. Действительно, и в этом персонаже как будто несовместимые — если исходить из последующего исторического опыта и более позднего развития реа-

лизма — внутренние качества еще предстают в некоем сочленении.

Творческий метод, проявившийся, в частности, в грибоедовской комедии, не несет в себе ни развернутых и категоричных социально-психологических мотивировок, ни бытовой подчеркнутости жизненных подробностей. Методом этим могла быть успешно «взята» отнюдь не любая проблематика. У Грибоедова он дал великие результаты, когда люди и господствующий быт должны были быть проверены и оценены по их месту в борьбе ума с общественной глупостью, консерватизмом, политической реакцией.

5

Сложившийся бытовой уклад во всех его проявлениях виделся автору «Горя от ума» как наиболее прочное воплощение сил, уму противостоящих, — косной традиции, мертвого обычая, выпавшего из хода истории авторитета. Именно в этом качестве и предстает быт в комедии, что и делает «картину нравов» в «Горе от ума», как отметил еще Пушкин «резкой», — резкой не только по вложенной в нее оценке: присутствующие на страницах «Горя от ума» черты быта всегда и всюду непосредственно и подчеркнуто подведены к тому столкновению ума и начал, ему враждебных, которое занимает здесь автора. Быт в комедии повернут преимущественно политическим своим содержанием, что, разумеется, не может дать такого широкого представления о нем, какое мы полу-

чаем, к примеру, в «Ревизоре» или в пьесах Островского. Бытоописания в собственном смысле слова в «Горе от ума» нет. И именно благодаря этому «картина нравов» естественно сочетается с центральным положением в пьесе героя, который показан вне быта, вся жизнь которого тем и значима, что протекает исключительно в сфере ума, быта как бы вовсе и не касаясь.

Отмечаемые Грибоедовым подробности быта участвуют в сложении политической характеристики фамусовской Москвы как мира, Чацкому — и, шире, вообще уму — враждебного. И на тех же, в сущности, правах — правах подробностей и симптомов этого склада жизни — выступают в пьесе люди, составляющие фамусовский мир. Каждый из них важен не сам по себе, не в отдельности, а как частица некоего устойчивого в идеологическом смысле целого. Знаменательно в этом отношении, что постановки именно «Горя от ума», уже самые ранние, выдвинули впервые перед русским театром проблему актерского ансамбля: обойтись здесь более или менее удачным исполнением одних лишь основных ролей было невозможно, для главного, решающего в пьесе Загорецкий по-своему так же существен, как Фамусов или Молчалин. Не случайно при возобновлении после революции «Горя от ума» на сцене Московского Художественного театра К. С. Станиславский очень внимательно отнесся к бездействующим или почти бездействующим, но присутствующим в пьесе персонажам, указывал актерам на важность и этих ролей.

Ряд персонажей в «Горе от ума» как будто не

включен или почти не включен в движение сюжета. Для сюжетного развития, на первый взгляд, не нужны не только вводимые через рассказ Фамусова Максим Петрович или Кузьма Петрович, но и появляющиеся на сцене Горичи, или Загорецкий, или Хлёстова, или даже Репетилов. Однако они необходимы, чтобы представить фамусовскую Москву как целостный бытовой уклад. Таким образом, все они к драматическому конфликту и даже к перипетиям сюжета непосредственно причастны. Но причастны иначе, чем это обычно бывало до «Горя от ума», причастны по-новому, как нов у Грибоедова по своему существу и драматический конфликт, лежащий в основе пьесы. «...Расширяя сцену, населяя ее народом действующих лиц, он, без сомнения, расширил и границы самого искусства», — справедливо заметил о Грибоедове П. А. Вяземский.

Особый характер участия многих лиц в сюжете — как слагающих и выражающих бытовой уклад в его идеологическом содержании — обнажен тем, что кое-кто из них не имеет даже фамилий (г. N., г. D.), другие оставлены за сценой, третьи могут быть отличены друг от друга лишь по именам, так как об их облике и поведении сообщено примерно одно и то же (Кузьма Петрович и Максим Петрович, Татьяна Юрьевна и княгиня Марья Алексевна).

Создание образа фамусовской Москвы как бытового уклада, воплощающего определенное идеологическое содержание, потребовало от автора «Горя от ума» специальных усилий.

Показательно, что Грибоедов взялся за третий акт — «вечер у Фамусова», лишь обновив в Москве свои старые впечатления: именно в третьем акте фамусовский мир и должен был уже непосредственно предстать в борьбе с Чацким как целое. В третье и четвертое действия введен ряд массовых сцен. В процессе работы над комедией Грибоедов неоднократно превращал индивидуальные черты отдельных персонажей в общее свойство целого мира, лишь находящее в том или ином лице, к этому миру принадлежащем, свое проявление и выражение. Так, в знаменитом монологе Чацкого «А судьи кто?» какой-то «грабительством богатый» человек, нашедший «защиту от суда в друзьях... в родстве», по пути от Музейного автографа к окончательному тексту уступил место множеству подобных лиц:

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.

Качества Молчалина, отмечаемые Чацким в Музейном автографе как свойства конкретного лица («Конечно, смирен, тих, безгласнее травы, Бог знает, в нем какая мудрость скрыта»), в последней редакции прямо отнесены к целому кругу: «Конечно, смирен, *все такие* не резвы; Бог знает, в нем

какая тайна скрыта». (Курсив наш. — *Я. Б.*). Не сразу появились в монологе «А судьи кто?» такие лица, как театрал-крепостник, актеры которого были все «распроданы поодиночке», или «Нестор негодяев знатных», выменявший преданных слуг на «борзые три собаки», — лица, составившие затем, не будучи названы какими-нибудь именами, неотъемлемую часть общей картины. Заключительный монолог Чацкого в последнем действии сначала не содержал итоговой общей характеристики основных, с точки зрения Грибоедова, черт жизни фамусовского мира. Монолог этот представлял собою почти целиком лирическое выражение гнева Чацкого против фамусовского общества без обозначения главных особенностей в поведении, образе жизни людей этого общества. Обозначение это было введено Грибоедовым в дополнивших собою последний монолог Чацкого двенадцати строках:

С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых.
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простаков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, —
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы пра́вы: из огня тот выйдет невредим,

Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.

В оценке тех, кто входит в фамусовский круг, для автора «Горя от ума» важно, что каждый из них и все они вместе не хотят отойти от традиции, обычая, привычки, решительно не могут быть умными. И когда тому или иному из людей фамусовского общества Грибоедов дает «значимую» фамилию (Молчалин, Скалозуб, Репетилов — от французского repeter — повторять), то она прежде всего указывает, какая из особенностей сложившегося быта оказывает в этом человеке противодействие уму. Принцип «имен-масок», шедший из драматургии классицизма используется Грибоедовым по-своему и для своих целей.

Нисколько не тягостны, а, пожалуй, даже выигрышны были для Грибоедова в «Горе от ума» и пресловутые «единства» — времени, места, действия. Соблюдение их, несомненно, также связано с тем главным и строжайшим, рационалистическим по своему существу, единством, которое создается в комедии всеохватывающим и всеопределяющим значением в ней темы и проблемы ума.

6

Покойный исследователь истории русского литературного языка Г О Винокур отмечал, что «преобразование драматического языка, к которому стремился Пушкин в «Борисе Годунове», осуществлялось Пушкиным посредством замены условного жанрового языка классической русской трагедии поэтическим языком двадцатых годов, в

том виде, в каком этот язык создавался самим Пушкиным». Наблюдения ученого над «Борисом Годуновым» многое объясняют и в языковой структуре и особенностях стиховой системы «Горя от ума».

Одновременно с Пушкиным Грибоедов «Горем от ума» решительно преодолевал существовавший в ту пору разрыв между разговорной речью и стиховой формой основных литературных жанров. Еще до Пушкина и Грибоедова немало сделал для сближения «просторечия» разных слоев общества и литературных форм стиха Крылов. Но достижения Крылова в этой области ограничивались сферой басни, жанра, издавна наиболее близкого к разговорной речи. Автор «Горя от ума», освобождаясь от господствовавших до него, а отчасти еще и при нем, законов жанрового и вообще иерархического мышления, заставил действующих лиц своей комедии поддерживать самое естественное общение друг с другом, пользоваться самыми разговорными выражениями и в то же время произносить стихи. Это содействовало демократизации литературной стиховой формы, освобождению ее от некой сугубой условности, открывало путь для своеобразного использования и ее средств в художественном исследовании характеров и быта. Соединение разговорной речи со стихом было также одним из путей поэтического возвышения действительности, как бы возводило действительность в новый эстетический ранг, обнаруживало в ее живой конкретности источник поэтического содержания. Белинский не напрасно подчеркивал, что

«вместе с «Онегиным» Пушкина „Горе от ума“ было первым образцом поэтического изображения русской действительности в обширном значении слова».

Осуществленное в «Горе от ума» слияние разговорной речи и литературных форм стиха со своей стороны немало способствовало жизненной полноте, художественной достоверности и убедительности в разработке основной проблематики пьесы, проблематики, все-таки во многом питавшейся отвлеченно-просветительскими представлениями об уме, о его соотношении со всем многообразием явлений и сфер жизни. В огромной степени именно оно, это слияние, придало проблематике «Горя от ума» живую ощутимость и эмоциональную наполненность. И этот же синтез поддерживает воспроизведение в пьесе черт быта и нравов высоко над любым быто- и нравоописанием, на уровне «сценической поэмы».

Завоевания Грибоедова в этой области оказались впоследствии необычайно значимы для всей русской литературы — как для поэзии, так и для прозы, пожалуй в равной мере, хотя и по-разному, сводивших искусство в жизнь и подымавших жизнь до искусства.

У самого Грибоедова стиховое преображение разговорной речи, вероятно, в одинаковой степени и порождалось «энциклопедической» природой его метода, и само участвовало в ее формировании. По свидетельству Д. И. Завалишина, продолжая работу над комедией даже тогда, когда она уже переписывалась от руки во многих экземплярах

уезжавшими из Петербурга на места офицерами, Грибоедов добивался в первую очередь разговорности ее стиха.

«Горе от ума», каким оно вышло в конечном счете из-под пера автора, — *сценично* в самом прямом и в самом широком смысле этого слова. И в то же время «Горе от ума» — *поэма*, где все, что говорят герои, так или иначе как бы входит и в состав речи самого автора, оставляющего открытой зависимость от его воображения всей созданной художественной картины. Поэтому закономерно, например, что небезупречные с точки зрения вкуса остроты, встречавшиеся в высказываниях отдельных персонажей в первоначальной редакции, в окончательном тексте не могли сохраниться не только у Чацкого, но и у жены Горича.

Слияния разговорности со стихом Грибоедов достигал разными путями — не только используя просторечную лексику и фразеологию, но и преобразуя структуру драматических монологов и диалогов, уходя от традиционных для комедии форм стиха.

Прежде всего, темы ряда монологов в «Горе от ума» непосредственно подхватываются лицами, при их произнесении присутствующими, и эта реакция сразу же отражается на дальнейшем течении монологов. Так, в первом действии монологическое, в сущности, высказывание Чацкого о людях фамусовской Москвы многократно перебивается его вопросами к Софье, ее ответами и замечаниями, которые тут же «учитываются» Чацким: он отвечает на них, они подают ему новые мотивы. Благодаря этому даже длинные монологи

не выглядят прерывающими и разрывающими естественное общение персонажей между собою, не вторгаются в это общение как некое чужеродное начало.

Реплики в диалогах «Горя от ума» едва ли не во всех без исключения случаях прямо обращены к собеседнику, по своему содержанию ему адресованы и вызывают у собеседника немедленный отклик, который со своей стороны побуждает вести разговор дальше.

Остроту и образную силу диалогу нередко придает разбивка стихотворной строки на две, три или даже четыре реплики. Вот пример разделения одной строки на три реплики:

Загорецкий

...Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

А вот две следующие друг за другом строки, разбитые на шесть реплик:

Г. N.

Ты слышал?

Г. D.

Что?

Г. N.

Об Чацком?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

С ума сошел!

Г. D.

Пустое.

Сплетня о сумасшествии Чацкого встречается каждым в первый момент с недоумением и недоверием. Г-н D. г-ну N. как будто даже возражает. Однако их реплики, мгновенно сменяющие друг друга, входят в единство стихотворных строк, в составе строк друг друга продолжают. Сомневающиеся и возражающие, еще не успев задуматься, уже схвачены вихрем пущенной сплетни, уже отдались ее, если можно так сказать, ритму. И они уже сами включаются в ее распространение.

К подобной разбивке стихотворных строк Грибоедов мог прибегнуть потому, что хотя и писал «Горе от ума» ямбом, как принято было вообще писать комедии, но, в нарушение традиции, перенес в комедию из басен *вольный ямб*, что позволило свободно варьировать число стоп в стихе. Варьирование же это приобретает в комедии сплошь и рядом весьма выразительный смысл.

Разумеется, было бы более чем странно думать, что различия в числе стоп между строками, разбивка строки на реплики или какие-нибудь другие особенности в структуре стиха имеют сами по себе определенное смысловое значение. Но в составе художественного целого и особенно заметное варьирование числа стоп в какой-нибудь части текста, и разбивка строки на реплики в

одном месте при отсутствии ее в других местах в том же произведении могут получить содержательное наполнение и стать одним из действенных средств художественной выразительности. «Горе от ума» обнаруживает это в полной мере.

7

Сочувствуя целям декабристов, выразив в «Горе от ума» идеи и настроения, которые имели своей опорой подъем декабристского движения и которые самими участниками тайных обществ были приняты как свои, Грибоедов еще до событий на Сенатской площади сознавал, как несостоятельны планы заговорщиков, как безнадежна их попытка силами небольшой кучки изменить «политический быт» России. И до восстания, и особенно после его разгрома Грибоедов напряженно размышлял о положении народа, о его внутренних возможностях, о судьбе безнародных заговоров, о возмездии за зло. Раздумья эти отразились в ряде грибоедовских литературных замыслов, которые известны лишь в очень неполной мере.

В конце 1823 или 1824 года к открытию нового театра в Москве Грибоедов предполагал написать драматическое произведение в стихах под названием «Юность вещего», главным действующим лицом в котором должен был стать Ломоносов. Внимание Грибоедова, очевидно, при-

влек путь человека из народа к вершинам знания, образованности.

В «Горе от ума» Чацкий говорит об «умном, бодром нашем народе». Но персонажи, которых можно отнести здесь к народу (Лиза, Петрушка), этих качеств, в сущности, не проявляют. Народ — в том значении, какое придают этому понятию Чацкий и сам автор, — и непосредственно представленные люди из народа почти не соотнесены в «Горе от ума» между собою. За решение этой задачи Грибоедов, видимо, и брался в «Юности вещего», исходя из действительно имевшей место жизненной истории великого сына России.

В драме о 1812 годе, замысел которой возник у Грибоедова также в середине 1820-х годов, речь уже должна была идти не о прошлом, а о том, современником чему был сам Грибоедов. И здесь, насколько можно судить по дошедшим до нас наброскам, в еще большей степени и с большей разносторонностью, чем в «Юности вещего», должны были выясниться неумирающие возможности народа. Одновременно должно было раскрыться коренное несоответствие им существующих социальных и политических форм жизни: в плане эпилога отмечено, что по окончании войны «вся поэзия великих подвигов исчезает», крепостной М*, проявивший себя в сражениях героем, оказывается «в пренебрежении у военачальников. Отпускается восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию... Прежние мерзости. М* возвращается под палку

господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние . . . .[1] самоубийство».

В комедии о фамусовской Москве все, что принимал и утверждал автор, соединялось в понятии ума (как мы помним, сюда входили даже искренность и пылкость чувств), все, Грибоедову враждебное, виделось как воплощение сил, чуждых уму. В плане «1812 года» как будто намечается преодоление этого односторонне-просветительского взгляда. Во французском стане здесь появляется «поседелый воин», который в пору успехов наполеоновского нашествия «с горьким предчувствием опытности остерегает насчет будущих бедствий». Наполеон стремится понять своеобразие русского народа — «юного, первообразного». Нашествие приходит к краху. Тяжкие страдания выпадают на долю и «поседелому воину», и другому французу, которые оба ведут себя мужественно и «умирают героями». Но победа России ничего не дает и М *, ни от чего его не избавляет. Грибоедов явно стремился постичь внутреннюю сложность исторического процесса, проникнуть в его внутренние закономерности и уже отказывался сводить всё к борьбе ума с силами, ему противодействующими.

Надо думать, что именно в этой связи вызывали у Грибоедова интерес различия между национальными культурами, национальными типами сознания, интерес, отразившийся в замыслах та-

---

[1] Пятнадцать точек в этом месте поставлены при первой публикации.

*

ких драм, как «Серчак и Итляр», «Родамист и Зенобия», «Грузинская ночь», в стихотворении «Хищники на Чегеме», в отрывке из поэмы «Кальянчи». В «Хищниках на Чегеме» Грибоедову удалось художественно овладеть некоторыми своеобразнейшими чертами совсем чужой для него психологии, выразить их не внешними приметами, а изнутри, всем образным строем стихотворения, самим его ритмом. В «Кальянчи» Кюхельбекер услышал «подлинный, чистый персидский тон».

Центральное место в одном из важнейших поздних грибоедовских замыслов, в «Родамисте и Зенобии», занимает вопрос о безнародном заговоре. Декабристы еще нисколько не сомневались в том, что безнародный заговор является вполне плодотворным средством борьбы за облегчение участи народа, что в случае своей удачи он может принести решение всех самых главных и самых высоких задач. Кюхельбекер в «Аргивянах» видел трагедию своего героя-тираноборца лишь в том, что для его победы над тираном необходимым оказывалось насилие. Сам Грибоедов в «Горе от ума» причину неудач Чацкого усматривал в прочности начал, уму враждебных. Из дома Фамусова Чацкий уходит «истинно героическим лицом» (по верному определению Аполлона Григорьева): в отличие от «Онегина», который завершался в конце 1820-х годов, «Горе от ума» рождено было порой декабристского подъема.

И все-таки уже в «Горе от ума» указано, пусть намеком, и на возможные тяжкие внутренние по-

следствия действий в одиночку, даже если одиночество это вынужденное, а тот, кто на него обречен, ведет себя героически. Выше уже шла речь о том, что Грибоедов не напрасно заставил Чацкого после речей на балу наткнуться на Репетилова. Выбранное в конечном счете заглавие комедии, в отличие от первоначального («Горе уму»), хотя бы и в самой незначительной степени, но все же распространяет и на авторское отношение к Чацкому то ощущение превосходства в уме, которое ко всем остальным персонажам пьесы Грибоедов выказывает явно и подчеркнуто. Автор нисколько не воспринимает Чацкого свысока, но он явно знает и что-то, о чем Чацкий еще не догадывается. Пушкин был прав, когда заметил, что между автором и героем «Горя от ума» есть некое расстояние.

В набросках к «Родамисту и Зенобии» об одном из действующих лиц, Касперии, говорится, что, «иного века гражданин», он опасен правительству, но при этом «и сам себе бремя». Далее предполагалось обрисовать, как против царя Родамиста возникает заговор, в котором «народ не имеет участия... он будто не существует», как «заговорщики ссорятся о будущей власти...». Когда «возмущение делается народным», то это происходит независимо от «заговорщиков», на их действия и судьбу никакого влияния, видимо, не оказывает. Развивается «народное возмущение» своим сложным путем, в котором специально отмечены стихийность, отсутствие осознанной цели.

Так все глубже открывалась Грибоедову трагедия разрыва между жизнью народа, происходящим в ней движением, с одной стороны, и умонастроениями, образом действий передовых людей образованного круга — с другой. О том, как горестны были самому Грибоедову эти открытия его мысли, с достаточной очевидностью говорит хотя бы его восклицание в очерке 1826 года «Загородная поездка»: «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки!»

Все известное о замысле трагедии «Грузинская ночь» позволяет утверждать, что здесь Грибоедов намерен был показать, как даже справедливый гнев матери против бесчинств крепостников, при индивидуалистическом способе ее действий, питаемом чувством мести, лишь множит сумму зла в мире.

Во всех своих драматических начинаниях последних лет Грибоедов стремился перейти к анализу явлений в их внутренней противоречивости, в движении этих противоречий, пытался проникнуть в связь даже далеких, на первый взгляд, друг от друга характеров и событий. Поиски автора «Горя от ума» шли на магистральных путях развития литературы. Ведь уже в «Евгении Онегине» Пушкин напряженно всматривался в происходившее и предстоявшее изменение разных начал онегинского характера и в то же время

постигал меру и существо воздействия на своего героя того самого общественного круга, который героем этим понят и осужден.

Во всех замыслах Грибоедова намечалось решительное нарушение классических единств, давало о себе знать стремление едва ли не каждый жизненный факт возводить к широчайшим, чуть не космическим морально-философским обобщениям. При этом Грибоедову, естественно, становилось тесно в обычных для того времени рамках стиховой драмы. В «1812 годе» взамен традиционного александрийского стиха мы встречаемся уже с белым пятистопным ямбом. Из «Родамиста и Зенобии» вообще никакие стихотворные тексты не известны.

Сейчас трудно сказать, возможно ли было в пору, когда жил Грибоедов, на той ступени развития общественной мысли и реалистического искусства, осуществление литературных замыслов, подобных грибоедовским. Но у автора «Горя от ума» они уже родились, и тем, что осуществление их ему не давалось, он мучился.

Продолжение раздумий, художественного поиска Грибоедова мы можем найти в XIX столетии у Лермонтова и у революционных демократов, у Достоевского и у Льва Толстого. Не из рук Грибоедова получили они вопросы, над которыми бились всю свою жизнь. Их ставила перед ними история. Но это нередко оказывались те самые вопросы — пусть по-новому повернутые

и по-новому значимые — на которых одним из первых, когда век был еще у начала, остановил свое внимание автор «Горя от ума».

Гоголь и Островский, развивая русскую драматургию дальше, наследовали грибоедовские завоевания.

Грибоедов стоял у истоков того процесса демократизации литературных форм русского стиха, который, неуклонно нарастая, шел на протяжении всего XIX столетия.

Многие и многие из выражений, родившихся на свет в «Горе от ума», настолько вошли в повседневную русскую речь, что стали от нее неотделимы. Представить себе ее без них невозможно.

Спустя почти полтораста лет после появления комедии ее характеристики и оценки несут свою общественную службу, остаются оружием в борьбе.

И вновь и вновь звучит со сцены грибоедовское слово, все новые и новые поколения волнуются волнением Чацкого и — в еще большей степени — человека, давшего ему художественное бытие.

Так жил и живет Грибоедов.

Я. Билинкис

ГОРЕ ОТ УМА

Комедия
в четырех действиях
в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.
Софья Павловна, дочь его.
Лизанька, служанка.
Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.
Александр Андреевич Чацкий.
Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.
Наталья Дмитриевна, молодая дама } Горичи.
Платон Михайлович, муж ее }
Князь Тугоуховский и
Княгиня, жена его, с шестью дочерями.
Графиня бабушка } Хрюмины.
Графиня внучка }
Антон Антонович Загорецкий.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.
Г. N.*
Г. D.*
Репетилов.
Петрушка и несколько говорящих слуг.
Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде.
Официанты Фамусова.

Действие в Москве в доме Фамусова.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортопиано с флейтою, которые потом умолкают.

Л и з а н ь к а среди комнаты спит, свесившись с кресел.

Утро, чуть день брезжится.

Л и з а н ь к а

(вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать — отказ.
«Ждем друга». — Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им...

(Стучится к Софии.)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда:
Зашла беседа ваша за́ ночь;
Вы глухи? — Алексей Степаныч!
Сударыня!.. — И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро. — Что-с?

Голос Софии

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София

(из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София

(оттуда же)

Неправда.

Лизанька

(прочь от дверей)

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что́ бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Лиза и Фамусов.

Лиза
Ах! барин!

Фамусов
Барин, да.
(Останавливает часовую музыку.)
Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопьяно;
Для Софьи слишком было б рано?? . . .

Лиза
Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусов
Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так верно с умыслом.
(Жмется к ней и заигрывает.)
Ой! зелье, баловница.

Лиза
Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Фамусов
Скромна, а ничего кроме́
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:

Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь, доложу-с
Извольте же итти; разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза

(как можно громче)

Да полноте-с!

Фамусов

(зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат...

Фамусов

Всё ты лжешь.

(Голос Софии)

Эй, Лиза!

Фамусов

(торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза

(одна)

Ушел. — Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

ЯВЛЕНИЕ 3

Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин.

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза

Конечно вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите, знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София

(Молчалину)

Идите; целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их.)

Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.

ЯВЛЕНИЕ 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:

Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был
обманут...

София

(сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!

Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по лётам,
А пуще дочери, да сами добряки.
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;

В Москву переведен через мое содейство;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.

София

Вот в чем однако случай весь:
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног.

Фамусов

Пожалуй на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог!

София

По смутном сне безделица тревожит;
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
Но робок... Знаете, кто в бедности рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса. —
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол — и вы оттуда
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь — и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему — вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит! .. —
Проснулась. — Кто-то говорит, —

Ваш голос был; что́, думаю, так рано?
Бегу сюда — и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти и любовь, и страхи и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, за чем же? — говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!
(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;

Где чудеса, там мало складу. —
Поди-ка, ляг, усни опять.
(Молчалину)
Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

ЯВЛЕНИЕ 5

София, Лиза.

Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва нехороша.

София

Чтó мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор...
Ты можешь посудить...

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас; — добро еще со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум нейдет,
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья...
А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни вó веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами, да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;

Ну разумеется к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он ба́лы;
Вот например полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, —
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,
Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится...

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? — Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался. —
Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь...
А он в ответ: «Недаром, Лиза, плачу,
Кому известно, что́ найду я воротясь?

И сколько может быть утрачу!» —
Бедняжка будто знал, что года через три...

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено быть может поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!! ...
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко —
Охота странствовать напала на него,
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать, и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни, чай, от скуки, — повольнее.

София

И верно счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я, не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости, — всегда застенчиво, несмело

Ночь целую с кем можно так провесть!
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. —
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому!

Лиза

Мне-с? .. ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить,
И через три дни поседела.
(Продолжает хохотать.)

София

(с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

ЯВЛЕНИЕ 6

София, Лиза, Слуга, за ним Чацкий.

Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 7

София, Лиза, Чацкий.

Чацкий

Чуть свет — уж на ногах! и я у ваших ног.
(С жаром целует руку.)
Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни нá волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся, — ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.

Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь. —
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка —
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! —
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;
Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик, дверь...

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.

Ну что ваш батюшка? всё Английского клоба
Старинный, верный член до гроба?
Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,

Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж постранствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?

Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то, чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,
Нам каждого признать велят
Историком и геогра́фом!
Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья! —
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще?

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж, он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме! .. — Здесь нынче тон каков
На съездах, на больших, по праздникам приходским?
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?

*

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере не надутый.
Вот новости! — я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

София

(в сторону)

Не человек, змея!

(Громко и принужденно)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве может быть.

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?

На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам, голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки! . . —
И всё-таки я вас без памяти люблю.

Минутное молчание.

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо — сгорите, если ж нет?

ЯВЛЕНИЕ 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.

Фамусов

Вот и другой.

София

Ах, батюшка, сон в руку.
(Уходит.)

Фамусов
(ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

ЯВЛЕНИЕ 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).

Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

Обнимаются.

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

Садятся.

Чацкий

(рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдован.

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» — мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал...

Чацкий

Я? — Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Чтó б было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё свое. Да расскажи подробно,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях)

Как хороша!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Фамусов

(один)

Который же из двух!
«Ах! батюшка, сон в руку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давиче в сомненье ввел меня.
Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Фамусов, Слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. — На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй — ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить

Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный каммергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно поминают.
Кузьма Петрович! Мир ему! —
Что за тузы в Москве живут и умирают! —
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может в пятницу, а может и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторши, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.

ЯВЛЕНИЕ 2

Фамусов, Слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов

(Слуге)

Поди.

Слуга уходит.

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди.

Чацкий

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я! .. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только, что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;

По крайней мере искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд...
Раскланяйся — тупеем не кивнут.
Вельможа в случае — тем паче:
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:

На ку́ртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругóрядь — уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему — смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
За то бывало в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, — нутка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,
А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха:

Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок,
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: — Ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит,
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,

Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет...

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам...

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам...

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам впридачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов

(скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал...

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье!

ЯВЛЕНИЕ 3

Слуга
(входит)

Полковник Скалозуб.

Фамусов
(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на́ дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд! под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов
(оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов

(встает)

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать,
что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

Слуга уходит.

Пожало-ста, сударь, при нем остерегись:
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал;
Не по летам и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожало-ста при нем веди себя скромненько...
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько;
Я всякому, ты знаешь, рад;
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!
Он может быть и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода. А впрочем власть господня.
Пожало-ста при нем не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? — Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся как чужого!
Как здесь бы ей не быть!! ..
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
А может быть не только, что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отвéрнем поскорее.

Скалозуб

(густым басом)

Зачем же лазить например
Самим! ... Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич дорогой!

*

Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

Садятся все трое. Чацкий поодаль.

Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, — наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно, —
Спасибо научил двоюродный ваш брат, —
Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служáщие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье у кого есть эдакий сынок!
Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть — так хват,
Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость! .. — читать! ... а после
хвать! ..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостает?

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, ста́рее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу:
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;
На всё свои законы есть:
Вот например у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых, —
Тот и жених.
Другой хоть прытче будь, надутый всяким чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в семью не включат. На нас не подиви.
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать, — изволь;
Дверь отперта для званных и незванных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.

Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внучат,
Журим мы их, а, если разберешь, —
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово — приговор, —
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их... беда!
Не то, чтоб новизны вводили, — никогда,
Спаси нас боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят, и... разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке — по уму!
Я вам скажу, знать время не приспело,
Но что без них не обойдется дело. —
А дамы? — сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение, — ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, — всяк голову повесь...
Его величество король был прусский здесь,
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам;
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить

Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой;
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома но́вы, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов

(Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу)

Позвольте, батюшка. Вот-с — Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти — так был бы деловой.

Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом...

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все также осуждают.

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве,
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли, вы к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,

Детей возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!
Или вон тот еще, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы по одиночке!!!
Вот те, которые дожи́ли до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким
и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!! —
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему́ давно ль от нежности отрекся?!

Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов

(про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Скалозуб, Чацкий.

Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам;
Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в Первой армии когда отстали? в чем?
Всё так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтём,
Что даже говорят, иные, по-французски.

ЯВЛЕНИЕ 7

Скалозуб, Чацкий, София, Лиза.

София

(бежит к окну)

Ах! боже мой! упал, убился!

(Теряет чувства.)

Чацкий

Кто?

Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза

(хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин на́ лошадь садился, ногу в стремя,

А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он — грудью или
в бок?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же без Скалозуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

Чацкий бежит и приносит. Всё следующее — вполголоса, — до того, как София очнется.

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. — Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София

(с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды — для вас забавы,
Отец родной убейся — всё равно.

(Лизе)

Пойдем туда, бежим.

Лиза

(отводит ее в сторону)

Опомнитесь! куда вы?
Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

София в окошко высовывается.

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чацкий

Желал бы с ним убиться...

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

ЯВЛЕНИЕ 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушиблена слегка,
И впрочем всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опрометью вбежали. —
Мы вздрогнули! — Вы в обморок упали,
И что ж? — весь страх из ничего.

София

(не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу: из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкий

(про себя)

С Молчалиным ни слова!

София

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так, бывает,
Карета свалится, — подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне, — до этого нет дела.

Чацкий

(про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, —
Жоке не поддержал, считал он видно мух. —
И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот —
Явитесь вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил.

(Берет шляпу и уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме Чацкого.

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше; съедутся домашние друзья
Потанцевать под фортопияно, —
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб

(жмет руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит.)

:k

ЯВЛЕНИЕ 11

София, Лиза, Молчалин.

София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор;
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас;
И Скалозуб, как свой хохол закрутит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

А кем из них я дорожу?
Хочу — люблю, хочу — скажу.
Молчалин! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,

При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко, к вам прыгну́ть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? — пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим, —
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, — с ним
О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах;

Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен — на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.
(Целует ей руку.)

София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чацкого принес!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 12

Молчалин, Лиза.

Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее

По должности, тебя...

(Хочет ее обнять.)

Лиза

От скуки.

Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа —
Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор —
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ, и для других причин,
С духами стклянočки: резёда и жасмин.

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ 13

София, Лиз**а.**

София

Была у батюшки, там нету никого.
Сегодня я больна, и не пойду обедать,
Скажи Молчалину, и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.
(Уходит к себе.)

ЯВЛЕНИЕ 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я... одна лишь я любви до смерти трушу.—
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Чацкий, потом София.

Чацкий

Дождусь ее, и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви — играть ей в жмурки,
А мне...

Входит София.

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София

(про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет:
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в пётлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?

Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин например...

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий

(держит ее)

Постойте же.

(В сторону)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может, он не то, что три года назад:

Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков·
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Иной... Боюсь назвать, но признано всем
светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый;
Но есть ли в нем та страсть? то чувство?
пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем, и всем его делам
Душою — вы, вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно смирен, все такие не резвы́;
Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее,
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он сто́ит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,

Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по́ свету, забыться и развлечься.

София
(про себя)

Вот нехотя с ума свела!
(Вслух)
Что притворяться?
Молчалин давиче мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но может истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так нескрыту?
Что и смирнейшему пощады нет! .. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет!

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни — смех?

Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий

(с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел:
При батюшке три года служит,
Тот часто бéз толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит,
И между прочим
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог;
Мы рéзвимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет. . .

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону)

Она его не уважает.

София

Конечно нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль — смысл этого всего?
(В сторону)
Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства
Он наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит, —
Вот я за что его люблю.

Чацкий
(в сторону)

Шалит, она его не любит.
(Вслух)
Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой...

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

ЯВЛЕНИЕ 2

Чацкий. София. Лиза.

Лиза

(шепотом)

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

София

Простите, надобно итти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе...

София

Нельзя, ждем на́ вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух — всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий, потом Молчалин.

Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?

Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.

Входит Молчалин

Вон он на цыпочках, и не богат словами;
Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

Попрежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День зá день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,

*

С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею незнаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы
не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, — притом
Чиновные и должностные —
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы́ дает нельзя богаче,
От рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что́ бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах — я от веселий прячусь,
Когда дурачиться — дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я...

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий

(почти громко)

С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

ЯВЛЕНИЕ 4

Вечер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, слуги суетятся: один из них, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.

Расходятся, остается один Чацкий.

ЯВЛЕНИЕ 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама.

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу...
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь...

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако, кто, смотря на вас, не подивится?
Полнее прежнего, похорошели страх;
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж — прелестный муж, вот он сейчас
войдет,
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно был бы он московским комендантом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платон Михайлович.

Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлыч.

Чацкий

Ба!

Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.

Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:

Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?

Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть таки занятья:

На флейте я твержу дуэт

А-мольный...

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь — к ученьям и смотрам,
К манéжу... иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом — рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город... Ты чудак!
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так...

Наталья Дмитриевна

Ах! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь, и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович
(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот...

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, бога ради
От двери дальше отойди.

Платон Михайлович

(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди;
Уж, точно, стал не тот в короткое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович

(со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же, Князь Тугоуховский и Княгиня с шестью дочерьми.

Наталья Дмитриевна

(тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня! боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног.

1-я княжна

Какой фасон прекрасный!

2-я княжна

Какие складочки!

1-я княжна

Обшито бахрамой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я княжна

Ах! да, барежевый!

5-я княжна

Ах! прелесть!

6-я княжна

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! — Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий, Чацкий.

Княгиня

От-став-ной?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда. — Живее.

Князь

(к ней оборачивает слуховую трубку)

О-хм!

Княгиня

К нам на́ вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)

Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;

Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О, нет!

Княгиня

(громко, что есть мочи)

Князь, князь! Назад!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те же и Графини Хрюмины: бабушка и внучка.

Графиня внучка

Ах! grand-maman! Ну, кто так рано приезжает.
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)

Княгиня

Вот нас честит!

Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка
(вернувшись, направляет на Чацкого)
двойной лорнет)

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и множество других гостей. Между прочими Загорецкий. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. София от себя выходит, все к ней навстречу.

Графиня внучка

Eh! bon soir! vous voilà! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir
de l'attente.[1]

Загорецкий

На завтрашний спектакль имеете билет?

София

Нет.

Загорецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору — всё взято,
К директору, — он мне приятель, —
С зарей в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже силой

---

[1] А, добрый вечер! Наконец-то вы! Вы не спешите и всегда доставляете нам удовольствие ожидания (франц.). — Ред.

У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.

Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.

Загорецкий

Платон Михайлыч...

Платон Михайлович

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им, и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,
(Чацкому)
рекомендую!
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее? — человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы.

*

Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец! у нас ругают
Везде, а всюду принимают.

Загорецкий мешается в толпу.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же и Хлёстова.

Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница?.. — Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь — светапреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку;
Вели их накормить, ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все ко́шачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!

Чорт сущий; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят напоказ...
Я слышала, там... город есть турецкий...
А знаешь ли, кто мне припас? —
Антон Антоныч Загорецкий.

Загорецкий выставляется вперед.

Лгунишка он, картежник, вор.

Загорецкий исчезает.

Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье!

Чацкий

(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?

Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех
Я помню, ты дитёй с ним часто танцевала,
Я за уши его дирала, только мало.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Фамусов.

Фамусов
(громогласно)

Ждем князя Петра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там,
в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет. — Он человек заметный —
Сергей Сергеич Скалозуб

Хлёстова

Творец мой! оглушил, звончее всяких труб!

ЯВЛЕНИЕ 12

Те же и Скалозуб, потом Молчалин.

Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.
(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова
(сидя)

Вы прежде были здесь... в полку... в том...
в гренадерском?

Скалозуб
(басом)

В его высочества, хотите вы сказать,
Ново-землянском мушкетерском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.
(Его и князя уводит с собою.)

Хлёстова
(Софии)

Ух! я точнёхонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трех сажень удалец, —
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин
(подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.
(Встает.)

Молчалин

Ваш шпиц — прелестный шпиц, не более
наперстка,
Я гладил всё его: как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.
(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

ЯВЛЕНИЕ 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал...

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?

За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все — народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! — Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит,
Тут в пору карточку вотрет,
В нем Загорецкий не умрет!...
Вы давиче его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? — да?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 14

София, потом Г. N.

София

(про себя)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!

Г. N.

(подходит)

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г. N.

Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г. N.

Ужли с ума сошел?

София

(помолчавши)

Не то, чтобы совсем...

Г. N.

Однако есть приметы?

София

(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. N

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону)

Готов он верить!
А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Г. N., потом Г. D.

Г. N.

С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот на!
Недаром? Стало быть... с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г. D.

Что?

Г. N.

Об Чацком?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

С ума сошел!

Г. D.

Пустое.

Г. N.

Не я сказал, другие говорят.

Г. D.

А ты расславить это рад?

Г. N.

Пойду, осведомлюсь; чай кто-нибудь да знает.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 16

Г. D., потом Загорецкий.

Г. D.

Верь болтуну!
Услышит вздор, и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. D.

С ума сошел!

Загорецкий

А, знаю, помню, слышал,
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут...
Схватили, в желтый дом, и нá цепь посадили.

Г. D.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи стало быть спустили.

Г. D.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако чур! секрет.

ЯВЛЕНИЕ 17

Загорецкий, потом Графиня внучка.

Загорецкий

Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком. —
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший...

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

ЯВЛЕНИЕ 18

Те же и Графиня бабушка.

Графиня внучка

Ah! grand-maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

Графиня бабушка

Мой труг, мне уши залошило;
Скаши покромче...

Графиня внучка

Время нет!
(Указывает на Загорецкого.)
Il vous dira toute l'histoire... [1]
Пойду, спрошу...
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 19

Загорецкий, Графиня бабушка.

Графиня бабушка

Что? что? уж нет ли здесь пошара?

---

[1] Он расскажет вам всю историю (франц.). — *Ред.*

Загорецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как, Чацкого? кто свел в тюрьму?

Загорецкий

В горах изранен в лоб, сошел с ума от раны.

Графиня бабушка

Что? к фармазонам в клоб? Пошел он
в пусурманы?

Загорецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)

Графиня бабушка

Антон Антоныч! Ах!
И он пешит, все в страхе, впопыхах.

ЯВЛЕНИЕ 20

Графиня бабушка и Князь Тугоуховский.

Графиня бабушка

Князь, князь! ох, этот князь, по палам, сам
чуть тышит!
Князь, слышали?

Князь

А-хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть, мошет, видели, здесь полицмейстер пыл?

Князь

Э-хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм?

Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В солтаты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?

Графиня бабушка

Да! .. в пусурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

ЯВЛЕНИЕ 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб, потом Фамусов и многие другие.

Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов

(входя)

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я — он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгну́л!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно...

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий

(с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкартачных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! — у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!

*

Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэкт насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы, да сжечь.

Загорецкий

(с кротостию)

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был ценсором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так; он жалости достоин;
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова
Три, сударь.

Фамусов
Четыреста.

Хлёстова
Нет! триста.

Фамусов
В моем календаре...

Хлёстова
Всё врут календари.

Фамусов
Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова
Нет! триста! — уж чужих имений мне не знать!

Фамусов
Четыреста, прошу понять.

Хлёстова
Нет! триста, триста, триста.

ЯВЛЕНИЕ 22

Те же все и Чацкий.

Наталья Дмитриевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)

Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!
(Опасливо)
Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди́ от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.
(Подходит к Софье.)
Душа здесь у меня каким-то горем сжата,

И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.
(Делает знак Софии.)
Гм, Софья! — Не глядит!

София

(Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначущая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча,
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал — и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. — Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон.
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя

Урок, который им из детства натвержён.
Куда деваться от княжён! —
Я одаль воссылал желанья
Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад —
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным? — странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?
Ужли *сударыня!!*» — забормотал мне кто-то...

Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«*Сударыня!* Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» —
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня. —
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург — во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжён вселять участье;
И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых.
И он осмелится их гласно объявлять. —
Глядь...

Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.

ДЕЙСТВИЕ IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

ЯВЛЕНИЕ 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей.

Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка

(покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне прафо не под силу,
Когда-нибуть я с пала та в могилу.

Обе уезжают.

ЯВЛЕНИЕ 2

Платон Михайлович и Наталья Дмитриевна. Один Лакей около их хлопочет, другой у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попошь, что́ так уныло?
(Целует мужа в лоб.)
Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на ба́лах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за́ полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.
(Уходит с Лакеем.)

Платон Михайлович
(хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж, иному на роду....

Лакей
(с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович
(со вздохом)

Иду, иду.
(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Чацкий и Лакей его впереди.

Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.
Лакей уходит.
Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! — Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,

Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый; вот резво́
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь и степь, и пусто и мертво...
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.

Лакей опять уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал. — Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher![1]
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,

---

[1] Мой милый (франц.). — *Ред.*

Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас... растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою,
И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня господь...

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что́ бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга...

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцо́вщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье прийти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! — всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче например?

Репетилов

Что́ ночь одна, — не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В Английском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.
Пожало-ста молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз...

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взашеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.

Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!!.. уж на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! Сок умной молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынче спит? Ну полно,
без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас... решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:

Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со́ смеху морит!
Век с англичанами, вся а́нглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой — Воркулов Евдоким;
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но».[1]
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты однако отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто*.
Об чем бишь *нечто?* — обо всем;
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,

---

[1] „A! non lasciar mi, no, no, no" — „Ах, не оставь меня, нет, нет, нет" (итал.). — *Ред.*

Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плу́том.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру — простят...

Лакей

(у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы.

Репетилов

(к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)

Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)

Репетилов

(Скалозубу)

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу.
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!
Нет нýжды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых напоят шампанским на убой,
А во-вторых таким вещам научат,
Каких конечно нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикните, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как может быть никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я —
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял — шиш, по службе — ничего.
Тесть немец, а что проку? —
Боялся, видишь, он упреку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?
Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.

Тьфу! служба и чины, кресты — души мытарства,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Репетилов, Загорецкий.

Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
И от того, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..

Репетилов

(с досадой)

Все врознь, не говоря ни слова;
Чуть из виду один, гляди уж нет другого.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,
И дельный разговор зашел про водевиль.

Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним... у нас... одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати вот князь Петр Ильич.
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

ЯВЛЕНИЕ 7

Репетилов, Загорецкий, Князь и Княгиня с шестью дочерями, немного погодя Хлёстова спускается с парадной лестницы, Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий

Княжны́, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я княжна

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я княжна

Про это знает целый свет.

3-я княжна

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.

4-я княжна

Ах! вести старые, кому они новы́?

5-я княжна

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит...

6-я княжна

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов

(затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!! . Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова

(с лестницы)

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все

(друг к другу)

Прощайте.

Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже.

ЯВЛЕНИЕ 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.

Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что̀ наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил вовремя явиться! —
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, господь с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка; пора перебеситься.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 9

Репетилов с своим лакеем.

Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 10

Последняя лампа гаснет.

Чацкий

(выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами,
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?
Чье это сочиненье!
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мненье!
И вот та родина... Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? — Конечно рассказали,
Она не то чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет —
Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок, беспамятство откуда?? —
Нерв избалованность, причуда, —
Возбу́дит малость их, и малость утишит, —
Я признаком почел живых страстей. — Ни крошки:
Она конечно бы лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София

(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)

Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неужели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычайности я точно приготовлен;
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его

(с крыльца)

Каре...

Чацкий

Сс!..

(Выталкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глазу,
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, — а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

ЯВЛЕНИЕ 11

Чацкий спрятан, Лиза со свечкой.

Лиза

Ах! мочи нет! робею.
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею,
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то, здесь внизу.
(Осматривается.)
Да! как же! по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.
(Стучится к Молчалину.)
Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

ЯВЛЕНИЕ 12

Чацкий за колонною, Лиза, Молчалин (потягивается и зевает), София (крадется сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,
Без свадьбы время проволóчим.

Лиза

Что вы, сударь? да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,

Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянёт!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь — и простыну.

София

(в сторону)

Какие низости!

Чацкий

(за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай обниму тебя от сердца полноты.

Лиза не дается.

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)

София

(почти шепотом, вся сцена вполголоса)

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна...

София

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин
(бросается на колена, София отталкивает его)
Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София
Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! как острый нож оне.

Молчалин
(ползает у ног ее)
Помилуйте...

София
Не подличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете...

Молчалин
Сделайте мне милость...

София
Нет. Нет. Нет.

Молчалин
Шутил, и не сказал я ничего, окро́ме...

София
Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме,
И погублю себя и вас.

Молчалин встает.

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. — Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людя́х, и в яве;
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давиче, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был...

Чацкий

(бросается между ими)

Он здесь, притворщица!

Лиза и София

Ах! Ах!..

Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.

ЯВЛЕНИЕ 13

Те же, кроме Молчалина.

Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд, —
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! —
Молчалины блаженствуют на свете!

София

(вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так
коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь
дом.
Ваш батюшка вот будет благодарен.

ЯВЛЕНИЕ 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.

Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! срамница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать, ни взять
она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало я с дражайшей половиной
Чуть врознь: — уж где-нибудь
с мужчиной!
Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан! ..

Чацкий

(Софии)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.

Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как не досмотрел? и как ты не дослышал?
В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в и́збу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
Еще дни два терпение возьми:
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь,
в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот,
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий

(после некоторого молчания)

Не образумлюсь... виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить хотят,

Растерян мыслями... чего-то ожидаю.

(С жаром)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал, близко.
Пред кем я давиче так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли!
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки — всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек,
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?

(Насмешливо)

Вы помиритесь с ним, по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей —
Высокий идеал московских всех мужей. —
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.

А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,
Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой — и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, —
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы пра́вы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!..
Карету мне, карету!

(Уезжает.)

ЯВЛЕНИЕ 15

Кроме Чацкого.

Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

Конец.

РАННИЕ КОМЕДИИ

МОЛОДЫЕ СУПРУГИ

Комедия в одном действии,
в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Арист.
Эльмира.
Сафир.

Гостиная в Аристовом доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арист

(входит)

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро всё беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако впервые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё одно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арист и Эльмира, в простом утреннем платье.

Эльмира

А! здравствуй, милый мой, здоров ли?

Арист

Понемногу.
А ты здорова ли, мой друг?

Эльмира

Я слава богу.

Арист

(в сторону)

Веселый разговор.

(Вслух)

Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выезжать?
Как взаперти пробыть весь день — не понимаю.

Эльмира

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю.

Арист

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

Эльмира

Веселость светская меня к себе манила,
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал.

Арист

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой всё более и боле?

Эльмира

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

Арист

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образованье ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;
Без мыслей матушка проронит два, три слова,
Что дочка будто ей дарит рисýнок новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: возможно ль, как вы
скрóмны! —
А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать, —
За фортопьяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрыпкой;
Потом влюбленного как в сети завлекли,

В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Всё это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью́ прошла моя пора;
В угодность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом. — Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приняты.

Арист

Оставим городской шум вечный, пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира

Пожалуй.

Арист

Но боюсь, нескромен сей приют:
Непрошеные нас близь города найдут;
При том соседство там ужасно как наскучит.

Эльмира

Куда ж поедем мы?

Арист

Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Эльмира

На всё согласна я.

Арист

Куда ж направим путь, —
В Крым или на Кавказ?

Эльмира

Куда тебе угодно.

Арист

Куда угодно мне — вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Эльмира

Мне, право, всё равно.

Арист

Так, видно, далее не ехать нам заставы.

Эльмкра

Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Всё то, что мысленно ты можешь пожелать.

Арист

И я признателен.

Эльмира

Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.

Арист

Мне скучно?

Эльмира

Да.

Арист

Нималo.

Эльмира

По крайней мере мне казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе...

Арист

Никогда.

Эльмира

О, если б ложные мне виделись приметы!

Арист

Я рад с тобою быть... однако где газеты?
(В сторону)
Над ними все-таки пристойнее зевать.

Эльмира

Он занят чтением, — мне тоже книгу взять.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

Прежние и Сафир.

Сафир

За чтеньем муж с женой, — вид важный
и степенный!
Примерная чета! божусь, неоцененно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Непозволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, с супругой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостьми́ был занят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.
В Аглаю, знаешь, как Сердаликов влюблен?
Я настоял на том, чтобы взбесился он:
С Аглаей всё шептал и танцевал нарочно;

А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно
Не раз обманутый ревнивый на часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

Арист

Везде, где только бал, она необходима.

Эльмира

(в сторону)

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Арист и Сафир.

Сафир

Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторожней будь.
Ба! да она ушла.

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

Не совестно ль тебе с женою столько нежной
Вести себя, как ты, так сухо, так небрежно?

Арист

Да, очень совестно, пожалуй побрани.

Сафир

В уединении она проводит дни,
До утра твоего ждет с бала возвращенья.

Арист

А мне что за нужда? Какие утешенья!
Что с ней я, что один, не всё ли мне равно?
Хожу по комнате, глазею с час в окно;
Скажу ей что-нибудь, — она мне потакает.
И речь в устах моих, не кончась, замирает.
У нас с Эльмирою эмблемой приняты
Не розовы, мой друг, а маковы цветы.

Сафир

И тягостно тебе согласие домашне?

Арист

Да, сударь, тягостно согласие всегдашне.
Зачем она молчит и убегает свет?
Причиной спесь, иль лень; ума в ней, что ли, нет?
О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?
И дарований тьма, — она их все скрывает;
Прекрасная собой, — одета не к лицу!..
Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,
Как в первый раз меня Эльмира обнимала!..
Немые ласки те божественны сначала,
А в продолжении весьма надоедят.

*

Сафир

Иной подумает, что ты давно женат.

Арист

По справедливости, три месяца — три века! ..
С Эльмирой можно близь тенистого просека,
Под свесом липовым, на бархатном лужку
Любиться, нежиться, как надо пастушку,
И таять весь свой век в безмолвьи неразлучно.
Всё это весело в стихах, а в прочем скучно.

Сафир

Ты прав, на что она скромна, тиха, мила;
Нет, лучше, чтоб она кокеткою была.

Арист

Кокетка, знаешь ли, ужасно только слово.

Сафир

Кроме значения, нет ничего худого.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эльмира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет меней;
Потом, как врозь она привыкнет быть с тобой,
Не мудрено, что ей понравится другой.
Потом — как раза два она тебя обманет,
Глядь, в очередь свою виновной охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника; — единобразье скушно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно.
Всё это сбыточно, всё это быть должно
Со мною, как с другим, — так раз заведено.
Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
Все видеть способы искусства, средства в мире,
Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
А более еще, чтоб таковой прослыть;
Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
Но ею презренный, рой жалкий и несчастный!
А я бы думать мог, на этот рой смотря:
Старайтесь круг ее, а наслаждаюсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество большое;
И скрашивать на что суждение пустое?
Скажи, что молод ты супругом путным быть,
Не в силах качества жены своей ценить.

Арист

Любовь моя к жене — род страсти, обожанье!..
Постой, да ныне мне назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее жене?

Арист

Никак.
Я знаю, что жене супруги должность свя́та,
А у вертушки той я, может быть, десятый;
Но с нею в забытьи я время провожу,
С женою ж разговор едва ли нахожу;
И наконец тебе доверить можно смело,
Что ныне, как в суде мое решают дело
И, может, приберут имение к рукам,
Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
Платить и кланяться, — к прелестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, проповедуй!

(Уходит.)

Сафир

Поди, суда́рь, к жене. — Вот сущий ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сафир и Эльмира, одетая с большим вкусом, чем прежде.

Эльмира

Мне споры ваши все из спальней были слышны,
К увещеванию слова, труды излишни,
И горести мои известны вам одним.

Я опасалась в них довериться родным,
Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

Сафир

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

Эльмира

Уж вы всё знаете, судите вы меня.
С тех пор как я за ним, доселе, несмотря
На частые его отсутствия, холодность,
Я делаю ли что Аристу в неугодность?
Противоречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ах! нет, отнюдь:
Я одобряю всё, что нужным он находит,
Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
Что б ни задумал он, я перед ним молчу.
И воли собственной иметь я не хочу.
Вот все вины мои.

Сафир

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается остуда;
Ее же претворит один мертвящий взор
Любовь в раскаянье, согласие в раздор
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи и не новы.

Эльмира

Итак, не дóлжно мне покорной мужу быть?

Сафир

Нет, дайте мне сполна вам это объяснить.
Тот муж, мы, например, каким Ариста знаем.

Уверенный, что он женою обожаем,
Что ясных дней его ничто не помрачит,
В беспечности благой живет как сибарит;
Вседневны ласки он с холодностью приемлет;
Взаимность райская утихнет и задремлет;
Ему ничто не впрок, и чужд сердечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в его глазах
Вы легкомысленней и больше прихотливы;
Увидите, какой он будет боязливый.
Едва опомнится, что может потерять
Блаженство, коим стал он так пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви минутах тайных,
Он в заблуждениях раскается случайных
И, образумясь, вам покорен будет вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а любовь.

Сафир

Но возвратить ее нет способа другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него готова.

Сафир

Не надо умирать; приличней средство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста вам обресть.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому доставил:
Мой муж в рассеяньи, дела свои оставил,
Но я за них взялась, радела как могла,

У должностных людей по целым дням была,
На малу опытность мою с прискорбьем глядя,
Мне руку помощи в том подавал мой дядя.
У мужа тяжба есть по делу одному,
И производится неведомо ему.
Хотя на стороне его и справедливость,
В неправоту ему вменили б нерадивость.
Я не щадила просьб, подарков и хлопот.
Сегодня жданный день решенья настает.
Я еду, чтоб узнать, успешно ль окончанье;
Увидит пусть Арист мое об нем старанье.

Сафир

Возможно ль, чтоб он был неблагодарен вам?
Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах! . .

Эльмира

Докончите, я вам охотно верю.

Сафир

Вы возвратите ль сим любви его потерю?
Конечно, скажет он, и скажет целый свет:
Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,
Что делаете честь вы редких жен сословью.
Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,
Что нет возможности мне мужу угодить;
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Так! должно верить мне сему, хоть неприятно.

Он вовсе действует тем чувствам вопреки,
Являл которые, искав моей руки.
В те дни, что для меня так памятны, так сладки,
Он всё любил во мне — и даже недостатки.

Сафир

О! в этом нечего меня вам уверять!
Как вас не полюбить? вам суждено пленять.
Но узников своих чтоб приучить к неволе,
На то потребно средств еще гораздо боле;
Они, сударыня, для вас не мудрены;
Зачем отбросили свои таланты вы?
Искусством нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наряда,
Но что́ вы, как теперь, одеты не всегда?
Зачем не ездите в собранья иногда,
Которых можете быть первым украшеньем?
Там возбужденныя правдивым восхищеньем
Хвалы, с которыми к вам всякий поспешит, —
Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

Эльмира

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,
Захочет он сравнять с горячностию тою,
С которой может он быть мной любим одною?

Сафир

О, нет! конечно, нет; но, видя каждый раз
Везде угодников, вздыхателей круг вас,

Сам будет угождать, к свому привыкнет дому,
Чтоб сердца вашего не уступить другому.

Эльмира

Довольно; верьте мне, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась от людей
Не для того, чтоб быть мне от других
отличной, —
Любить веселье мне подобно всем прилично:
Утехи, счастие, всех радостей собор
В Аристе мне одном мечтались до сих пор.
Он насмехается над чувствами моими.
С теперешней поры и я прощаюсь с ними:
Род жизни я моей переменяю весь;
И съездов ежели у нас не будет здесь,
То целый день и ночь искать их буду вчуже.

Сафир

Вот удивите вы весь свет!

Эльмира

Так удивлю же.

Сафир

И сим поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинам нет легче ничего,
Как пременять свой вид, и даже свойства,
мненья...
Но, кстати, вы теперь начните превращенья:
Сыграйте что-нибудь и спойте в добрый час;
Пусть Музы, Аполлон и, словом, весь Парнас
Благоприятствуют успешному началу.

Эльмира

Давно не пела я.

Сафир

Попробуйте.

Эльмира

Пожалуй.

(Садится за фортопиано и поет)

I

Боги! Лида, унывая,
В грусти вопиет своей:
Ах! красавица какая
В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?

*

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

Сафир

И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту! —
Продолжайте!

Эльмира

Смотрите ж, за глаза меня не осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привея,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул, —
От тебя всё получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,
Умолкает и любовь.

*

Что, ежели Арист пришел бы сей порой?

Сафир

Не знаю, что бы он, а я уж сам не свой!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Эльмира, Сафир и Арист, входит и останавливается в дверях.

3

И подшед Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первый раз;
Просит поцелуй напрасно,
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час;
И любовник в упоеньи
Счастлив — будто в первый раз.

*

Ей-богу, ваше мне суждение опасно.

Арист

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира

Я не заметила тебя; давно ль ты здесь?

Арист

Что ж делать: где талант, бывает также спесь.
Но чьим обязан я всесильным убежденьям?
Кто приманил тебя к забытым упражненьям?
Ты думала ль меня приятно удивить?

Эльмира

О! благодарностью ты можешь не спешить:
Вот упросил меня.

Арист

Сафир?

Эльмира

Да, он.

Арист

Измена!
Я сколько приставал и падал на колена,
И всё не мог тебя на это преклонить.

Эльмира

Как будто бы мужья умеют попросить;
Их просьба на приказ ужасно как походит,
А повеление до сердца не доходит.

Сафир

Арист! тебе урок.

Арист

Старательный убор;
А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок навеян.

Эльмира

Я ехать собралась.

Арист

Ты едешь?

Эльмира

В магазейн.

Арист

И в магазейн?

Эльмира

Да.

Арист

Не верю я ушам.

Эльмира

Тьму разных мелочей я заказала там,
И надо кое-что для нынешнего балу.

Арист

Для балу?

Эльмира

Точно так.

Арист

Но объяснись пожалуй,
Пустыннический дух ужели впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небес
Уединение ты мне превозносила?

Эльмира

И это помнишь ты? я, право, позабыла.

Арист

Забыла правила любимы через час?
И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых постоянных!

Эльмира

Ты первый недруг был всех этих правил
странных;
Сафир противу их меня охолодил.

Арист

И всё-таки Сафир.

Эльмира

Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я мненья;
Ты, верно, очень рад?

Арист
(сухо)

Я нем от восхищенья.
Да как послушалась Сафировых ты слов
Так скоро, — невзначай?

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те общества противны,
Где предвещает он веселья непрерывны;
Где можно нравиться легко в моих летах.
Нет! больше не сижу я в четырех стенах.
Пускай к рассеянью кто нову страсть осудит:
Сафир ее внушил и отвечать он будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж боюсь,
Что красноречием невольно возгоржусь.

Эльмира

Не даром — в полчаса вы совершить умели
То, в чем бы во сто лет другие не успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе на́ вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И нет! там многие, в сужденьи торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужья ревнивы,
Или найдут, что мы как пара голубков;
Я ж от двусмысленных шептаний, полуслов
Старалась до сих пор быть сколько можно дале.

Арист

Как! если вместе мы покажемся на бале,
Двусмысленно о том свет будет говорить?
Мне всё двусмысленным уж начинает быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Малинового.

Арист

Нету,
По мне небесного.

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

Подписан приговор! мой вкус уже порочен!

Эльмира

Порочен не скажу, а переменчив очень.
Но с вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафир! желайте мне успеха.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Арист и Сафир.

Арист

Что за диво!

Сафир

Каков с Аглаей ты? — Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскал?

Арист

(не внимая ему)

При всем том как мила!

Сафир

Надеюсь, для тебя всего милее света.
Увы! надолго ли?

*

Арист

Как хорошо одета!

Сафир

О! этим славится не без причин она;
Что более в ней есть?

Арист

Жива, ловка, умна!

Сафир

Приятно сладостных часов воспоминанье!
А где произошло с любезною свиданье?
Что сделалось с тобой! как ты задумчив.

Арист

Да.

Я таковой ее не видел никогда!

Сафир

Вскружила голову тебе совсем Аглая,
Скажи по совести?

Арист

Ох, братец, нет, другая.

Сафир

Другая уже? я как вкопанный стою!

Арист

Да, я влюбился вновь.

Сафир

В кого?

Арист

В жену мою.

Сафир

Вот новости еще!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Прежние и Эльмира.

Эльмира

Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встретилась досада.

Арист

А что случилось?

Эльмира

Что? вы б это не снесли.

Арист

Быть может; но скажи...

Эльмира

Вы бы с ума сошли.

Арист

Я верю, но скажи, в чем происходит дело?

Эльмира

Ужели о пустом я так бы зашумела?

Арист

Печальное пришло известье?

Эльмира

Ох, не то!

Мне плакать хочется.

Арист

Не умер ли уж кто?

Эльмира

Не может разве быть несчастия иного?

Арист

Да что же сделалось?

Эльмира

Карета не готова.

Арист

Загадки этой я не разрешил бы в век.

Эльмира

Вас это веселит, счастливый человек!
В забаву для себя всё обратить умеет.
Но если новое мне платье не поспеет,
То я не знаю, в чем уже на бале быть.

Арист

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабыв наряды,
На красоту твою все обратятся взгляды.

Эльмира

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели;
Аглае лучше бы его поберегли.

Арист

Как! что это?

Эльмира

Сафир! пожалуй подойдите.

Сафир

Чего изволите?

Эльмира

Рукавчик завяжите.
Послушайте меня.

(Тихо ему)

Арист не должен знать,
Что по его делам я еду хлопотать.

Сафир

Я умолчал о том.

Эльмира

Я этого страшилась.
И только для того сюда к вам воротилась.

Арист
(в сторону)

Они с ней шепчутся

Эльмира
(громко)

Благодарю.

Сафир

За что ж?

Арист

У вас таинственность; а я на что похож?

Эльмира

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

Арист

Сафир! прошу сказать.

Эльмира

Сафир! ах! ради бога!

Сафир

Не бойтесь, не скажу.

Арист

Я угадаю сам.

Эльмира

Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.
Пора уж отомстить мне за его проказы.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Арист и Сафир.

Арист

Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совратят,
Не правда ли, Сафир?

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

Не ждал от дружбы я услуги столь приятной.

Сафир

Пожалуй объяснись.

Арист

Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь открыл?

Сафир

Кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

Сознайся, что некстати

Уведомлять жену о мужнином разврате?
Коль ветренность мою так можно называть.

Сафир

Арист!

Арист

Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи все ковы в долгий ящик.
Такой ли женщине приятен пересказчик?

Сафир

Уж это чересчур! — Вот на — рука моя,
Что ей не говорил о том ни слова я.

Арист

Да кто же ей сказал?

Сафир

Кто! — мне какое дело!
Но только что не я, могу уверить смело.

Арист

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшие мои изведывать шаги?..

Сафир

Ты всё колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о том сказал, даю честнóе слово.

Арист

Довольно; извини, прости меня, Сафир.

Сафир

Как мог подумать ты?

Арист

Ну, мир.

Сафир

Пожалуй, мир.

Арист

Я очень чувствую, что это быть не может.
Не знаю, ныне что весь день меня тревожит?

Сафир

А повод к этому?

Арист

Эльмира. — Посуди:
Блаженство обретал я на ее груди;
Смиренный, тихий нрав, испытанный во многом,
Любви достаточным казался мне залогом.
Я так уверен был, беспечен, что, ей-ей,
В объятиях ее не помышлял об ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира вне себя от шляпки, от убору:
Она сбирается на бал, а я — сказать стыжусь! —
И в провожатые уж боле не гожусь.

Сафир

Ну, что ж? ей, может быть, единобразье скушно.
И ты на то глядеть обязан равнодушно.

Арист

Я это говорил, я точно не был прав:
Еще не знал тогда я ревности отрав.

Сафир

А ныне чувствуешь?

Арист

Не точно ревность...

Сафир

Что же?

Арист

А что-то, на нее ужасно как похоже.

Сафир

Мой друг, не вовсе ль ты рассудок потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам желал,
К приманкам светскости не столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.

Арист

Пременчивости тень убийственна тому,
Кто вверился, как я, блаженству своему. —
Постой, что давича она тебе шептала?

Сафир

Вот, видно, на меня опять сомненье пало.
Весь толк о шляпке был; ты, верно, слышал сам?

Арист

Неправда, выдумка, я вижу по глазам.
Скажи мне истину сейчас — или ни слова.

Сафир

По крайней мере нет тут ничего такого,
Что неприятность бы могло тебе подать.

Арист

К чему ж таинственность?

Сафир

Я обещал молчать.

Арист

Довольно.

Сафир

Что с тобой? в лице весь изменился.

Арист

Тебе, знать, чудится.

Сафир

Ну, право, рассердился.

Арист

Я. . ничего.

Сафир

Постой, куда же ты пошел?

Арист

Я так...

Сафир

Куда, скажи?

Арист

Здесь воздух мне тяжел.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Сафир, один.

Сафир

И это был Арист! он может быть ревнивым!
Так! вертопрахам он пример велеречивым;
Блаженства сущностью они не дорожат:
Его утративши, по нем же загрустят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Сафир и Эльмира.

Сафир

Вы скоро съездили.

Эльмира

Не правда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пресчастливый;

И в сей записочке еще подтверждено,
Что в пользу дело всё Ариста решено.
Прочтите, — с сим письмом слуга мне
повстречался.
Успехом наконец мой поиск увенчался.

Сафир

Я поздравляю вас.

Эльмира

А что Арист?

Сафир

Пропал.
Отчаянно брюзглив и недоверчив стал;
Любезные черты ревнивца он являет.

Эльмира

Что неожиданно его переменяет?

Сафир

Что хочет женщина, то сбудется всегда.

Эльмира

Какие случаи бывают иногда:
Я радуюсь тому, о чем иная плачет;
Мой муж ревнив!

Сафир

И как!

Эльмира

Сафир! что это значит?

Сафир

То значит, что ему досталось унывать.

Эльмира

О! я берусь его достойно наказать:
От дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафир

Ах! как жестоко!

Эльмира

Мной чувства жалости совсем отдалены;
С ума его сведу.

Сафир

По милости жены,
Не первый попадет в число он сумасшедших.

Эльмира

Нет! а раскается он в шалостях прошедших,
Ручаюсь вам за то.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Прежние и Арист, в дверях.

Сафир

Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не очень чист,
И наказания примерного достоин.

Эльмира

И накажу его, он может быть покоен.

Сафир

А чем? не этим ли письмом?

Эльмира

Чем бог послал.
Отдайте мне его, чтоб он не увидал.

Арист

И так сбылись мои правдивые сомненья!
Скажи, бессовестный, еще в недоуменьи
Не знаю, как судить мне по твоим словам:
Помощник, что ли, ты, иль обольститель сам?

Сафир

К кому такая речь?

Эльмира

Замешаны мы оба.

Арист

Уж боле не к лицу невинною особой
Прикидываться вам: сей день вас обличил;
Довольно времени я легковерен был.

Сафир

Обдумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.
Скажи, суда́рь!.. Иль нет, оставь покуда нас;
Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Сафир

Но что ввело тебя в такое исступленье,
Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и Эльмира

Письмо!

Арист

Неу́жели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать...

Арист

Мне слушать не досужно.

Сафир

Одно...

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай...

Арист

Не нужно.

Эльмира

Вы видите, Сафир, он, кажется, в бреду;
Подите, пусть его упрямится.

Сафир

Иду.
Он, право, жалок мне!

Арист

Ужимки бросьте эти;
Еще ль вам повторять, что нам не нужен третий?

Сафир уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Арист и Эльмира.

Эльмира

Чего хотите вы? вот мы наедине.

Арист

Не вам расспрашивать, сударыня, а мне.

Эльмира

Чего хотите вы?

*

Арист

Чего? вопрос забавный!
Подайте мне письмо, где я увижу явно,
Как женской честности вы пре́зрели закон,
Как вами я забыт, поруган, оскорблен!

Эльмира

Поруган! оскорблен! — какие выраженья!
Но ваши не хочу я разрешать сомненья,
И не отдам письма.

Арист

Должны его отдать,
Иль бешенство мое хотите испытать?

Эльмира

Подумайте — читать письмо чужое низко,
И хлопотен надзор над женской перепиской.

Арист

Я, кажется, вам муж.

Эльмира

Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим одарена,
Но ваши тайны мне всегда казались святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! не я ль уж виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет, право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет часто вам
Любезная для вас, прелестная Аглая,
И, может быть, еще прелестница другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете равнять
Мои вы с вашими? Иль вам растолковать:
Мои суть шалости, а ваши — преступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы наставленья?

Арист

Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам неверен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки,
Вот как я берегу любовные записки.

(Вынимает записки из бумажника и рвет.)

Эльмира

Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.

Арист

В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь причине;

Нет! повод вы к сему мне подали не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что... Но всё равно,
Я тысячу могу вам случаев исчислить,
По коим должен был об вас я худо мыслить;
Довольно было бы смешно не замечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с вами;
И часто думал я, что кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вам выезжать со мной.—
Сегодня поутру, на что искать мне дале,
В смятеньи были вы, погружены в печали,
Когда напомянул я об деревне вам;
Конечно скоро бы прибегнули к слезам,
К упрекам, жалобам! — на дело не похоже!..
Является Сафир, я ухожу — и что же?
Откуда всё взялось на бедствие мое:
Веселость, острота, наряды и пеньё,
Все, словом, женские чертовские приманки.
Я в дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня вдохнул,
Чтобы Сафиру я об этом намекнул?
Изменник! над моим ругался как несчастьем!
Как утешал меня притворным соучастьем!
Непринужденно как смеялся, ободрял!
От горькой истины как хитро отвращал!

Как другом и женой жестоко я обманут!
Но более меня обманывать не станут.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте ж мне письмо.

Эльмира

Мой бог! как вы смешны!

Арист

Я очень чувствую; однако непристойно
Вам это замечать.

Эльмира

Нрав самый беспокойный.
Мне, право, кажется, что вы больны — в жару.
Не сами ль ныне вы твердили поутру,
Чтоб одевалась я нарядней, выезжала,
Чтоб дарованьями не столь пренебрегала?
По воле вашей я за это принялась,
И вышло невпопад; — как угодить на вас?
Откуда прихотей вы набрались?

Арист

Откуда?
Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду!
Подайте мне письмо.

Эльмира

Пора об нем забыть.

Арист

Как можете еще такой спокойной быть?

Эльмира

Да это оттого, что нрав имею ровный.

Арист

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую; прошу его от вас
Не для того, чтобы с сей вывеской тотчас
Повсюду разглашать ваш стыд, мое бесчестье,
И вскоре без меня о том пройдет известье;
Над этим случаем свет едкость изострит,
Печальну истину раскрасит, распестрит;
Еще похвалит вас, что мужа обманули.
Нет! лучше припасу две роковые пули:
Одну бездельнику, другую для себя.

Эльмира

Как хладнокровно!

Арист

Нет! вас сверх всего любя,
Скажите, — я могу ль так вдруг возненавидеть?
Подайте мне письмо, — ах! дайте мне увидеть,
Вам точно ли всегда другой казался мил,
Всё притворялись вы, я всё обманут был.
Вы усмехаетесь; — кто смеху здесь предметом?

Эльмира

Я думала теперь, ей-богу, не об этом.

Арист

Не будем долее комедию играть;

Подайте мне письмо, — ведь надобно ж отдать?
Подайте, — право, я за вас боюсь.

Эльмира

Не бойтесь.

Арист

Подайте.

Эльмира

Полноте.

Арист

Подайте.

Эльмира

Успокойтесь;
Возьмите, вот оно.

Арист

Что буду я читать?
(Читает)

«Не надлежало б так Ариста баловáть,
Эльмира, милый друг! но так и быть; и дело
Он ныне выиграл, — ты этого хотела.
Прощай, я остаюсь усердный дядя твой.
N.»
Эльмира! я дурак! прости мне, ангел мой!

Эльмира

Насилу сделались опять вы справедливы.

Арист

Я недоверчивый, неистовый, строптивый!
Какие клеветы произносил с сердцов?
Для оправдания мне недостанет слов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Прежние и Сафир.

Сафир

Вот неожиданность! хоть бы в волшебных тенях;
Супруга нежная в слезах, муж на коленях!
Раскаянье, любовь, согласие! — что, брат?

Арист

Пред ней я, пред тобой, пред всеми виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать бы трудно;
Но мой неправый гнев... но и проступок сей —
Не есть ли верный знак к тебе любви моей?

Эльмира

Нет, беспорочной мне была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

Арист

Что требуешь, скажи: чтоб удалился я
В леса дремучие, в безлюдные края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с тобою
Веселья бурные, утраченные мною.

Эльмира

Такие жертвы я, конечно, откажу:
Приятность в городе сама я нахожу.

Арист

Как хочешь; но теперь в столице иль в пустыне
С тобою дома я всегда сижу отныне —
Днем, утром, вечером, и в полдень, и в полно́чь;
Все вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира

Но дома не всегда меня ты видеть будешь.

Арист

Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

Сафир

Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

Эльмира

Прощаю — пусть он всем обязан будет вам.
(Аристу)
Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодаря: он и меня наставил,
Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить,
Затем, чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась я воле,
Затем, чтоб ты ценил мое смиренство боле.
Так! он любовь твою мне возвратить хотел,
Старался, сколько мог, — и, может быть, успел.

Конец.

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ ⟨„СВОЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ЗАМУЖНЯЯ НЕВЕСТА“⟩

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге, женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он сговорен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем, знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому из них угодить и понравиться, и в том успевает. — Это содержание одной комедии кн. А. А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они.

⟨ЯВЛЕНИЕ 1⟩

Варвара Савишна, Любим, Наташа.

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню,
И счастья своего покамест не виню:
Где ни был, никого найти не удавалось,
Кроме одной. — Зато уж от нее досталось!
К Раисе Савишне, как следует, зашел;

Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел
К ней в образную, — там в очках она читала,
Вспрыгну́ла, ахнула и в обморок упала.
Оттерли. — Боже мой! тут только что держись:
Увещевания рекою полились;
И всё печатное, что только вышло внове,
Всё знает наизусть, не ошибется в слове;
Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла:
Тут длинную она статью о том прочла,
Как, верно, в девушке, вертушке новомодной,
Нет пламенной души, ни нежности природной,
Ни сердца простоты... А я без дальних слов,
Не выслушав всего, взял шляпу, был таков.
Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю,
Привез тебя сюда?

Варвара Савишна

Вот так-то! поздравляю!
Все виноваты мы...

Любим

Ах, нет! всегда жене
Твердил я, что у нас порядочных в родне
Есть двое: вы, да я.

Варвара Савишна

Поверь мне: помаленьку
На свой поставишь лад ты всю свою роденьку.
Наш опыт удался с секунд-маиором. Ну,
Полюбят также все они твою жену, —
Дай срок.

Наташа

А с дядюшкой сдружились мы
случайно! ..
Он на тебя похож, Любим, да чрезвычайно!
И видно по всему, что смолоду он был
Такой же ветреный, и так же добр и мил.
Максим Меркулович — тот не того разбора,
Да и две тетушки! Не сладишь с ними скоро!
Ну, если не пойдут никак они на лад,
Я, пусть они меня расценят, как хотят,
Скажу им наотрез: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа всё стерплю.

Любим

(обращаясь к Варваре Савишне)

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной... вы как раз
Женились бы на ней. — Все перед нею пас.

Варвара Савишна

(посмотрев в окошко)

Ах! Мавра Савишна сюда идет!

Наташа

Какая?
Что сва́рливая?

Варвара Савишна

Да, крикуша!

Любим

И скупая,
И тем упрямее, что денег тьма у ней.

Наташа

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме попростей
Какого платьица, чтоб мне пришлось по тальи?

Варвара Савишна

У Груньки в де́вичьей спросить... Нет!
у Натальи
Передничек ее да шемизетку взять,
Что в праздничные дни велю ей надевать.
Уйдите же... она уж подошла к порогу.

Наташа

(уходя)

Любим!

Любим

Я за тобой.

Уходят вместе.

⟨ЯВЛЕНИЕ 2⟩

Мавра Савишна, Варвара Савишна.

Мавра Савишна

Скажи-ка: слава богу!
Ведь наш Любим сюда изволил прикатить!
Хоть, правда, поспешил меня он навестить,

Да вишь пожаловал в тот самый час,
в который
К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы!
Я чай, разведывал, когда-де побывать?
Когда потрафить так, чтоб дома не застать?

Варвара Савишна

Ну, можно ли...

Мавра Савишна

Чего? Он разве малый путный?
Я одному дивлюсь, что карточкой визютной
Меня не наградил; а то ведь таковой
Обычай водится в столицах, об Святой
И в Рождество. Да что? там вечно наглость
та же;
Знатнейшие дома — и родственников даже —
Вот посещают как: сам барин дома спит,
Карету и пошлет, а в ней холоп сидит,
Как будто господин; обрыскает край света,
Швыряет карточки!.. Спасибо! мерзость эта
Что не дошла до нас: помиловал господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть.
Не подражает в том столичному он краю,
А все-таки спесив! увижу — разругаю.
Ведь нет, чтоб подождать полчасика... беда,
Никак нельзя: спешит. Спроси его: куда?
Небось не думает угодность сделать тетке;
А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке...

⟨ЯВЛЕНИЕ 3⟩

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа.

Наташа

Ах, вы здесь не одни! простите!

Варвара Савишна

Ничего.

Мавра Савишна

Кто это? здешняя?

Варвара Савишна

Нет! мужа моего
Покойного родня, приехала недавно.
Знакома вам была Федосья Николавна?

Мавра Савишна

Твоя золовка?

Варвара Савишна

Да, ее в живых уж нет.
Вот дочь ее.

Мавра Савишна

Она? — Прошу! каких уж лет!
Невеста хоть куда! — Мы вместе выростали
С твоею матушкой, дружнехонько живали,

И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил,
При мне он сватался, при мне помолвлен был.
Ах, на сем свете я куды давно таскаюсь!
Ты с нами долго ли пробудешь? а?

Наташа

Не знаю-с.

Как будет тетушке угодно...

Варвара Савишна

Мне, друг мой?

Весь век радехонька я вместе жить с тобой.

(Обращаясь к Мавре Савишне)

В глаза и за глаза скажу: неприхотлива
И угодительна, ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь иметь.

Наташа

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть?
Там приготовила для вас одно я блюдо.

Варвара Савишна

А! знаю, хорошо. — Останься здесь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у нас,
Не взыщете, а я назад приду сейчас.

(Уходит.)

(ЯВЛЕНИЕ 4)

Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Что это, матушка? неслыханное дело!
Кто стряпает теперь?

Наташа

К обеду не поспело;
Хватились поздно мы; так, как-то не пришлось.

Мавра Савишна

Какое ж кушанье?

Наташа

Пирожное одно-с,
И выдумки моей.

Мавра Савишна

Твоей? — Оно б не худо,
Да, ведь, пирожное затейливое блюдо.
Насущный хлеб теперь один составит счет,
Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

Наташа

Да-с, у меня зато всё снáдобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимонного чуть-чуть.

Мавра Савишна

Ну, сахар входит же?

Наташа качает голову.

Хоть крошечка?

Наташа

Отнюдь!
Как, сахар? шутка ли? что вы? побойтесь бога!
Нет! и без сахару расходов нынче много.

Мавра Савишна

Да! согрешили мы, крутые времена!

Наташа

Я как-то с малых лет к тому приучена,
Что дорогой кусок мне видеть даже грустно:
Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

Мавра Савишна

Как судишь ты умно! не по лета́м, мой свет;
В иной и в пожилой такого смысла нет.

Наташа

Помилуйте...

Мавра Савишна

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь век, не нажила ума?
Расчету ни на грош, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней, — зачем? кому на диво?

Наташа

А будто трудно жить, как надо, бережливо?
Я вот и не в нужде воспитана была,
Хоть матушка моя покойница жила
Куда не ро́скошно, я чай, и вам известно.

Мавра Савишна

Умна была, — дай бог ей царствие небесно!

Наташа

Однако странность я одну вам расскажу.

Мавра Савишна

Как, друг мой? что? — Садись.

Наташа

Вот что...

Мавра Савишна

Да сядь!

Наташа

(севши на краешке стула)

Сижу.

Вот что... спросить у вас позвольте: вы давно ли

Расстались с матушкой?

Мавра Савишна

Лет двадцать пять, поболе;

Мы молоды тогда, невесты были с ней,

(со вздохом)

И схоронила я с тех пор уж трех мужей!

Наташа

Так, может, никогда вам слышать не случалось

Об том, что к Ладовой, к графине, я попалась
На воспитание?

Мавра Савишна

Нет, не слыхала я.

Наташа

Уж странность подлинно! — Она и мать моя
Век были по всему противных свойств и правил.
Не знаю, между их как случай связь составил,
А только матушка с ней так дружна была,
Что на руки меня к ней вовсе отдала!
Представьте же себе: я в дом попала знатный,
У Ладовой на всё расход невероятный!
И шляпкам, и шаля́м, и платьям счету нет,
И собирается у ней весь модный свет:
Вчера концертный день, а нынче танцевальный,
А завтра что-нибудь другое. — Натурально,
Вы можете судить, что в этаком дому
До бережливости нет дела никому.

Мавра Савишна

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортит жизнь такая.

Наташа

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство
И весь графинин быт: шум, пышность, мотовство
И давка вечная в передней за долгами —
Так опротивели, что рада, между нами,
Была я убежать бог ведает куда!
Так опротивели! что лучше бы всегда

Я ела черный хлеб, в серпянке бы ходила,
Да лишь бы суетно так время не губила.

Мавра Савишна

Ужли, голубушка! да как же это ты?
Я, я свертелась бы от этой суеты!
Вот ум не де́вичий! — К чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа

Здесь булавочка светилась,
Сейчас я видела. Вот тут она была,
На этом месте, здесь. — А! вот она! нашла.

(Поднявши, прикалывает к косынке.)

Ведь и булавочка нам может пригодиться.

Мавра Савишна

Как? из булавки ты изволила трудиться?
Чем больше думаю и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свет! Уж ты ли не водилась
С большими барами? а всё с пути не сбилась!

Наташа

Напротив, многим я обязана тому,
Что столько времени жила в большом дому.
Когда к француженкам поедем мы бывало,
Графине только бы купить что ни попало:
А я тихохонько высматриваю всё,
Как там работают, кроят и то, и сё,
И выпрошу себе остатков, лоскуточков,

Отрезочков от лент, матерьицы кусочков,
И дома, запершись, крою себе, крою.
Теперь же, верите ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мне чужой работы —
Вот ни на эстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или фартука.)

Мавра Савишна

Помилуй, друг мой, что ты?
Клад сущий, — и тебе подобной не сыскать!

Наташа

Я шелком, золотом умею вышивать.
Бывало, прочие лишь заняты весельем,
На бáлах день и ночь, а я за рукодельем;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконец до тысячи рублей.

Мавра Савишна

Теперь на свете нет вещей невероятных.
Скопила! — Чем? — Трудом! воспитана у знатных!
Свершилась над тобой господня благодать.
Дай, радость, дай скорей себя расцеловать! —

Обнимаются.

Вот, если б был Любим степенный и толковый,
Вот счастье! вот оно! вот! случай здесь
готовый!
И услужил бы всем, родным бы и себе,
Когда женился бы он, друг мой, на тебе.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, в Питере он сватанье завел!

Там русскую мамзель какую-то нашел!
Преаккуратная головушка, я чаю.

Наташа

А почему же знать?

Мавра Савишна

Как почему? — Я знаю.

Наташа

Конечно, это вам известнее, чем мне.

Мавра Савишна

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне
Она не по нутру. — Не может, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные все свалятся,
Чтоб поскорей по них наследство получить;
Того не думает, чтобы самой нажить.
Хоть об себе скажу: не без труда скопила
Я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила!
Легко ли вытерпеть от них мне довелось —
При жизни что́ хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась.
По воле божией, когда б ты приглянулась
Любиму нашему и вышла б за него,
Не расточила бы наследства моего.
Да и полюбишься ему ты, вероятно:
Свежа как маков цвет, ведешь себя опрятно,
А франтов нынешних не мудрено прельстить.
Ты по-французскому умеешь говорить?

Наташа

Умею несколько.

Мавра Савишна

И! верно мастерица.
Им только надобно...

(ЯВЛЕНИЕ 5)

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Послушай-ка, сестрица!
Вот толк об чем у нас: не правда ли, она
Любиму нашему ведь по всему жена?

Варвара Савишна

Я то же говорю.

Мавра Савишна

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этом настою. Как хочет он, Любим,
Я вразумлю его, и, по словам моим,
Он петербургские все шашни позабудет.
Пожалуй-ка, сестра, когда к тебе он будет,
Пришли его ко мне. — А между тем, прощай!
К тебе, признаться, я попала невзначай:

Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно
Так кой об чем. — Прости!

(Обращаясь к Наташе)

Ах! жаль, что недосужно,
А то бы мы с тобой... прошу нас навещать.
Ты говорила мне, что любишь вышивать;
На это мастерство у нас есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь: загляденье,
Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд,
Заехал бы ко мне. — Быть может, и без брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заране.
Авось!.. не ведает никто, что впереди.
Сестра! без проводов! останься! не ходи!

ПРИТВОРНАЯ НЕВЕРНОСТЬ

Комедия в одном действии в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Эледина, молодая вдова.
Лиза, сестра ее.
Рославлев.
Ленский.
Блёстов.

Комната в доме Элединой.

ЯВЛЕНИЕ I

Ленский, Рославлев.

Ленский
Ну, нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Рославлев
А так любить, как ты, и не любить — всё то же.

Ленский
Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Рославлев

Зато с ее сестрой ты холоден, как лед.

Ленский

Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего, кричал, уж так кричал,
Что я со стороны, куда уйти, не знал.
Как Лиза ни добра, ей это надоело,
Она рассорилась с тобою, — и за дело.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в том велят!
От этих женщин мы чего не переносим?
А кончится одним: что мы прощенья просим.

Ленский

При всяком случае готов ты их бранить.
Они несносны? — Да? — Зачем же их любить?
Нет, право, за тебя становится мне стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивым незавидно;
А многие куда как резко говорят
И громко...

Рославлев

На мой счет?

Ленский

На твой.

Рославлев

Я очень рад!

Ленский

Всем кажется, что ты брюзглив и своенравен,
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.

Рославлев

Кто ж говорит об них?
Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем кажусь.
Да, я пустых людей насмешками горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я был угодным,
Чтоб также следовал сужденьям новомодным
И переделался на их бы образец,
Или на твой; — ведь ты таков же наконец!

Ленский

Ты хочешь, чтоб и я на женщин воружился;
Однако ж я пока на это не решился.
Мне с ними весело, им весело со мной,
А сверх того еще, вот веры я какой,
Что в добродетелях нам должно брать уроки
У них. — Мы сами же заводим их в пороки.

Немножко ветрены, неверны иногда, —
Ну что ж?

Рославлев

Как иногда! — Всегда, сударь, всегда!

Ленский

Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А, впрочем, нас с тобой никто не согласит:
Меня вот, например, всё в свете веселит,
А ты не можешь жить без горести и муки.

Рославлев

Ты рассудителен! и если бы от скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленский

А ты как думаешь? мне надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? С любезною расстаться,
И всё-таки потом везде ее следить
И всех бояться?

Рославлев

Всех. — Все могут милы быть.

Ленский

А пуще, кто умом и прелестьми украшен.
Я признаюсь тебе, мне Блёстов очень страшен.

Рославлев

Шути, а этот франт — я не терплю его!

Ленский

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.

Рославлев

Пустая голова! Что шаг, то принужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем иное мненье.
Вчера же с ними он весь вечер проболтал;
Ты видел... Я сперва совсем не ревновал,
Да Блёстовым они так много занимались,
Что нас забыли. — С ним всё время просмеялись.

Ленский

Они смеялися и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им на того,
Кто в обществах всегда всех женщин забавляет.
И как ты думать мог, что он их завлекает?
Кто ж Блёстов? Старый франт! Он слишком в сорок лет
Везде волочится, прельщает целый свет,
Острится надо всем, а сам всего смешнее;
Не вовсе без ума, и от того глупее;
Охотно в дураки отца бы посвятил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как он мил!

Рославлев

И несмотря на то, как это мне ни больно,
Я бьюся об заклад, что женщин есть довольно,
Кому он нравится.

Ленский

Конечно, для иных
Не без достоинства такой, как он, жених:
Богат и всем родня.

Рославлев
(с досадой)

Ну, так они и пра́вы!

Ленский

Э, полно! здесь его лишь любят для забавы.

Рославлев

Насмешки их над ним — уловки против нас!
Видал насмешниц я, как ладили подчас
С людьми, которые казались им противны.
Да что и говорить? — Мне в женщинах не дивны
Увертки, хитрости, лукавство против всех,
Обманы вечные, притворный плач и смех;
И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться!

Ленский

Да успокойся.

Рославлев
(с сердцем)

Я спокоен.

Ленский

Так поди
К своей возлюбленной. — Клянися ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом повиновеньи.

Рославлев

Я? к ней пойду?

Ленский

Да, ты.

Рославлев

Хорош! — я в огорченьи, —
А ты... Из дружбы он смеется надо мной.

Ленский
(хохочет)

Тебе же в пользу я стараюсь...

Рославлев

Бог с тобой!
Вот каковы друзья: — хоть плачь я, хоть бесися,
Он будет хохотать!

Ленский

Эй, с Лизой помирися.
Поди! у ног ее ты должен обещать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

Рославлев, увидя Блёстова, отворачивается и поспешно уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Ленский, Блёстов.

Блёстов
(вслед Рославлеву)

Эк он заторопился!
Я в двери, он бежать, — ушел, не поклонился.
Ах, Ленский, здравствуйте! — Ваш друг
не в духе?

Ленский

Да.
Престранный человек. Заметьте, что всегда
Он тотчас убежит, где только вас завидит.

Блёстов

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

Ленский

Причина ясная: он вас боится.

Блёстов

Что?
Вот вздор!

Ленский

Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.

Блёстов

Зло! очень зло! — Однако,
Кто ж нынче им не мил? без исключенья всякой:

*

Сначала все они как будто далеки,
А после...

Ленский

Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины... до сотни можно смело...
Да что и называть? — победы ваше дело.

Блёстов

Помилуйте!

Ленский

И вот, не далеко искать:
Росла́влеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже.

Блёстов

Вы думаете?

Ленский

Да.

Блёстов

Вы друг ему?

Ленский

Ну, что же?

Блёстов

Скажите искренно, как поступил бы он,
Когда бы кто ему был Лизой предпочтен?

Ленский

А разве?

Блёстов

Ничего, — одно предположенье;
Клянусь вам, ничего. — Ну, вот и подозренье!

Ленский

Я и не думал.

Блёстов

Нет? — Где вам меня провесть! —
(Рассеянно)
А впрочем, хоть и я пленяю как ни есть,
Хоть Лизе нравиться и нет большого чуда,
Но всё, я вам божусь, что с ней еще покуда
Мы на учтивостях — и более никак.

Ленский

Я верю без божбы.

Блёстов

(значительно)
А если бы не так,
На что б решился он?

Ленский

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объяснился.

Блёстов

Стреляться бы он стал? — Стреляться не беда!

Но быть ревнивым? — о! в нем вовсе нет стыда.
Отстаньте от него и будемте друзьями:
Давно заметил я тьму сходства между нами.

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь; — ужли
Вы баловнем любви невинно прослыли?

Блёстов

Кто счастлив не бывал? — Но я вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не делывал ни шагу.

Ленский

Бесчувственный! и вот пленяете вы чем!

Блёстов

Ба! — Не пленяется в наш век никто, никем, —
Всё дело прихоти и случая слепого;
А люди есть еще: не скажут вам ни слова,
Чтобы удач своих в любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И как рассказывать о том, что так ничтожно?
С одной я, например, едва поверить можно,
Совсем не думавши, не знаю как успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хотел;
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтоб только отомстить — и ах! сама попалась.
Другой понравился с таким же я трудом,
Ну, отгадайте, чем? — любезностью, умом?
Нет! — бледностью лица! — Я был жестоко
болен. —
Зато болезнию потом как был доволен!

Одну имел я связь серьезную, — в нее
Вмешалось несколько достоинство мое;
Вот это было как...

Ленский

Простите, поневоле
Я с вами расстаюсь, — мне здесь нельзя быть
боле;
Хозяйки милые так долго никогда
Не заставляли ждать. — Вы остаетесь?..

Блёстов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле докажите,
И хоть Эледину, жестокий, пощадите.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ III

Блёстов
(один)

Шути, мой друг, острись! — Я, в очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Рославлев твой порядочной ценою
За неучтивости поплатится со мною,
И дельно. — В дураки попасть им легче всех:
Один всё хмурится, другому же всё смех.
Нет! женщин надо знать, — так знать, как я
их знаю.

Однако ж я и сам неловко поступаю:
К обеим вдруг сестра́м я письма написал;
К обеим об любви? — Ну, как в беду попал?
Да что? — Развязка тут не самая ль плохая,
Что от одной отказ, — не та, так всё другая;
Вот дурно, ежели они одна другой
Хвалиться вздумают короткостью со мной?
Да нет! не может быть: они не разболтают,
В любви и женщины, что надобно, скрывают.
А вот они идут! — Однако ж не могу
С обеими теперь быть вместе, — убегу!

ЯВЛЕНИЕ IV

Эледина, Лиза.

Лиза

Как можно целый час смеяться до упада?

Эледина

(хохочет)

Нет сил!

Лиза

Да что с тобой? Скажи, чему ты рада?

Эледина

(хохочет)

Ах, что за милое письмо мне принесли!

Лиза

Письмо?

Элединa

От Блёстова. — Как нежно!

Лиза

Неужли!
Он и ко мне писал сегодня же.

Элединa

Забавно!
Да где ж твое письмо? — Дай посмотреть... Вот славно!
Прочти, пожалуйста: он любит нас равно,
Из слова в слово в них написано одно.
Каков?

Лиза

(прочитав)

Ну что ж, так нам обеим незавидно.

Элединa

Уж Блёстов вздумал нас обманывать; обидно!
Нет, баловать его не надо, — и к чему?
Садись, пиши.

Лиза

Зачем?

Элединa

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет! — Ах, друг мой! как счастливо!

Тебе нередко ведь скучает твой ревнивый;
А мой возлюбленный, что б он ни говорил,
Своей холодностью нимало мне не мил;
Твой слишком любит, мой почти любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает.

Лиза

Ну что же?

Эледина

К Блёстову напишешь ты ответ,
Для шутки, так, чтобы он был ни да, ни нет.

Лиза

Как можно?

Эледина

Напиши; ты страх меня обяжешь!

Лиза

А если все потом узнают, что ты скажешь?

Эледина

Пусть знают. Я сама хочу к нему писать,
Вот тут-то он начнет мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается, — и вдруг глаза ему откроем.
Представь себе, как мы Росла́влева расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а потом,
Как ты сама ему признаешься во всем,
Немного надобно иметь ему рассудка,
Чтобы увериться, что это просто шутка.

Ну, если шалостью исправим мы его?
А мне не сделать уж ревнивым своего.
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться.
Ну, милая, решись, — пиши; я пособлю.

Лиза

Нет, я не напишу, что я его люблю.

Элединa

Вот, как теперь гляжу, как Блёстов будет
славить.

Лиза

Ревнивца обмануть?

Элединa

Да, чтоб его исправить;
Теперь же случай есть... Пиши, не будь дитя.

Лиза

Да как?

Элединa

Ах! полно.

Лиза

Я боюсь не шутя.

Элединa

А время между тем уходит. — Ну, скорее!

Лиза

Что будет?

Эледина

Ничего,

(Лиза садится.)

Вот так, начни смелее.

Лиза

Ах! что я делаю!

Эледина

Поверь мне, не тужи.

Лиза

Что он подумает?

Эледина

Пусть думает. — Пиши:

(Диктует)

«Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю...»

Лиза

Уж как не хорошо, я это очень знаю.

Эледина

(продолжая)

«И не решилась бы я долго, — но со мной
Рославлев, как на зло, несносный стал такой...»

Лиза

Несносный, что за вздор?

Элединa

Ну, беспокойный...

Лиза

Точно.

Элединa

Пиши: *«Он ревностью, как будто бы нарочно,*
Надоедает мне».

Лиза

И всё не надоест!

Элединa

«Надоедает мне. — Пусть ищет же невест
Потерпеливее; а я не в силах боле
Сносить все странности его; — я век в неволе;
Его мученья...»

Лиза бросает перо.

Ну?

Лиза

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать всё злое на него?

Элединa

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

Лиза

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

Эледина

Дурно страх!
Ну, да пожалуй я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

Лиза

Сейчас.

(Читает)

«Его мученья...»

Эледина

(диктует)

«Так надоели мне, что, словом, хоть кого
Готова я любить, да только не его...»

Лиза

Нет! Этого писать я век не соглашуся.

Эледина

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Эледина

Ты шутишь; — да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Рославлев с Блёстовым, Рославлев как ревнивый,
А Блёстов как дурак.

Лиза

(дописавши)

Ответ красноречивый.

Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!

Эледина

Кто? — он? Он верил до того.
Как знаю я мужчин! Ах, все без исключенья
Какого об себе они большого мненья!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!
Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,
Что ты с Рославлевым не хочешь вовсе знаться. —
Пусти ж меня.

(Садится.)

Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить так приятно!

Лиза

Что тут приятного, мне, право, не понятно!

ЯВЛЕНИЕ V

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.

Лиза

Ах! вот они! — Куда всё это нам девать?
Спрячь эти глупости.

Эледина

(нарочно громко)

Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрытность ненавижу.

Рославлев

Смотри, что так она прилежно пишет!

Ленский

Вижу.

Рославлев

(Лизе)

Я ждал вас давича до половины дня;
Или решилися вы бегать от меня?

Лиза

Да, сударь, с вами я все ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись; я — вас точно убегаю.

Рославлев

Не убежите же: я вас везде найду.

Лиза перебегает и становится за Элединою.

Эледина

(в сторону)

Вот любит истинно! а на мою беду,
Мой Ленский самая холодная особа.

(Ленскому)

Ах! да вы здесь. Давно?

Ленский

Сейчас вошли мы оба.
Не помешаю ли я вам?

Эледина

(продолжая писать)

Нет, ничего.

Рославлев

Конечно, нечего бояться вам его.
Вы можете при нем всегда писать свободно,
Хоть бы к соперникам его, — к кому угодно;
Он из учтивости не будет вам мешать.

Эледина

Хоть бы к соперникам его, — почем же знать?
Я точно нежное письмо пишу.

Ленский

Прекрасно!
Да я скажу, к кому.

Эледина

К кому ж?

Ленский

Ко мне.

Эледина

Напрасно.

(В сторону)

Как можно столько быть уверенным в себе!

Ленский

Ах! позавидует весь свет того судьбе,

(показывая на письмо)

Кто нежности от вас такие получает!
Я вижу по глазам, что чувство вам внушает.

Элидина складывает письмо.

И будто кончили! не лучше ль продолжать?
Расположения такого долго ждать.

Элидина

(в сторону)

Смеется? — Если б я в сердцах не рассуждала,
Любовное письмо не в шутку б написала.

(Кличет)

Кто тут?

Лакей входит.

На, вот письмо; поди, отдай тому,
Кому надписано...

Ленский

Куда ж итти ему?
Я здесь покамест.

Элидина

Нет; уж вы домой подите;
Там лучше прочитать.

(Уходит.)

Ленский

(с улыбкой)

Вы этого хотите.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ VI

Лиза, Рославлев.

(Лиза хочет уйти.)

Рославлев

И вы?

Лиза

Позвольте.

Рославлев

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Всё это лишнее; на что нам объясняться!
Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;
Я всё надеялась ваш нрав переменить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще...

Рославлев

Вчера... да будьте беспристрастны!
Я жду, вы входите: вы были так прекрасны!
Я видел вас одних; — опять, какой же след

*

Вам замечать меня, где тьма народу? — нет!
Вы милы! веселы! — для всякого другого;
Со всеми ласковы, со мною — ни полслова.
Вдруг Блёстов с значущей улыбкой к вам пристал,
Болтал, болтал, и так собою заслонял,
Что долго я за ним не мог вас видеть после.
Макао начался; вы сели, Блёстов возле. —
Меня упрятали покамест за бостон:
Бостон ли на уме! я без того взбешон;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня, ругают;
А вы хохочете — и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одни, весь свет смеется из пустого.
Зато же сыщете вы где меня другого?
Кто чувствует, как я? Кто нынче есть с душой?
Кто любит истинно? .. Я, право, сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщинами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца! — Признаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами расстаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете найти.

Письмо читаю я... тотчас уж подозренье;
Танцую ли с другим... и тут вам огорченье;
Получше ли к кому оденусь... всё беда!
Всё виновата я, — и с вами брань всегда;
Хоть с Блёстовым когда я говорю учтиво,
Уж слышу там ногой стучат нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не любить.
Вот радость! замужем невольницей мне быть.

Рославлев

Невольницей! — Тогда! — Ах! нет! избави боже,
Чтоб я осмелился...

Лиза

Тогда всё будет то же,
И точно то терпеть я буду, что терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?
Без этой глупости я вас бы ненавидел!
Мы не поладим век! — Да, я давно уж видел,
Что есть другой, с кем вы поладите скорей!
Ну, что ж? так я пойду дорогою своей:
Знакомы с Вельской вы? — добра, умна,
прекрасна.
Так знайте ж: за меня итти она согласна;
А с нею век могу я счастливо прожить.
И — вы принудите меня ее любить.

Лиза

Извольте ж к ней сейчас отправиться, — подите!

Рославлев
(хочет итти)
Я вас послушаюсь, — иду сейчас.
(Воротясь)
Скажите,
Кто этот счáстливый, что вами предпочтен?

Лиза
Зачем вам имя знать его?

Рославлев
Затем, что он
Заплатит дорого... да!

Лиза
Что вы? успокойтесь;
Вы что-то стрáшны.

Рославлев
Как?

Лиза
Я вас боюсь...
(Убегает.)

Рославлев
Не бойтесь!
Какая мне нужда до вас и до него,
И как его зовут...

ЯВЛЕНИЕ VII

Рославлев

(один)

Вот, взбесит хоть кого!
Да и меня ж потом ревнивым называют!
(Ходит взад и вперед.)
Но в самом деле, мне кого предпочитают?

В это время Блёстов показывается.

Кто знает, может быть, и он соперник мой?
И точно! — нынче он доволен так собой!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Рославлев, Блёстов.

Блёстов

Вы здесь, Росла́влев? — Ну, опять сердит?
Скажите:
За что? — Вы влюблены, любимы.

Рославлев

Извините!
Вы шутите, а я... я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно просить у вас хочу;
Прошу покорно мне сказать чистосердечно,
Как честный человек.

Блёстов

Вы спросите, конечно,
Что не намерен ли у вас я перебить?

Р о с л а в л е в

Однажды навсегда прошу мне объявить,
С какими видами так часто, постоянно
Сюда вы ездите?

Б л ё с т о в

С какими? — Очень странно!
Я видов не имел ни на кого отнюдь;
А если...

Р о с л а в л е в

Их на вас имеет кто-нибудь...
Ну, кто ж?

Б л ё с т о в

Когда б от вас хотели допытаться,
Вы не сказали бы конечно?

Р о с л а в л е в

Может статься.
Но вы? вы скажете? — не правда ли?

Б л ё с т о в

Бог мой!
Как этак приставать? Вот человек какой!
И даже помолчать он не дает свободы!
Пусть так; вы смущены, я — жалостлив
с природы.

Р о с л а в л е в

Без предисловия.

Б л ё с т о в

Прошу же скромным быть.

(Забавляется вниманием его.)

Однако, этого не должно б говорить.

Р о с л а в л е в

(с бешенством)

Теперь всё говорят, — ну, говорите ж.

Б л ё с т о в

Милый!

Вы слишком горячи! А если б что и было,
И если даже есть, так вам нет нýжды в том;
Ну, понимаете, что вы тут ни при чем.

Р о с л а в л е в

Ужли Эледина? — Вот это будет ново!

Б л ё с т о в

А что ж?

Р о с л а в л е в

Вы шутите.

Б л ё с т о в

Да нет.

Р о с л а в л е в

Честнóе слово?

Б л ё с т о в

Честнóе слово. — Вот: всегда бедам чужим

Смеялся Ленский ваш! Ну, смейтесь же над ним.
Я от Элединой давно терплю нападки;
Да, да!

Рославлев

Но, может быть, всё это лишь догадки,
Без основания.

Блёстов

Одни догадки? Вот!
А если дело-то серьезнее пойдет,
На доказательства... Что? это вас тревожит?

Рославлев

Нет! потому что их и быть у вас не может.

Блёстов

Не может, точно так. Да как у нас и быть?

(Вынимает бумажник и ищет в нем.)

А если, например, здесь можем мы найтить,
Между такими же другими письмецами...
Оно? — Нет, не оно. — А, вот! — прочтите сами.

(Показывает Рославлеву письмо.)

Тот хочет схватить его, но Блёстов не дает, и Рославлев читает с жадностию.

Заметьте, что Амур лукавое дитя:
Всё это писано как будто бы шутя;
Всегда ведь женщины с насмешек начинают,
А там привяжутся, а там и обожают,
А там...

(Хохочет.)

Ну, мочи нет, как Ленский мне смешон!
Я рад до крайности, что так обманут он!
Нет, вы — вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщине всё можно.

(Хохочет.)

А он без милости уверен был в себе.

Рославлев

Что ж? Все мы этой же подвержены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои сбылися!
Я говорил тебе...

Блёстов

Когда? — как завелися
У нас свидания почаще с нею?

Рославлев

(сердито)

Нет!
Гораздо прежде. — Ах! и мне таких же бед
От Лизы можно ждать.

Блёстов

Да, да, — я уверяю.

Рославлев

Прошу не уверять...

Блёстов

(с значущей гримасой)

Нельзя; когда я знаю...
И в том, что к грусти вам причину подает,

Никто участия такого не берет,
Как я... Прощай же.

(Уходя, поет из «Жоконда»)

«В печали, в огорченьи,
Всегда любовники грустят в уединеньи».

ЯВЛЕНИЕ IX

Рославлев

(один)

Он весел и поет! он счастлив и любим!
А Ленский между тем смиряйся перед ним!
А с Лизой в ссоре я? — Хоть тем могу я
льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться.
Вот женщины, мой друг! — Что? ..

ЯВЛЕНИЕ X

Рославлев, Ленский.

Рославлев

(увидя Ленского)

А! да вот и он!
И что-то невесёл!

Ленский

(увидя Рославлева)

Опять уж рассержон!

Рославлев

(помолчав)

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне не понятно!

Ленский

Мне тоже, признаю́сь.

Рославлев

Они... невероятно!
Как хитры, скрытны! — в них обманется хоть кто.

Ленский

Как ветрены!

Рославлев

(в сторону)

Да он заговорил не то; —
Неужли угадал?

Ленский

(в сторону)

Таить немного прока;
Узнает без меня, — а рассказать жестоко.

Оба сходятся с двух сторон.

Рославлев

(подходя к Ленскому)

С чего бы мне начать?

(Ленскому)

Послушай, милый мой!
Мы с Лизой разговор имели преживой.

Да с ней не сговоришь: совсем другая стала!
И неуступчива, как сроду не бывала!
Тут что-нибудь да есть. — Так! бог уж ей судья,
А что душой кривит Эледина твоя.

Ленский

Нет! за Эледину, как за себя, ручаюсь;
А в Лизе, виноват, я что-то сомневаюсь;
Однако ж, не сердись, ведь это ни к чему,
Будь рассудителен. — А видно по всему,
Что вряд ли ты любим.

Рославлев

Так! обо мне заботы;
А об самом себе подумать нет охоты?

Ленский

А что?

Рославлев

Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя в кого-то влюблена,
Что пишет к этому кому-то; — это мало,
Что он письмо ее везде, где ни попало,
Показывает всем; и, словом, что ты сам
Письмо ее читал?

Ленский

Да по твоим словам
Тебе известно всё, — а я сказать боялся.
Так точно: Блёстов здесь со мною повстречался;
И тотчас показал мне, к горю твоему,

Письмо руки ее; и писано к нему.
Теперь, прошу сказать, у женщин что же прочно?

Рославлев

Письмо от Лизы?

Ленский

Да.

Рославлев

Сам видел ты?

Ленский

Сам точно...
У Блёстова... Его он носит напоказ.

Рославлев

Ты сам читал его?

Ленский

И перечел не раз;
Я верить не хотел.

Рославлев

Возможно ли? Так, стало,
Всё кончено теперь! Всё для меня пропало!
Как глупо вверился и как обманут я!
И кем же? — Решена судьба теперь моя.
Утешимся, мой друг. — Оставим их в покое —
Откажемся навек от женщин, будем двое,
Как братья, жить.

Ленский

Оно всё так, я очень рад!
Однако ж, посуди и то, любезный брат,
Что мне моя верна.

Рославлев

Верна? — да, дожидайся!
Верна! — Нет, женщинам ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всем! — Все верны, хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика беда;
И станешь ли тужить ты об своей потере?

Ленский

(очень хладнокровно)

В чем дело, расскажи?

Рославлев

Она... По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью своей.

Ленский

Да что же?

Рославлев

Ничего. От верной-то твоей
Показывал письмо мне Блёстов, — в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два раза.

Ленский

(особо)

От каждой по письму!

(Ему)

Как ты сказал? — моя?

Рославлев

Писала к Блёстову письмо, — сам видел я.

Ленский

Ты шутишь?

Рославлев

(усиливая голос)

Не шучу.

Ленский

Она к нему писала?

Рославлев

Да, сударь!

Ленский

К Блёстову?

Рославлев

Да, сударь.

Ленский

Изъясняла
В письме любовь свою без всякого стыда?

Рославлев

Да, сударь, да, суда́рь, я говорю вам: да!
К чему расспрашивать? для вас ведь это
малость.

Ленский

(в сторону)

Так обе к Блёстову они писали? — Шалость!

Рославлев

Никак не вслушались, — велите повторить?

Ленский

(с улыбкой)

Нет, вслушался, и вас хотел благодарить.

Рославлев

Что? женщин я не знал? — «Нам брать у них
уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?»
Что? прав ты?

Ленский

Может быть.

Рославлев

Как? Лиза мне верна?
И в шýта, в Блёстова, покамест влюблена!

Ленский

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

Рославлев

Вот думает об чем!

Ленский

Нельзя ль тебе дождаться?
Я вмиг приду назад.

Рославлев

Их надо в стыд привесть;
Пойдем.

Ленский

Что мне до них? другое дело есть.
(Хочет итти.)

Рославлев
(его держит)

Эледина сама, ты помнишь, нам сказала,
Что нежности она к кому-то сочиняла...
Да что? при нас самих записка послана.

Ленский

Хоть то в ней хорошо, что искренна она.

Рославлев

Как входит в голову такое рассужденье!
Подумай хоть об том, холодное творенье:
Письмо Элединой мне Блёстов показал,
Письмо от Лизы он тебе читать давал. —
Неужли позволять над нами так ругаться?

Ленский

У всякого свой вкус; он любит забавляться.

Рославлев

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я отстал?
Послушай, ты письмо... проклятое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Сказать ты можешь
смело; —
Уж я не рассержусь.

*

Ленский

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блёстов обещал их письма выдать в свет.

Рославлев

Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блёстова сыщу.

(Хочет итти.)

Ленский

(удерживает его)

Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли из чего шуметь?

Рославлев

(хочет уйти)

Слуга покорный!

Ленский

(держит его)

Постой; — поверь же мне, что Блёстов не любим.

Рославлев

Как?

Ленский

Забавляются над нами и над ним.

Рославлев

С чего ты взял?

Ленский

С того, что я наверно знаю.

Рославлев

А письма?

Ленский

Их себе я очень объясняю.
Вдруг обе к Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они с ума,
Ну, сам ты рассуди.

Рославлев

Так точно. — Нет! вернее
Узнать бы. Растолкуй всё это мне яснее.

Ленский

Да всё объяснено. Одна из них скромна,
Другая меньше, но... обманщица ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чувствам верю.
Лишь Блёстов сделал тут неважную потерю,
Рассудок потерял, и то не нынче...

Рославлев

Так!
Ты жизнь мне возвратил! — Какой же я дурак!
Я сомневаться мог! — Что значит быть ревнивым!
Сто раз уж перед ней я был несправедливым!
Как до сих пор не знать ума ее, души?
Однако ж ведь они и сами хороши:
Сидят и про себя, чай, думают: авось ли
Над легковерьем их мы похохочем, — после.
Нет! не умели мы их хитрость угадать?
Нет! очередь не нам над ними хохотать?
Тебе обязан я всем, друг мой!

(Обнимает его.)

Ленский

И, как другу,
Мне окажи теперь бездельную услугу.

Рославлев
(с живостию)

Вели; приказывай; что хочешь ты, чего?

Ленский

Дай Блёстову пожить, не вызывай его.

Рославлев

Не вызову.

Ленский

Ну вот, насилу усмирился.

Рославлев

Однако ж, если ты судить поторопился?

Ленский

Опять за ревность!

Рославлев

Нет; да ты подумай сам;
Без доказательства нельзя же верить нам.

Ленский

Всё та же песня.

Рославлев

Мне хотелось бы покуда...

Ленский

Покуда надобно уйти тебе отсюда;
Отчаянного роль я стану здесь играть;
Ты только не мешай.

Рославлев

Да надо бы узнать.

Ленский

Я всё узнаю,

(почти толкает его)

всё; ну, что же, убирайся!

Рославлев

А если...

Ленский

Ах, поди!

(Толкает его.)

Рославлев

Смотри, в обман не вдайся.

Ленский

(выталкивает)

Да ну, поди скорей!

Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ XI

Ленский
(один)

Довольно покричал!
Не мудрено: я сам уж верить начинал!
А Блёстову его соперники достались
В поверенные! — Как? все трое мы попались,
Чтобы Элединy и Лизу забавлять?
Пустое! — Не люблю я женщин баловáть.
Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;
Их поздно в руки брать, как будут нам женáми...
Они? я очень рад!

ЯВЛЕНИЕ XII[1]

Ленский, Эледина, Лиза.

Эледина
(Лизе в глубине комнаты)

Печален! — Неужли
Уж Блёстов рассказал?

Лиза

Спроси.

Эледина
(Ленскому)

Куда вы шли?

---

[1] Это и следующее явления написаны А. А. Жандром.

Ленский
(печально)

е знаю.

Эледина

Что за грусть? — Ведь вы смеетесь
вечно.

Ленский
(ходя взад и вперед)

огда обманывал кто так бесчеловечно!
ужчину завести, уверить, уловить,
ать слово, — и потом, как нáсмех, изменить.
досаде этакой от смерти недалеко!

Эледина

ачем же от меня так мучиться жестоко?

Ленский
(остановясь)

оступок ваш меня конечно оскорбил;
днако ж не об нем теперь я говорил.
тчаянный мой друг мне в голове вертится...
(Лизе)
редставьте, он совсем хотел уж застрелиться.
сё проклинал: любовь, друзей и целый свет;
ешил, что для него ни в ком надежды нет.
то в свете всё обман, что женщины все ровно
укавы, злы...

Эледина
(перебивая)

А вы, как должно, хладнокровно
тешили его?

Ленский

Как тут попали вы.
Я, правда, ждал всего от этой головы;
Он застрелился бы; но выдумкой счастливой
Я спас его.

Лиза

(испугавшись)

Какой?

Ленский

Известно, что ревнивый,
В любви обманутый, тотчас на всё готов;
Так убедить его мне стоило двух слов:
Наталью Вельскую вы знаете?

Эледина

Ну, что же?

Ленский

(Лизе)

Так точно; вас она немного помоложе. —
(Элединой)
Брюнетка! острая! живая!.. Словом, он...

Эледина

(перебивая и показывая на Лизу)

С досады на нее уж в Вельскую влюблен.

Ленский

Вхожу я: в комнате почти не видно света;
Он в горе; на столе лежат два пистолета;

Я начал утешать, он слушать не хотел;
Об Вельской речь зашла...

Эледина
(перебивая)

И к ней он полетел.

Ленский

Нет, я отвез его. — А впрочем, долго бился;
Он спорил, ссорился, но после — согласился.

Эледина
(в сторону)

Злодей!

Лиза
(в сторону)

Ах!

Ленский
(Элединой)

И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в восхищенье их!
Не могут говорить, хоть говорить хотели,
Зато с каким огнем друг на́ друга глядели!

(Лизе)

А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на них не мог.

(Элединой)

И что ж приятнее, как видеть двух счастливых?

(Лизе)

В желаниях любви, всегда нетерпеливых,
При мне клялись они друг друга обожать;
И... скоро свадьба их.

(Элединой)

А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то, чтоб Блёстову я подражать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыскать умел.

Ленский смеется и раскланивается с ними; они с досады на него не смотрят, и он уходит.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Э л е д и н а, Л и з а.

Э л е д и н а

(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)

Какой же человек! — и я его любила!

Л и з а

А я себя, скажи! за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!
И подлинно умно, уж нечего сказать! —
Ах! я от этого Рославлева теряю.

Р о с л а в л е в

(выходя из кабинета, в котором он прятался)

Дай их послушаю.

В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе.

Элединa

Да я еще не знаю,
Печалиться ли нам? И есть ли из чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где ж любовь его?
Ведь он же не шутя любить меня божился.
А твой? — С отчаянья почти что уж женился.
Они...

Лиза

То сделали, что должно было им,
Что сделала бы я, с терпением моим.
Как? на дурацкие мы письма отвечаем!
Кого же? Блёстова мы им предпочитаем.

Элединa

Что ж? Из учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать каких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой божился,
Что в миг бы умер он, когда б тебя лишился.
Зачем же не сдержал он слова своего?

Лиза

Зачем? — Ах, боже мой!

Элединa

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым притворяться,
А наша, им назло, ничуть не огорчаться.
Поддержим честь свою и позабудем их.

Лиза

(почти плачет)

Честь? — Разве честь велит обманывать других?

Рославлев

(тихо в глубине комнаты)

Прелестна!

(Хочет к ней подойти.)

Лиза

(плачет)

Как любил! Как думал быть
счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала ревнивым,
А я с Росла́влевым лишаюся всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе пеняю!
Когда бы знал...

ЯВЛЕНИЕ XIV

Рославлев, Эледина, Лиза.

Рославлев

(с радостию)

Я здесь: всё слышал и всё
знаю.

Лиза

Росла́влев, это вы?

Рославлев

Так я еще любим?
И сказкам обо мне вы верите пустым?

Эледина

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?
Обманщик Ленский!

Рославлев

Да, он понял шутку вашу,
И отплатить хотел.

Лиза

А вы с ним заодно!

Рославлев

Кто?. я?.. Нет, не совсем... Ведь было мудрено
Не усомниться мне — такой я сумасшедший.
Да что уж толковать о глупости прошедшей?

(Элсдиной)

Не ссорьтесь с Ленским; он бесценен! — Без него
Не знал бы никогда я счастья своего.

(Лизе)

Когда бы удалось услышать мне, как мило
Жалели обо мне? — Как мне приятно было!
За это вы меня решитесь ли простить?

Лиза

Вы сами слышали, так что тут говорить.

Рославлев

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

Элсдина

(увидя Ленского)

Тс! — тише!

ЯВЛЕНИЕ XV

Ленский, Рославлев, Эледина, Лиза.

Ленский

(будто ищет кого-то)

Точно здесь. — Что, если б догадался
И он помучить их?

(Посмотрев на всех)

Нет, всё известно...

Эледина

Да!
Известно всем, что в вас нет совести, стыда;
Всех рады осмеять вы для своей забавы,
И непростительно как злы и как лукавы.
Ужасный человек!

Ленский

Что ж делать? — виноват!
А вот несносен кто, всё выболтать он рад!
Нет, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь вперед затею злое,
Так верно без тебя.

Рославлев

(с довольным видом)

Пожалуй.

Эледина

Боже мой!
Вот извиняется он как передо мной!

Ленский

Что ж, хитрость мне моя, — признаться
я обязан, —
Не вовсе удалась; довольно я наказан.

Рославлев целует руку у Лизы; Ленский с тем же подходит к Элединой; она от него отворачивается. В эту минуту является Блёстов и помирает со смеху.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Блёстов, Эледина, Ленский, Рославлев, Лиза.

Блёстов

(в сторону)

Забавны взапуски один перед другим!

(На ухо Элединой)

Зачем обходитесь вы так жестоко с ним?
Он догадается.

Эледина смеется. Блёстов становится между Ленским и Рославлевым.

(Ленскому)

Ваш друг в веселом нраве.
Что, если б он узнал? Нет, боже нас избави!

Ленский смеется.

(Рославлеву)

Каков вам кажется ваш Ленский? — право, клад!
Ведь за Эледину он побожиться рад,
Что всё ему верна!

Все смеются.

Да кто ж над кем смеется?

Ленский

Над вами, су́дарь, все; мне так оно сдается.

(Элединой)

А чтоб уверился он в торжестве своем,
День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

Эледина

Ты понял мастерски, хитрец, мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Ленский

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:
Я вас в неверности не смел подозревать,
Хоть Блёстов, слова нет, соперник
преопасный...
Росла́влев ревновал... Ну! он любовник
страстный,
А я — почтительный, — тут нет других причин;
И несогласиям конец теперь один.

(Показывая на Блёстова)

За наши ссоры он пусть богу отвечает.

Рославлев

(самым насмешливым тоном)

Вот Блёстов разом как двух женщин обольщает!

Каждый в свою очередь подходит к Блёстову с ироническим поклоном, и потом все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Б л ё с т о в

(один)

Красавицы мои! Кто растолкует вас?
Да правда, ведь и мы не лучше в добрый час;
Сегодня любим их, а завтра ненавидим.

(Подумавши)

Как будут замужем они, — тогда увидим!

К о н е ц.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

ЮНОСТЬ ВЕЩЕГО

(Куростров. Ищут Михаила. Находят его. Ночь перед отплытием в дальний путь.)

Орел, едва лишь пухом оперенный,
Едва в себе почуял дерзость сил,
Рассек эфир, с размаху воспарил;
Хор птиц, его явленьем изумленный,
Неспорный крик ему навстречу шлет.
Нет! Дерзость тех очей и тот полет
Не зрит себе ни равных, ни преслушных,
И властвует в селеньях он воздушных.
Не так между людьми: ах! от пелён
Томится столько лет ревнитель славы!
Еще томится возмужалый он,
Отвержен и непризнан, угнетен...
Судьба! О, как тверды твои уставы!
Великим средь Австралии зыбей,
Иль в Севера снегах, везде одно ли
Присуждено? — Искать желанной доли
Путем вражды, препятствий и скорбей!
И тот певец, кому никто не смеет
Вослед ступить из бардов сих времен,
Пред кем святая Русь благоговеет,
Он отроком, безвестен и презрен,

Сын рыбаря, чудовищ земноводных
Ловитвой жил; в пучинах ледяных,
Душой алкая стран и дел иных,
Изнемогал в усилиях бесплодных! ..

Океан, пустынный остров. Любопытство юноши. Скорбь отца. Вновь отъезд.

Нелюбовь.

Соловцы Неведомый муж, богомолец. Весть о вечерних странах.

Возвращение домой. Побег. Тот же таинственный спутник.

‹СЕРЧАК И ИТЛЯР›

Серчак

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр,
На поиски счастливые дерзали,
С коней три дня, три ночи не слезали;
Им тяжко: градом пот и клубом пар,
А мы на них — то вихрями в пустыне,
То вплавь по быстринам сердитых рек...
Кручины, горя не было вовек,
И мощь руки не та была, что ныне.
Зачем стареют люди и живут,
Когда по жилам кровь едва струится!
Когда подъять бессильны ратный труд,
И темя их снегами убелится!
Смотри на степь, — что день, то шумный бой,
Дух ветреный, другого превозмогший,
И сам гоним... сшибутся меж собой,
И завивают пыль и злак иссохший:
Так человек рожден гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканом.
Кто на путях не рыщет алчным враном,
Кому уже конь прыткий не слуга,
В осенней мгле, с дрожаньем молодецким,
Он, притаясь, добычи не блюдет, —
Тот ляг в сыру землю: он не живет!
Не называйся сыном половецким!

Итляр

Мы дряхлы, друг, но ожили в сынах,
И отроки у нас для битвы зрелы.
Не празднен лук, — натянут в их руках;
Не даром мещут копья, сыплют стрелы.
Давно ль они несчетный лов в полон
Добыли нам, ценою лютых браней,
Блестящих сбруй, и разноцветных тканей,
И тучных стад, и белолицых жен.
О, плачься, Русь богатая! Бывало,
Ее полки и в наших рубежах
Корысть деля́т. Теперь не то настало!
Огни ночной порою в камышах
Не так разлитым заревом пугают,
Как пламя русских сел, — еще пылают
По берегам Трубѐжа и Десны...
Там бранные пожары засвечают
В честь нам, отцам, любезные сыны.

Серчак

В твоих сынах твой дух отцовский вне́дрен!
Гордись, Итляр! Тебя их мужественный вид,
Как в зимний день луч солнечный, живит.
Я от небес лишь дочерью ущедрен,
И тою счастлив... Верь, когда с утра
Зову ее и к гру́ди прижимаю, —
Всю тяжесть лет с согбенных плеч стрясаю.
Но ей отбыть из отчего шатра:
Наступит день, когда пришельцу руку
Должна подать на брачное житье;
Душой скорбя, я провожу ее,
И, может быть, на вечную разлуку...

Тогда приди всем людям общий рок!
Закройтесь, очи, — не в семье чад милых...
Наездник горький: ветх и одинок,
Я доживу остаток дней постылых!
Где лягут кости? В землю их вселят
Чужие руки, свежий дерн настелят,
Чужие меж собой броню, булат
И всё мое заветное разделят!..

‹1812 ГОД›

‹ПЛАН ДРАМЫ›

Отделение 1

Красная площадь

История начала войны, взятие Смоленска, народные черты, приезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской. М* с первого стиха до последнего на сцене. Очертание его характера.

Собор Архангельский

Трубный глас архангела; на его призыв возникают тени давно усопших исполинов — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь, как будто во всех делах после их смерти были участниками, но вместе с тем исчезла у них память о том, что̀ было с ними за пределами сей жизни, и где были, и откудова ныне вновь призваны к бытию. Пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии, повествуя сынам, возбудят в них огнь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем

представляет их отшествие из храма; своды расступаются, герои поднимаются выспрь и исчезают.

Терем царей в Кремле

Наполеон с сподвижниками. Картина взятия Москвы. Н[аполеон] один. Высокие воспоминания. Открывает окно, лунная ночь. Видение — или нет, как случится. Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный, — что́ бы он мог произвести?

Отделение 2

Галлерея в доме Познякова

Входит офицер R. из приближенных к Наполеону (см. сц[ена] 3-я, 1-го отд[еления]), исполненный жизни, славы и блестящих надежд. Один поседелый воин с горьким предчувствием опытности остерегает насчет будущих бедствий. Ему не верят. Хохот. Из театра несутся звуки пляски и отголоски веселых песен. Между тем зарево обнимает повременно окна галлереи; более и более устрашающий ветер. Об опустошениях огня.

Улицы, пылающие дома. Ночь. Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков. — R * и M * в разных случаях.

Село под Москвой

Сельская картина. Является M *. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства — выставлена или нет, как случится.)

Отделение 3

Зимние сцены преследования неприятеля и ужа ных смертей. Истязание R * и поседелого воин Сей юноша показывает пример, и оба умирают г роями. Подвиги М *. Множество других сцен.

Эпилог

Вильна

Отличия, искательства; вся поэзия великих п двигов исчезает. М* в пренебрежении у военачал ников. Отпускается восвояси с отеческими наста лениями к покорности и послушанию.

Село или развалины Москвы

Прежние мерзости. М * возвращается под пал господина, который хочет ему сбрить бороду. О чаяние, ... [1] самоубийство.

⟨СЦЕНА ИЗ ДРАМЫ⟩

Петр Ан[дреевич]

Дитя мое любезное, <Наташа>! [2]
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебе красы своей
На светлых праздниках. Не выезжатъ
С боярами, князьями. Было время:
Ласкают и манят тебя с собой
И мчат в богато убранной карете.
А ныне знать, вельможи — где они? ..

---

1 Многоточие — в первопечатном тексте. — *Ред.*
2 В первопечатном тексте — Надежда. — *Ред.*

Тот князь, твой восприемник от купели?
Его жена? Родня? Исчезли все!
Их пышные хоромы опустели.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились в ней. Палаты их
Блистали разноцветными огнями...
Теперь, когда у стен ее враги,
Бессчастные рассыпалися дети,
Напрасно ждет защитников; сыны,
Как ласточки, вспорхнули с теплых гнезд,
И предали их бурям в расхищенье.
Ты из житья роскошного обратно
В убогий дом отцовский отдана,
А мне куда с тобой? .. Куда укрыться?
И если б мог бежать отселе я,
Нет! нет! .. Не оторвался б от тебя,
О матерь наша, мать России всей,
Кормилица моя, моих детей!
В тебе я мирно пóжил, видел счастье,
В тебе и гроб найду. Мой друг, <Наташа>,[1]
Гроза над нами носится, — потерпим,
И с верою вдадимся той судьбе,
Которую господь нам уготовил.
Грустна, грустна! .. О ком же плачешь ты?
О прежних ли подругах и забавах?

Н а т а ш а

Ах, батюшка! Я плачу не о том!
Теперь не та пора...

(Рыдает.)

---

[1] В первопечатном тексте — Надежда. — *Ред.*

Петр Ан[дреевич]

И те ли времена? О брате, что ли?
Наш Алексей... Даруй ему господь
Со славой устоять на ратном поле.
Мне всё твердит: он будет жив.

Наташа

Нет, батюшка, я плачу не об нем.
(Рыдает пуще прежнего.)

Петр Ан[дреевич]

Когда же ты о родине печальна,
Рыдай, мое дитя, — и для тебя
Отрадного я слова не имею.
Бывало, на душе кручинно, — посох в руки,
С тобою сердцу легче, всё забыто...
Утешенный я приходил домой.
Бывало, посетишь и ты меня, отца,
Обнимешь, всё осмотришь... угол мой
На полгода весельем просветится...
А ныне вместе мы, и нам не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожил!..

(Растворяет окно.)

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ

1

К.

Но сам я разве рад твоей печали?
Вини себя и старость лет своих.
Давно с тебя и платы не бирали...

Т.

Ругаться старостью — то в лютых ваших нравах.
Стара я, да, — но не от лет одних!
Состарелась не в играх, не в забавах,
Твой дом блюла, тебя, детей твоих.
Как ринулся в мятеж ты против русской силы,
Укрыла я тебя живого от могилы,
Моим же рубищем от тысячи смертей.
Когда ж был многие годины в заточеньи,
Бесславью преданный в отеческом краю,
И ветер здесь свистал в хоромах опустелых,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Так знай же повесть ты волос сих поседелых,
Колен моих согбенных и морщин,
Которые в щеках моих изрыты

Трудами о тебе. Виною ты один.
Вот в подвигах каких младые дни убиты.
А ты? Ты, совести и богу вопреки,
    Полсердца вырвал из утробы!
    Что мне твой гнев? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнем несправедливой злобы...
    И кóчет, если взять его птенца,
Кричит, крылами бьет с свирепостью борца,
Он похитителя зовет на бой неравный;
А мне перед тобой не можно умолчать, —
О сыне я скорблю: я человек, я мать...
Где гром твой, власть твоя, о боже
                                вседержавный!

К.

Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою все ужасы природы:
    Скорее в том ущельи пропаду,
    Где бурный Ксан крути́т седые воды,
Терпеть разбойником гоненья, голод, страх,
    От стужи, непогод не быв укрытым,
Чем этой фурии присутствие сносить,
    И злость души, и яд ее упрёков.

Т.

    Ничем тебя не можно умилить!
Ни памятью добра, ни силой слезных токов!
Подумай, — сам отец, и сына ты лишен.
Когда, застреленный, к тебе он был внесен
И ты в последний раз прощался с трупом милым,

Без памяти приник к очам застылым
И оживить хотел потухший взор,
Весь воздух потрясал детей и жен вой дикий,
И вторили раскаты этих гор
С утра до вечера пронзительные крики, —
Ты сам хотел зарыться в землю с ним.
Но взятый смертию вовек невозвратим!
Когда же б искупить ты мог его из плена,
Какой тогда казны бы пожалел?
На чей бы гнев суровый не посмел?
Ты чьи тогда не обнял бы колена?

К.

И нет еще к тебе вражды! ..
Я помню о людя́х, о боге,
И сына твоего не дал бы без нужды,
Но честь моя была в залоге:
Его ценой я выкупил коня,
Который подо мной в боях меня прославил,
Из жарких битв он выносил меня...
Тот подл, кто бы его в чужих руках оставил.

Т.

Ни конь твой боевой всей крепостию жил,
Ни кто из слуг твоих любимых
Так верой-правдою тебе не послужил,
Как я в трудах неисчислимых.
Мой отрок, если б возмужал,
За славу твоего он княжеского дома
Сто раз бы притупил и саблю и кинжал.

*

Не убоялся бы он язв и пушек грома.
Как матерью его ты был не раз спасен,
Так на плечах своих тебя бы вынес он.

К.

Прочь от меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнев,
И не терзай мне жалобами слуха...
Безвременен кому твой вопль, и стон, и рев.
Уж сын твой — раб другого господина,
И нет его, он мой оставил дом,
Он продан мной, и я был волен в том, —
Он был мой крепостной...

Т.

(падает на колена)

Он сын мой! Дай мне сына!
И я твоя раба, — зачем же мать
От детища ты разлучил родного?
Дай раз еще к груди его прижать!..
Ах, ради бога имени святого,
Чтоб не видать кровавых слез моих,
Соедини ты снова нас двоих.

К.

Не повторяй мне горькие упреки!
В поля и в горы — вот пути широки,
Там мчится шумная река,
Садись над пропастью, беседуй с высока

О сыне с мраками ночными,
И степь буди стенаньями своими,
Но в дом не возвращайся мой...
Уймись, или исчезни с глаз долой.

Т.

Достойное заслугам воздаянье!
Так будь же проклят ты и весь твой род,
И дочь твоя, и всё твое стяжанье!
Как ловчие, — ни быстриною вод,
Ни крутизною скал не удержимы,
Но скачут по ветрам носимы,
Покуда зверь от их ударов не падет,
Истекший кровию и пеной, —
Пускай истерзана так будет жизнь твоя,
Пускай преследуют тебя ножом, изменой
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности в награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Как продал сына моего.
Отступник, сам себя карая,
В безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днем дрожи,
На церковь божию взирая.
Твой прах земле не предадут!
Лишь путники произнесут
Ругательства над трупом хладным,
И будь добычею чекалам плотоядным...
А там, — перед судом всевышнего творца, —
Ты обречен уже на муки без конца!

2

Т.

О, люди! Кто назвал людьми исчадий зла,
Которых от кровей утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе подобных!
Но силы свыше есть! Прочь совесть и боязнь! ..
Ночные чуда! Али! Али!
Явите мне свою приязнь,
Как вы всегда являли
Предавшим веру и закон,
Душой преступным и бессильным,
Светите мне огнем могильным,
Несите ветер, свист и стон,
Дружины Али! Знак условный —
Вот пять волос
От вас унес
Ваш хитрый, смелый враг, мой брат
единокровный,
Когда в<. . . . .>[1] он блуждал
На мшистых высотах уединенных скал.
Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А ныне кинутой быть горько сиротой!
Равны страдания в сей жизни или в той?
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколе в темну ночь исходят привиденья,
Из снежных гор,
Из диких нор,

[1] Несколько слов остались неразобранными при первой публикации. — *Ред.*

Из груды тли и разрушенья,
Из сонных тинистых зыбей,
Из тех пустыней многогробных,
Где служат пиршествам червей
Останки праведных и злобных.
Но нет их! Непокорны мне!
На мой привет не отзовутся!
Лишь тучи нá небе несутся
И воет ветр... Ах, вот оне!

(Прислоняется к утесу и не глядит на них.)

Áли

(плавают в тумане у подошвы гор)

В парáх вечерних, перед всходом
Печальной девственной луны,
Мы выступаем хороводом
Из недозримой глубины.

Т.

Робеет дух, язык прикован мой!
Земля, не расступайся подо мной...

Áли

Таятся в мрачной глубине
Непримиримых оскорбленья
И созревают в тишине
До дня решительного мщенья;
Но тот, чей замысел не скрыт,
Как темная гробов обитель,
Вражды вовек не утолит,
Нетерпеливый мститель.

P.

. . . .
. . . .[1]
Настанет день и час пробьет.

А л и

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обретет
И ближний ближнего лишится.

Молчание.

Куда мы, Али? В эту ночь
Бежит от глаз успокоенье.

О д н а и з н и х

Спешу родильнице помочь,
Чтоб задушить греха рожденье.

Д р у г и е

А мы в за-горские края,
Где пир пируют кровопийцы.

П о с л е д н я я

Там замок есть... Там сяду я
На смертный одр отцеубийцы.

---

[1] Две строки точек — в подлиннике. — *Ред.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОТ АПОЛЛОНА

На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе,
и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

<Ноябрь 1815>

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТР

Comptable de l'ennui, dont sa muse
m'assomme,
Pourquoi s'est-il nommé, s'il ne veut
qu'on le nomme?
Gilbert[1]

Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для деловых людей и праздных
Есть тьма у нас оказий разных:
Есть дикий человек, безрукая мадам!
Взойдите к нам!
Добро пожаловать, кто барин тароватый,
Извольте видеть — вот
Рогатый, нерогатый
И всякий скот:
Вот господин Загоскин,
Вот весь его причет:
Княгини и
Княжны,

[1] Беря в расчет скуку, которою его муза меня убивает, спрашивается, зачем он назвал себя, если не хочет быть названным? *Жильбер* (франц.). — *Ред.*

Князь Фольгин и
Князь Блёсткин;
Они хоть не смешны, да сам зато уж он
Куда смешон! —
С ним вместе быть, ей-богу! праздник.
Вот вам его *Проказник;*
Спроказил он неловко: раз упал
Да и не встал.
Но автор таковым примером
Не научен — грешит перед партером,
Проказит до сих пор.
Что видит и что слышит,
Он обо всем исправно вздор
И говорит и пишет.
Вот *Богатонов* вам: особенно он мил,
Богат чужим добром — всё кра́дет, что находит,
С *Транжирина* кафтан стащил,
Да в нем и ходит.
А светский тон
Не только он —
И вся его беседа
Переняли у *Буйного Соседа.*
Что ж вы? .. Неужто по домам?
Уж надоело вам?
И кстати ль?
Вот вам Загоскин — *Наблюдатель;*
Вот *Сын Отечества,* с ним вечный состязатель;
Один напишет вздор,
Другой на то разбор;
А разобрать труднее,
Кто из двоих глупее.
Что вы смеетесь, господа?

Писцу насмешка не беда.
Он знает многое смешное за собою,
Да уж давно махнул рукою.
Махнул пером — отдал сыграть,
А вы, пожалуй, рассуждайте!
Махнул пером — отдал в печать,
А вы читайте!

16 октября 1817

КАЛЬЯНЧИ

<Отрывок из поэмы>

Путешественник в Персии встречает прекрасного отрока, который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец Пери, или Джиннием взлелеян?
Когда заботам вверенный твоим
Приносишь ты сосуд водовмещальный
И сквозь него проводишь легкий дым, —
Воздушной пеною темнеет ток кристальный,
И ропотом манит к забвенью, как ручья
Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасминной длань твоя
    И сахарныя трости слаще,
Когда палимого Ширазского листа
Глотают чрез нее мглу алые уста,
    Густеет воздух, напоенный
Алоэ запахом и амброй драгоценной!

Когда ж чарующей наружностью своей
    Собрание ты осветишь людей —

Во всех любовь! .. Дервиш отбросил чотки,
Примрачный вид на радость обменил:
Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?
Не от твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лице,
И заиграла жизнь на бывшем мертвеце?
Властитель твой — он стал лишь самозванцем,
Он уловлен стыдливости румянцем,
И ку́дрей кольцами, по высоте рамен
Влекущихся, связавших душу в плен,
И гру́ди нежной белизною,
И жилок, шелком свитых, бирюзою,
Твоими взглядами, под свесом темных вежд,
Движеньем уст твоих невинным, миловидным,
Твоей, не скрытою покровами одежд,
Джейрана легкостью, и станом пальмовидным.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
Скажи: или от Пери ты рожден,
Иль благодатным Джиннием взлелеян?

«На Риона берегах,
В дальних я рожден пределах,
Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос — едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд ценинный! [1]

---

[1] В первопечатном тексте опечатка: «цененный». — *Ред.*

Чужой человек! скажи: ты отец?
Имел ли ты чадо от милой подруги?
Корысть ли дороже нам с сыном разлуки?
Отвержен ли враном невинный птенец?

Караван с шелками шел,
С ним ага мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;
Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.

Курись, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам горящим!
Пылай ты весельем окрест приседящим,
Покуда спалишь ты последний пенек!

Спал я. Вдруг взывают: «бой!»
В ста местах сверкает зелье;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось всё ущелье.
Притаился в глубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно — кинулись в ножи —
Безотвязно бьются!

Затихло смятенье — сече конец.
Вблизи огня брошен был труп, обезглавлен,
На взор его мертвый был взор мой уставлен,
И чья же глава та? .. О, горе! .. Отец! ..

Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
«Будь он проклят, кровный твой! —
В слух мне клятва загремела. —
Твой отец разбойник был...»
И в бодце, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!

Заря занялася. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бесславным,
Лежать остается — он вепрям дубравным,
Орлам плотоядным на снедь обречен!

Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета...»

<1820?>

ДАВИД

Не славен в братиях измлада,
Юнейший у отца я был,
Пастух родительского стада;
И се! внезапно богу сил
Орга́н мои создали руки,
Псалтырь устроили персты.
О! кто до горней высоты
Ко господу воскрилит звуки!
Услышал сам господь творец!
Шлет ангела: и светлозрачный
С высот летит на долы злачны;
Взял от родительских овец;
Елеем благости небесной
Меня помазал. — Что ж сии
Велики братии мои?
Кичливы крепостью телесной!
Но в них дух божий, бога сил,
Господень дух не препочил!
Иноплеменнику не с ними,
Далече страх я отженя,
Во сретенье исшел: меня
Он проклял идолми своими;

Но я мечом над ним взыграл,
Сразил его и обезглавил
И стыд отечества отъял,
Сынов Израеля прославил!

<1823?>

РОМАНС

Ах! точно ль никогда ей в персях безмятежных
Желанье тайное не волновало кровь?
Еще не сведала тоски, томлений нежных?
        Еще не знает про любовь?
Ах! точно ли никто, счастливец, не сыскался,
Ей друг? по сердцу ей? который бы сгорал
В объятиях ее? в них негой упивался,
        Роскошствовал и обмирал?..
Нет! Нет! Куда влекусь неробкими мечтами?
Тот друг, тот избранный: он где-нибудь, он есть.
Любви волшебство! рай! восторги! трепет! —
                                        Вами,
        Нет! — не моей душе процвесть.

<Декабрь 1823 — январь 1824>

* * *

Крылами порхая, стрелами звеня.
Любовь вопрошала кого-то:
Ах! есть ли что легче на свете меня?
Решите задачу Эрота.

Любовь и любовь, решу я как раз,
Сама себя легче бывает подчас.
Есть песня такая:
Легко себе друга сыскала Аглая
И легче того
Забыла его.

<Декабрь 1823 — январь 1824>

ЭПИГРАММА

И сочиняют — врут, и переводят — врут!
Зачем же врете вы, о дети? Детям прут!
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, — но вы ругаться удальцы!
Студенческая кровь, казенные бойцы!
Холопы «Вестника Европы»!

<*Первая половина 1824*>

* * *

Как расплодятся журнальные побранки!
Гласит предание, что Фауст ворожил
Над банкой, полною волшебных, чудных сил —
И вылез чорт из банки;
И будто Фаусту вложил
Он первый умысел развратный —
Создать станок книгопечатный.
С тех пор, о мокрые тряпичные листы,
Вы полем сделались журналам для их браней,
Их мыслей нищеты, их скудости познаний!
Уж наложил на вас школярные персты
Михайло Дмитриев с друзьями,
Переплетясь они хвостами,
То в прозе жилятся над вами,
То усыряют вас водяными стихами.

<1824?>

ОТРЫВОК ИЗ ГЁТЕ

Директор театра

По дружбе мне вы, господа,
При случае посильно, иногда
И деятельно помогали;
Сегодня, милые, нельзя ли
Воображению дать смелый вам полет?
Парите вверх и вниз спускайтесь произвольно,
Чтоб большинство людей осталось мной
довольно,
Которое живет и жить дает.
Дом зрелища устроен пребогатый,
И бревяной накат, и пол дощатый,
И всё по зву: один свисток —
Храм взыдет до небес, раскинется лесок.
Лишь то беда: ума нам где добиться?
Смотрите вы на брови знатоков,
Они, и всякий кто́ каков,
Чему-нибудь хотели б удивиться;
А я испуган, стал в тупик;
Не то, чтобы у нас к хорошему привыкли,
Да начитались столько книг!
Всю подноготную проникли!
Увы!

И слушают, и ловят всё так жадно!
Чтоб были вещи им новы,
И складно для ума, и для души отрадно.
Люблю толпящийся народ
Я при раздаче лож и кресел;
Кому терпенье — труден вход,
Тот получил себе — и весел,
Но вот ему возврата нет!
Стеной густеют непроломной,
Толпа растет, и рокот громный,
И голоса: билет! билет!
Как будто их рождает преисподня.
А это чудо кто творит? — Поэт!
Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожь, не мучь сует картиной.
Задерни, скрой от глаз народ,
Толпу, которая пестреющей пучиной
С собой противувольно нас влечет.
Туда веди, где под небес равниной
Поэту радость чистая цветет;
Где дружба и любовь его к покою
Обвеют, освежат божественной рукою.
Ах! часто, что отраду в душу льет,
Что робко нам уста пролепетали,
Мечты неспелые... и вот
Их крылья бурного мгновения умчали.
Едва искупленных трудами многих лет,
Их в полноте красы увидит свет.
Обманчив блеск: он не продлится;
Но истинный потомству сохранится.

Весельчак

Потомству? да; и слышно только то,
Что духом все парят к потомкам отдаленным;
Неужто, наконец, никто
Не порадеет современным?
Неужто холодом мертвит, как чародей,
Присутствие порядочных людей!
Кто бредит лаврами на сцене и в печати,
Кому ниспосланы кисть, лира иль резец
Изгибы обнажать сердец,
Тот поробеет ли? — Толпа ему и кстати;
Желает он побольше круг,
Чтоб действовать на многих вдруг.
Скорей Фантазию, глас скорби безотрадной,
Движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный
К себе зовите на чердак.
Дурачеству оставьте дверцу,
Не настежь, вполовину, так,
Чтоб всякому пришло по сердцу.

Директор

Побольше действия! — Что зрителей манит?
Им видеть хочется, — ну живо
Представить им дела на вид!
Как хочешь, жар души излей красноречиво;
Иной уловкою успех себе упрочь;
Побольше действия, сплетений и развитий!
Лишь силой можно силу превозмочь,
Число людей — числом событий.
Где приключений тьма — никто не перечтет,
На каждого по нескольку придется;
Народ доволен разойдется,

И всякий что-нибудь с собою понесет.
Слияние частей измучит вас смертельно;
Давайте нам подробности отдельно.
Что целое? какая прибыль вам?
И ваше целое вниманье в ком пробудит?
Его расхитят по долям,
И публика по мелочи осудит.

П о э т

Ах! это ли иметь художнику в виду!
Обречь себя в веках укорам и стыду! —
Не чувствует, как душу мне терзает.

Д и р е к т о р

Размыслите вы сами наперед:
Кто сильно потрясти людей желает,
Способнее оружье изберет;
Но время ваши призраки развеять,
О, гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется к нам иной, чтоб скуку порассеять,
И скука вместе с ним ввалилась —
дремлет он;
Другой явился отягчен
Парами пенистых бокалов;
Иной небрежный ловит стих, —
Сотрудник глупых он журналов.
На святочные игры их
Чистейшее желанье окриляет,
Невежество им зренье затемняет,
И на устах бездушия печать;
Красавицы под бременем уборов

Тишком желают расточать
Обман улыбки, негу взоров.
Что возмечтали вы на вашей высоте?
Смотрите им в лицо! — вот те
Окременевшие толпы́ живым утёсом;
Здесь озираются во мраке подлецы,
Чтоб слово подстеречь и погубить доносом;
Там мыслят дань обресть картежные ловцы;
Тот буйно ночь провесть в объятиях
бесчестных;
И для кого хотите вы, слепцы,
Вымучивать внушенье Муз прелестных!
Побольше пестроты, побольше новизны, —
Вот правило, и непреложно.
Легко мы всем изумлены,
Но угодить на нас не можно.
Что? гордости порыв утих?
Рассудок превозмог...

Поэт

Нет! нет! — негодованье.
Поди, ищи услужников других.
Тебе ль отдам святейшее стяжанье,
Свободу, в жертву прихотей твоих?
Чем ра́вны небожителям Поэты?
Что силой неудержною влечет
К их жребию сердца́ и всех обеты,
Стихии все во власть им предает?
Не сладкозвучие ль? — которое теснится
Из их груди, вливает ту любовь,
И к ним она отзывная стремится
И в них восторг рождает вновь и вновь.

Когда природой равнодушно
Крутится длинновьющаяся прядь,
Кому она так делится послушно?
Когда созданья все, слаба их мысль обнять,
Одни другим звучат противугласно,
Кто съединяет их в приятный слуху гром
Так величаво! так прекрасно!
И кто виновник их потом
Спокойного и пышного теченья?
Кто стройно размеряет их движенья,
И бури, вопли, крик страстей
Меняет вдруг на дивные аккорды?
Кем славны имена и памятники тверды?
Превыше всех земных и суетных честей,
Из бренных листвиев кто чудно соплетает
С веками более нетленно и свежей
То знаменье величия мужей,
Которым он их чёла украшает?
Пред чьей возлюбленной весна не увядает?
Цветы роскошные родит пред нею перст
Того, кто спутник ей отрад любви стезею;
По смерти им Олимп отверст,
И невечернею венчается зарею
Кто не коснел в бездействии немом,
Но в гимн единый слил красу небес с землею.
Ты постигаешь ли умом
Создавшего миры и лета?
Его престол — душа Поэта.

<1824>

ТЕЛЕШОВОЙ

В БАЛЕТЕ „РУСЛАН И ЛЮДМИЛА“, ГДЕ ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ОБОЛЬЩАТЬ ВИТЯЗЯ

О, кто она? — Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?
И вдруг — как ветр ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою, свыше окриленной. . .
Не так ли наш лелеет дух
Отрадное во сне виденье,
Когда задремлет взор и слух,
Но бодро в нас воображенье! —
Улыбка внятная без слов,
Небрежно спущенный покров,
Как будто влаги облиянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полон взор:
Созданье выспреннего мира

Скользит, как по зыбя́м эфира
Несется легкий метеор.

Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданью неисцельных ран?
Уже не тверды заклинаньем
Броня, и щит его, и шлем;
Не истомляй его желаньем,
Не сожигай его огнем
В лице, в груди горящей страсти,
И негой распаленных чувств!
Ах, этих игр, утех, искусств
Один ли не признает власти!
Изнеможенный он в борьбе,
До капли в душу влил отраву,
Себя, и честь, и долг, и славу, —
Всё в жертву он отдал тебе.

Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушает отзыв? для кого
Порыв восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южных стран,
Чье царство — роз и пальм обитель,
Которым Эльф обворожитель
В сопутники природой дан,
О нимфы, девы легкокрилы!
Здесь жаждут прелестей иных:
Рабы корыстных польз унылы,
И безрассветны души их.

Певцу красавиц что́ в награду?
Пожнет он скуку и досаду,
Роптаньем струн не пробудив
Любви в пустыне сей печальной,
Где сном покрыто лоно нив
И небо ризой погребальной.

<*Декабрь 1824*>

ХИЩНИКИ НА ЧЕГЕМЕ

Окопайтесь рвами, рвами!
Отразите смерть и плен —
Блеском ружей, твержей стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,
На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева,
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

Наши — камни, наши — кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты́?
Досягнешь ли? — Вон над тучей —
Двувершинный и могучий [1]
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!..
Той же тканию свиенной
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

Двиньтесь узкою тропою!
Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: — берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
В глубь летит, разбитый в прах;
Риньтесь с ним, откиньте страх!

Ждем. — Готовы к новой сече...
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече,

---

[1] Эльбрус.

*

И по ряду, дележом,
Делим взятое ножом.

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям,
И джигитам, узденям
Юных пленниц приумножим,
И кадиям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

Узникам удел обычный, —
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы — жребий им приличный;
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома — цепи! в чуже — плен!

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем *бузу*! Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!

Кам[енный] мост на Малке
Октябрь 1825

* * *

— По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
— За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!..

— Ему не свято ничего...
— Он враг царю!.. — Он друг сестрицын!..
— Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесят ли его?..

<1826>

ОСВОБОЖДЕННЫЙ

Луг шелко́вый, мирный лес!
Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес!
Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад
Все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши
Нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой
В воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я
Вольностью и негой чистой.
Но где друг? .. но я один! ..
Но давно ль, как привиденье,
Предстоял очам моим
Вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье.
Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами;
Горем скованы уста,
Руки тяжкими цепями.

<Июнь 1826>

А. О[ДОЕВСКОМУ]

Я дружбу пел... Когда струна́м касался,
Твой гений над главой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил
И призывал, и о тебе терзался! ..
О, мой творец! Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла? ..

<Между июлем — августом 1826
и июнем 1828>

ПРОСТИ, ОТЕЧЕСТВО!

Не наслажденье жизни цель,
Не утешенье наша жизнь.
О! не обманывайся, сердце.
О! призраки, не увлекайте!..
Нас цепь угрюмых должностей
Опутывает неразрывно.
Когда же в уголок проник
Свет счастья на единый миг,
Как неожиданно! как дивно! —

Мы молоды и верим в рай, —
И гонимся и вслед и вдаль
За слабо брежжущим виденьем.
Постой! и нет его! угасло! —
Обмануты, утомлены.
И что ж с тех пор? — Мы
мудры стали,
Ногой отмерили пять стоп,
Соорудили темный гроб,
И в нем живых себя заклали.

Премудрость! вот урок ее:
Чужих законов несть ярмо,
Свободу схоронить в могилу,
И веру в собственную силу,

В отвагу, дружбу, честь, любовь!!! —
Займемся былью стародавной,
Как люди весело шли в бой,
Когда пленяло их собой
Что так обманчиво и славно!

* * *

Там, где вьется Алазань,
Веет нега и прохлада,
Где в садах сбирают дань
Пу́рпурного винограда,
Све́тло светит луч дневной,
Рано ищут, любят друга...
Ты знаком ли с той страной,
Где земля не знает плуга,
Вечно-юная блестит
Пышно яркими цветами
И садителя дарит
Золотистыми плодами?..
Странник, знаешь ли любовь,
Не подругу снам покойным,
Страшную под небом знойным?
Как пылает ею кровь?
Ей живут и ею дышат,
Страждут и падут в боях
С ней в душе и на устах.
Так самумы с юга пышат,
Раскаляют степь...
Что́ судьба, разлука, смерть!..

ДОМОВОЙ

Детушки матушке жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожит нас дед-непосед,
Зла творит много и множество бед,
Ступней топочет, столами ворочит,
Душит, навалится, щиплет, щекочит.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание воспроизводит тексты Грибоедова в основном по книге: А. С. Грибоедов. Сочинения. Подготовка текста, предисловие и комментарии Вл. Орлова. М.—Л., Государственное издательство художественной литературы. 1959. В прямых скобках помещаются окончания слов, в подлиннике недописанных, в угловых — заглавия и даты, не принадлежащие Грибоедову. Даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком.

ГОРЕ ОТ УМА

Дошедшие до нас данные не позволяют точно установить, когда у Грибоедова впервые возник замысел «Горя от ума». Несомненно лишь, что определился он не позднее 1820 г. Значительная часть работы над комедией выполнена была Грибоедовым в 1821—1822 гг. в Тифлисе. В начале 1823 г. были уже готовы в первоначальной редакции два первых акта. Третий и четвертый акты первоначальной редакции написаны в первой половине 1823 г. в тульской деревне С. Н. Бегичева и поправлены в Москве. Эта редакция комедии сохранилась: писанная на

девять десятых рукою самого Грибоедова рукопись подарена была автором в 1824 г. С. Н. Бегичеву и хранится ныне в Историческом музее в Москве, почему и носит обычно название «Музейного автографа». В Петербурге в 1824 г. Грибоедов продолжал работу над комедией — внес в ее текст существенные изменения. Результаты этого этапа авторской работы над «Горем от ума» представлены в списке, содержащем поправки, внесенные рукой Грибоедова. Список этот Грибоедов подарил А. А. Жандру, и он получил название «Жандровской рукописи». Эта рукопись содержит, за исключением немногих и не очень значительных авторских исправлений, относящихся к более позднему времени, окончательный текст «Горя от ума». Уезжая в 1828 г. на Восток, Грибоедов оставил Ф. В. Булгарину новый список комедии, с последними поправками, внесенными в основной текст. Эту рукопись принято обозначать как «Булгаринский список».

В печать комедия не была пропущена цензурой. В 1825 г. в альманахе «Русская Талия» могли быть опубликованы лишь III акт и четыре сцены (7—10) из I акта, причем и здесь текст из-за цензурного вмешательства был серьезно искажен. Однако сразу же по окончании авторской работы над «Горем от ума» оно стало широко известно благодаря распространению его в бесчисленном количестве списков. В 1831 г., когда «Горе от ума», хотя и с цензурными изъятиями, но все же в составе всех четырех актов, уже по-

явилось в Петербурге на сцене, Главное управление цензуры не разрешило привести в отзыве «Санкт-Петербургского вестника» о спектакле даже цитату из текста комедии. Впервые отдельным изданием «Горе от ума» было напечатано в немецком переводе в 1831 г. в Ревеле. В первой половине 1830-х годов появились два анонимных издания комедии в оригинале, не имевших цензурного разрешения. Русской цензурой полное издание «Горя от ума» было разрешено лишь в 1833 г. Оно было осуществлено в Москве, текст был цензурой совершенно изуродован. А. И. Герцен писал, что Николай I позволил напечатать комедию, «чтобы лишить ее привлекательности запрещенного плода» и «противодействовать распространению рукописных экземпляров». За границей первые полные издания «Горя от ума» печатались со списков, начиная с 1858 г.; в России первое, уже действительно полное, допущенное цензурой издание вышло только в 1862 г.

Долго не пропускалась комедия Грибоедова и на сцену. Когда в 1825 г. постановка ее была подготовлена учащимися Театрального училища в Петербурге, немедленно последовало вмешательство петербургского генерал-губернатора, и спектакль не смог состояться. Есть версия, что в 1827 г. «Горе от ума» было показано в отрывках в Эривани любителями — молодыми офицерами русской армии — в присутствии Грибоедова. На профессиональной сцене отрывки из комедии исполнялись с конца 1829 г. Целиком, но с гру-

быми цензурными искажениями «Горе от ума» впервые было поставлено в петербургском Большом театре (1831). Власти долго проявляли заботу о том, чтобы театральное исполнение всемерно смягчало политическую остроту комедии. Когда, например, в 1862 г. московский Малый театр решил поставить «Горе от ума» в строгом соответствии с указаниями автора и отказаться от каких бы то ни было дивертисментных номеров и кривляний, московский военный губернатор в официальном письме предупредил театральную администрацию «об ответственности, лежащей на дирекции в случае каких-либо манифестаций», а петербургское театральное начальство прямо предписало сохранить в III акте развернутую картину танцев, ссылаясь на то, что она введена «с первого времени помянутого акта» и что «большинство публики с ними освоилось».

Действие I. Явление 1. *Переведу часы, хоть знаю: будет гонка, Заставлю их играть.* Часы с музыкальным механизмом в футляре (куранты) в начале XIX в. были обязательной принадлежностью богатого барского дома. Обычно музыкальная мелодия звучала после каждого боя часов, но часы можно было заставить «играть» в любое время, переведя для этого специальную стрелку на циферблате. Явление 4. *А всё Кузнецкий мост, и вечные французы...* и т. д. Кузнецкий мост — одна из улиц в центре Москвы, в грибоедовские времена пересекала

Кузнецкую слободу у моста через р. Неглинную. На этой улице с середины XVIII в. помещались иностранные магазины, преимущественно французские, где продавались модное платье, кондитерские изделия, книги. О книгах, которые можно было купить в лавках Кузнецкого моста, К. Н. Батюшков писал: «Книги дороги, хороших мало, древних писателей почти вовсе нет, но зато есть мадам Жанлис и мадам Севинье — два катехизиса молодых девушек — и целые груды французских романов — достойное чтение тупого невежества, бессмыслия и разврата». Имеются свидетельства современников о том, что модные французские лавки были нередко местами свиданий, устраивавшихся при содействии содержателей и содержательниц этих лавок. *Берем же побродяг, и в дом и по билетам...* Здесь Фамусов называет «побродягами» учителей, которые жили в семьях своих учеников или приходили в дворянские дома давать уроки. Приходящим учителям по окончании каждого урока давались «билеты» — квитанции, по которым впоследствии они получали вознаграждение. *И будь не я, коптел бы ты в Твери.* Тверь, расположенная между Москвой и Петербургом, была удобным местом для службы той части столичного дворянства, которой не удавалось получить выгодной должности ни в одной из столиц. Поэтому все хоть сколько-нибудь видные должности в Твери занимались столичными людьми. Коренным же жителям Твери оставалась лишь служба с минимальным жалованием и почти без всякой возможности

*

продвинуться. Выражение «коптеть в Твери» стало нарицательным. Явление 7. *Английского клоба Старинный, верный член до гроба?* Местом сборищ дворянской Москвы был в течение долгих лет Английский клуб. Клубы в России возникли в начале царствования Екатерины II. Они создавались иностранными торговыми и деловыми людьми, преимущественно англичанами. Московский Английский клуб — стариннейший, фешенебельный русский клуб. Помещался он сначала на Страстном бульваре в старинном здании, с 1831 г. находился в бывшем доме графа Разумовского — в том здании, где сейчас размещается Музей Революции. *А наше солнышко? наш клад?* и т. д. Речь, видимо, идет о генерале П. А. Позднякове — одном из «тузов» барской Москвы, страстном театрале, устроившем театр в собственном доме. В дом Позднякова съезжалась вся дворянская Москва. Комнаты в его доме по моде начала XIX в. были расписаны цветами и деревьями, что вместе с поставленными в комнатах растениями создавало впечатление сада. В одной из таких комнат поздняковского дома во время балов в укромном месте находился человек, свиставший соловьем. По этому поводу Грибоедов вспоминает «певца зимой погоды летней». По свидетельству одних, это был крепостной человек; по свидетельству других, искусством подражать соловью обладал кучер из Замоскворечья, и московское барство, любившее щегольнуть чем-нибудь удивительным, приглашало к себе на балы этого «соловья» за

деньги. *Ученый комитет.* В 1817 г. при Министерстве духовных дел и народного просвещения был создан Ученый комитет, обязанностью которого было контролировать систему преподавания, издание учебных пособий и ученые общества. В состав Ученого комитета входили реакционно настроенные люди, известные «гасители просвещения». *И дым Отечества нам сладок и приятен!* Этот стих в рукописях грибоедовской комедии подчеркнут, в первопечатном тексте 1825 г. набран курсивом. Видимо, так отмечено, что он является цитатой. Можно предположить несколько различных источников ее. На журнале «Русский вестник» его издатель С. Н. Глинка в студенческие годы Грибоедова ставил эпиграф: «Отечества и дым нам сладок и приятен». Еще раньше это выражение встречается в стихотворении Г. Р. Державина «Арфа» (1798): «Мила нам добра весть о нашей стороне; Отечества и дым нам сладок и приятен». Этот же стих в 1794 г. был напечатан по-латыни на заглавном листе журнала Ф. Туманского «Российский музеум», где в качестве источника цитаты указаны стихи Овидия из «Понтийских посланий», Овидий же в своих стихах ссылается на «Одиссею» Гомера (в «Одиссее» в первой песне герой мечтает, как было бы сладко увидеть с корабля хотя бы дым над кровлями домов его родины). *В России, под великим штрафом, Нам каждого признать велят Историком и геогра́фом!* В этой фразе, видимо, содержится намек на то, что ученые общества при Московском универси-

тете широко раздавали своим членам ученые титулы историков и географов. *Наш ментор, помните колпак его, халат*. Ментор — один из персонажей «Одиссеи» Гомера, друг Одиссея, воспитатель Телемаха. Широкую известность имя Ментора получило в XVII—XVIII вв. благодаря роману французского писателя Фенелона «Приключения Телемаха», переведенному в России В. К. Тредьяковским. В переносном смысле ментор — советчик, руководитель, наставник юношества. С XIX в. слово «ментор» большей частью употребляется в ироническом смысле. По всей вероятности, Грибоедов в «Горе от ума» называет ментором немца-педанта Петрозилиуса, у которого он учился до поступления в пансион Московского университета. *А Гильоме, француз, подбитый ветерком? Он не женат еще?* В начале XIX в. в московском светском обществе распространено было стремление выдавать дочерей замуж за титулованных иностранцев, особенно за французов. Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» отмечает: «И наши знатные или богатые невесты охотно выходили за сих мнимознатных людей».

•

Действие II. Явление 1. *Читай не так, как пономарь*. Пономарь — прислужник в церкви, обязанностью которого было читать молитвы по книгам во время богослужения в будние дни. Обычно пономарями бывали полуграмотные люди, и читали они плохо, перевирая слова. *Во вторник зван я на форели*. В Москве в ту пору форели считались особым деликатесом. На форели,

как на редкое блюдо, приглашались только избранные. *Каммергер, С ключом, и сыну ключ умел доставить.* Камергер — почетное придворное звание, которым награждались по царской воле родовитые дворяне, служившие в штатской службе. Знаком камергерского звания служил золотой ключ на голубой ленте, привешивавшийся к мундиру. *Что за тузы в Москве живут и умирают!* Имеются в виду отставные вельможи екатерининского времени, доживавшие свои дни в праздности и роскоши. Англичанка Вильмот, посетившая Москву в 1806 г., писала, что вынесла такое впечатление, будто «все время витала среди привидений времен Екатерины». У П. А. Вяземского об одном из таких тузов, Апраксине, говорится: «Чтобы дать понять о широком размере хлебосольства его, скажем, что вскоре после возрождения Москвы он, не помню по какому случаю, дал в один и тот же день обед в зале Благородного собрания на 150 человек, а вечером в доме своем бал и ужин на 500». Князь А. Н. Голицын поил своих кучеров шампанским, крупными ассигнациями зажигал трубки гостям, горстями бросал на улицу извозчикам золото. Явление 2. *Покойник дядя, Максим Петрович.* Предполагается, что прототипом Максима Петровича послужил богатый екатерининский вельможа Н. Н. Новосильцов, по способу принижаться при дворе не знавший себе равных. Он любил поражать москвичей пышностью своего выезда, описанного С. П. Жихаревым в «Записках современника». *Ах! боже мой! он карбо-*

нари!! Карбонариями назывались участники тайных политических обществ, возникших в Италии в 1817 г. Несколько позднее движение карбонариев распространилось во Франции, Швеции. Название свое карбонарии получили, видимо, потому, что в пору преследования они бежали в горы Калабрии и Абруццо, где был развит промысел угольщиков (carbonaro — по-итальянски угольщик). В России в 20—30-х годах XIX в. карбонариями называли вольнодумцев. Так, мать Грибоедова, узнав об его аресте по делу декабристов, стала, как свидетельствует С. Н. Бегичев, ругать сына «с обычной своей заносчивостью: карбонарий, и то и се и десятое». В 1821 г. при встрече с декабристом М. А. Фонвизиным в Москве Ермолов воскликнул: «Поди сюда, величайший карбонарий». За год до этой встречи Ермолов, как можно думать, уклонился от назначения возглавить русскую армию, которая должна была направиться на усмирение Пьемонтского восстания карбонариев. В среде русского дворянства грибоедовского времени ходили самые нелепые слухи о русских вольнодумцах, о их связях с движением карбонариев на Западе. В дневнике московского профессора И. М. Снегирева, например, записано: «27 мая 1823 года А. Ф. (Мерзляков. — *Я. Б.*) говорил о карбонариях, которым дается по кинжалу с тем, чтобы им поразить намеченную жертву, без чего он не может быть спокоен, и исполнить цели общества, невидимо действующего. На кинжалах начертана клятва и имя

жертвы. А. Ф. заметил, что в У. п. (университетском пансионе. — *Я. Б.)* оно распространилось и что там коновод дорого может заплатить за свои затеи». Явление 5. *Ему дан с бантом, мне на шею.* Речь идет об орденах. В царской России различные виды орденов носились по-разному. *Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют.* Столбовыми дворянами в России назывались дворяне старинных родов. Понятие «потомственные дворяне» возникло при Петре I, так как Петром было установлено право получать дворянство при выслуге определенного чина. В данном случае подчеркивается родовитость московских дворян, в противоположность дворянству петербургскому, которое в основной своей массе было менее родовито, но находилось при дворе, вершило судьбы страны. *Татьяна Юрьевна!* Современники Грибоедова прототипом Татьяны Юрьевны называли Прасковью Юрьевну Кологривову, урожденную Трубецкую. В ее особняке на Тверском бульваре устраивались особенно богатые балы *Его величество король был прусский здесь.* Имеется в виду посещение Москвы прусским королем Фридрихом-Вильгельмом летом 1818 г. *Пожар способствовал ей много к украшенью.* Речь идет о московском пожаре 1812 г., когда во время наполеоновского нашествия город был сожжен. Пожар, погубив многие памятники старины, освободил вместе с тем место для новых строений Москва стала быстро застраиваться. Немало было возведено общественных зданий: манеж, провиантские склады,

заново был построен университет, появилось здание Большого театра. *Времен Очаковских и покоренья Крыма.* Крепость Очаков была опорным пунктом турецких владений на Черном море. В 1783 г. Очаков был завоеван русскими войсками, в том же 1783 г. произошло покорение Крыма. Впоследствии Очаков снова был отдан туркам и лишь 6 декабря 1788 г. после длительной осады был окончательно взят русскими войсками. *И где не воскресят клиенты-иностранцы Прошедшего житья подлейшие черты.* Здесь имеются в виду эмигранты, бежавшие из Франции после революции 1789 г. и надеявшиеся найти в России незыблемыми те монархические порядки, которые у них на родине революцией были сметены. Находясь в России на положении слуг режима, они всячески поддерживали самодержавно-крепостнический строй и все его установления. *Нестор негодяев знатных.* Нестор — древнегреческий полководец, живший, по преданию, до глубокой старости. Слыл опытным, храбрым воином, упомянут в «Илиаде» Гомера. У Грибоедова этим именем иронически обозначен один из наиболее лютых крепостников. Предполагается, что здесь имелся в виду генерал Л. Д. Измайлов, величайший самодур и распутник. *Или вон тот еще, который для затей На крепостной балет согнал на многих фурах...* По всей вероятности, подразумевается А. Н. Голицын или помещик Ржевский. Оба они содержали домашние театры, где актерами были крепостные. Тот и другой расточили огромные состояния.

Помещик Ржевский впоследствии продал свою балетную труппу дирекции императорских театров. *Но должников не согласил к отсрочке.* В 20-х годах XIX в. слово «должник» имело двойное значение. Должником назывался и тот, кто одалживает, и тот, кто одолжается. *Когда из гвардии, иные от двора Сюда на время приезжали.* Осенью 1818 г. перед отъездом в Персию Грибоедов посетил Москву. Город в то время был полон впечатлениями года, в течение которого двор и гвардия находились в Москве. Явление 6. *К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам.* Российская гвардия учреждена в начале царствования Петра I. 22 января 1722 г. утверждена была табель о рангах, по которой офицеры гвардейских полков имели старшинство на два чина против армейских, а гвардионцы — на один чин.

Действие III. Явление I. *Хрипун, удавленник, фагот.* Слово «хрип», по свидетельству П. А. Вяземского, пущено было в обращение в грибоедовские времена командиром конногвардейского полка Раевским. Оно обозначало хвастовство, соединенное с высокомерием и выражаемое насильственной хриплостью голоса. «Хрипунами» называли заносчивых армейских офицеров, претендовавших на светскость. Сравнение с фаготом приводится, видимо, потому, что этот деревянный оркестровый инструмент обладает низким, хрипловатым тоном. Явление 3. *С тех пор, как числюсь по Архивам.* С того вре-

мени, как при Павле I привилегии, связанные с несением военной службы, были упразднены, дворяне родовитых фамилий стали охотнее поступать на штатские должности. Желающих служить в учреждениях оказалось так много, что Павел запретил принимать туда дворян, сделав исключение лишь для ведомства иностранных дел и московских архивов. Служба в архивах стала поэтому считаться почетной, состоять в «архивных юношах» для молодого человека начала XIX в. значило принадлежать к золотой молодежи, быть принятым в лучших домах. Явление 6. *Ты обер или штаб?* Обер — старший, высший, начальствующий. Применялось при обозначении чина. Штаб — определяло принадлежность по службе к управлению, главному штабу. Обер-офицер — офицерский чин между унтер-офицером и штаб-офицером. Штаб-офицер — офицерский чин между обер-офицером и генералом. Явление 7. *Танцовщики ужасно стали редки!* Жалоба княгини Тугоуховской объясняется особым поведением передовой части молодежи конца 1810-х — начала 1820-х годов, которая пренебрежительно относилась к светским развлечениям — балам, танцам, к любезничанию с дамами, что существенно отличало ее и от поколения 1810-х годов, и от поколения последекабрьского. В пушкинском «Романе в письмах» (1829) один из персонажей говорит другому: «...ты отстал от своего века — и целым десятилетием. Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил

и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг, — нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, теперь это все переменилось. Французский кадриль заменил Адама Смита...». Для Грибоедова увлечение танцами было одной из характерных черт в поведении людей фамусовского круга. Знаменательно, что когда в конце III действия Чацкий после гневного монолога «оглядывается» (по ремарке Грибоедова), то оказывается, что «все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись по карточным столам». Явление 19. *Фармазон* — искажение слова «франкмасон» (франц. franc-maçon — вольный каменщик); так назывались члены религиозно-этических обществ, возникших в начале XVIII в. в Англии, затем распространившихся и в других странах. В масонские общества входили и многие члены тайных политических союзов. В 1822 г. масонские общества в России были запрещены. В некоторых кругах слова «масон», «франкмасон» воспринимались как синоним слов «вольнодумец», «заговорщик». *Волтерьянец* — последователь учения французского философа Вольтера. В XVIII—XIX вв. употреблялось в определенных кругах как бранное обозначение вольнодумца, носителя передовых идей. Явление 21. *Ланкартачных взаимных обучений.* Система взаимного обучения возникла в Индии, оттуда в конце XVIII в. была перенесена в Англию. Особенно широкое распространение эта система получила в начале

XIX в. Основателем школ взаимного обучения в Англии был лондонский учитель Ланкастер (1771—1838). Система взаимного обучения состояла в том, что старшие и более успевающие ученики помогали учителю и под его руководством проводили занятия. В России в 20-х годах XIX в. ланкастерская система пользовалась особой популярностью. В Петербурге было учреждено общество училищ взаимного обучения. В 1821—1822 гг. были открыты два таких училища, печатались книги и статьи о ланкастерском методе. Школы взаимного обучения возникли в армии, где их создателями были передовые военачальники того времени Н. Н. Раевский и М. Ф. Орлов. Идея ланкастерских школ увлекала многих декабристов. Политический процесс «первого декабриста» В. Ф. Раевского связан с его деятельностью в ланкастерских школах. Декабрист В. К. Кюхельбекер состоял секретарем общества взаимных обучений. Следственному комитету Кюхельбекер объяснял свое участие в создании ланкастерских школ «совершенным невежеством, в котором коснеют у нас простолюдины, особенно же землепашцы». В барской Москве в возникновении ланкастерских школ усматривали угрозу старому укладу. *В Петербурге институт Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут: Там упражняются в расколах и в безверьи Профессоры!!* В консервативных кругах репутацией опасных и неблагонадежных учебных заведений пользовались Благородный пансион при Московском университете, Царскосельский лицей и

Педагогический институт в Петербурге. В этом институте в 1818 г. С. С. Уваров (впоследствии министр просвещения и известный реакционер) произнес речь, в которой говорилось: «По примеру Европы мы начинаем помышлять о свободных понятиях. Политическая свобода есть последний и прекрасный дар бога». На эту речь весьма сочувственно откликнулся профессор Педагогического института А. П. Куницын статьей в «Сыне Отечества». В 1821 г. четырем профессорам того же института — Галичу, Раупаху, Арсеньеву и Герману — было предъявлено обвинение в безверии и в открытом отвержении истин священного писания. Всем четырем было запрещено заниматься педагогической деятельностью.
Он химик, он ботаник, Князь Федор, мой племянник. Прототипом упоминаемого князя Федора, возможно, послужил А. А. Яковлев, незаконный сын обер-прокурора синода, усыновленный им. Герцен в «Былом и думах» сообщает об этом человеке: «Говорили, что он был нелюдим, ни с кем не знался, вечно сидел один, занимаясь химией, проводил жизнь за микроскопом, читал даже за обедом и ненавидел женское общество». Из «Воспоминаний» Т. П. Пассек можно узнать, что А. А. Яковлев, «известный под названием «Химика», после смерти отца... уменьшил наполовину тяжелый оброк, положенный отцом на крестьян... простил недоимки и даром отдал рекрутские квитанции».

Действие IV. Явление 4. *В опеку взят указом!* Опека государства над помещиками устанавливалась в тех случаях, когда жестокое обращение их со своими крепостными или расточительство становились предметом широкой гласности. Брали помещиков в опеку крайне редко. Даже в наказе Екатерины II, данном комиссии, составлявшей проект нового Уложения законов, говорилось: «Петр первый узаконил в 1722 году, чтобы безумные и потданных своих мучащие были под смотрением опекунов. По первой статье сего указа чинится исполнение; а последняя для чего без действия осталась, не известно». *О камерах, присяжных...* Речь идет о палатах депутатов в государствах с парламентским строем и о судопроизводстве с участием присяжных заседателей (в России суд присяжных был введен лишь в 1864 г.). *А! нон лашьяр ми, но, но, но»* («A! non lasciar mi, no, no, no!») — популярная песенка из оперы итальянского композитора XVIII в. Б. Галуппи «Покинутая Дидона». *Ночной разбойник, дуэлист.* Здесь упомянут Ф. И. Толстой, прозванный «Американцем», широко известный в 20 — 30-х годах XIX в. Он служил в Преображенском полку, потом принял участие в кругосветном путешествии Крузенштерна, за ссору на корабле был высажен на Алеутские острова. По свидетельству Булгарина, «страсть его была дуэли; но он был опасный соперник, потому что стрелял превосходно из пистолета и рубился мастерски на саблях». Тол-

стой-Американец был искусный игрок в карты, причем играл нечестно. Женат он был на цыганке из табора, обладавшей хорошим голосом. В доме Толстого, который находился на Сивцевом Вражке, устраивались буйные оргии, целыми ночами шла игра в карты. Портретное сходство Толстого с лицом, о котором говорит Репетилов, настолько велико, что вся Москва безошибочно узнавала Ф. И. Толстого. Узнал себя по портрету и сам Ф. И. Толстой. На одном из списков комедии он сделал своей рукой поправки: «В Камчатку черт носил (ибо сослан никогда не был)» и «В картишках на руку нечист (для верности портрета сия поправка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола; по крайней мере я думал отгадать о намерении автора)». Явление 14. *В работу вас, на поселенье вас.* После подавления Пугачевского восстания Екатерина II указом 1779 г. дала помещикам право ссылать крепостных на поселение или каторжные работы в Сибирь и отдавать их в солдаты. Неограниченные права помещиков закреплены были в 1785 г. так называемой Жалованной грамотой дворянству. В последующие годы это право у помещиков было отнято. Александр I в начале своего царствования двумя манифестами, подписанными 2 апреля 1801 г., восстановил его.

РАННИЕ КОМЕДИИ

Молодые супруги. Пьеса представляет собою переделку комедии французского драматурга Крезе де Лессера (1771—1839) «Семейная тайна» (напечатана и впервые поставлена в Париже в 1809 г.). Три акта французской пьесы Грибоедов заменил в своей одним, вместо женской роли кузины д'Эркур ввел мужскую роль Сафира, перестроил сюжет. К принадлежащим Грибоедову вставкам в текст относится рассуждение Ариста о способах привлекать женихов, используя для этого таланты и умение людей, находящихся в зависимости от хозяев общества, а также романс, исполняемый Эльмирой. По свидетельству С. Н. Бегичева, Ф. В. Булгарина, Р. М. Зотова, работа над комедией велась в 1814 г., когда Грибоедов находился еще на военной службе. Вышла она отдельным изданием в 1815 г. и в том же году поставлена в Петербурге, а в 1816 г. и в Москве. *Мой муж ведомостьми был занят.* «Ведомости» — название газеты. *Эмблемой приняты Не розовы, мой друг, а маковы цветы.* Роза — эмблема любви, радости, веселья; мак — эмблема сна, скуки.

Отрывок из комедии <«Своя семья, или Замужняя невеста»>. Основным автором комедии был драматург А. А. Шаховский (1777—1846). Торопясь закончить пьесу к бенефису известной комической актрисы М. И. Валберховой, он просил Гри-

боедова и драматурга Н. И. Хмельницкого (1789—1845) помочь ему. Грибоедовым были написаны для пьесы пять публикуемых в настоящем издании сцен.

По письмам Грибоедова, время написания им сцен для комедии определяется как конец августа или начало сентября 1817 г. До выхода комедии в самом начале 1818 г. отдельным изданием Грибоедов опубликовал свои сцены в журнале «Сын отечества» (1817, ч. 42, № 48). В отдельном издании пьесы в них были внесены некоторые изменения. Так как неизвестно, принадлежит ли эта переработка самому Грибоедову, обычно воспроизводится журнальный текст. На сцене «Своя семья...» была впервые представлена в Петербурге в январе 1818 г.

Притворная неверность. Свободный перевод комедии под тем же названием французского драматурга Барта́ (1737—1785), впервые показанной в Париже в 1768 г. До Грибоедова пьеса переводилась на русский язык в 1772 г. прозой. В грибоедовском тексте XII и XIII явления переведены с французского А. А. Жандром (1789—1873). По сравнению с оригиналом в переводе Грибоедова изменен во II явлении монолог Блёстова об его успехе у женщин, в остальном отличия от оригинала незначительны. Письма Грибоедова позволяют датировать время его работы над «Притворной неверностью» периодом между октябрем 1817 г. и январем 1818 г. В начале 1818 г. пьеса вышла отдельной книжкой и

*—78

в том же году начала исполняться — сначала в Петербурге, а затем и в Москве. *Из «Жоконда».* «Жоконд, или Искатель приключений» — модная французская комическая опера Н. И. Зуара; песенка, которую поет Блёстов, была переведена из этой оперы П. А. Корсаковым в 1815 г.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

Юность вещего. Отрывок двухактного драматического произведения о М. В. Ломоносове. Друг писателя С. Н. Бегичев в «Записке об А. С. Грибоедове» так излагает этот грибоедовский замысел и причины, по которым он не осуществился: «Для открытия нового театра в Москве, осенью 1823 года, располагал он (Грибоедов. — *Я. Б.*) написать в стихах пролог в двух актах, под названием «Юность вещего». При поднятии занавеса юноша-рыбак Ломоносов спит на берегу Ледовитого моря и видит обаятельный сон, сначала разные волшебные явления, потом муз, которые призывают его, и, наконец, весь Олимп во всем его величии. Он просыпается в каком-то очаровании; сон этот не выходит из его памяти, преследует его и в море, и на необитаемом острове, куда с прочими рыбаками отправился он за рыбным промыслом. Душа его получила жажду познания чего-то высшего, им неведомого, и он убегает из отеческого дома. При открытии занавеса во втором акте Ломоносов в Москве, стоит на Красной площади. Далее я не

помню... Пролог он написать не успел, а театр открылся». До нас из произведения дошел лишь публикуемый отрывок, который, насколько можно судить, намечает несколько иное, чем в изложении С. Н. Бегичева, движение сюжета. Московский Большой театр открылся во вновь отстроенном здании 6 января 1825 г. Таким образом, либо Грибоедов работал над пьесой для открытия театра заблаговременно, либо Бегичев ошибся и речь должна идти об осени не 1823, а 1824 г. *Бард* — слагатель песен у древних кельтов. В русской литературе часто употреблялось как синоним слова «поэт». «Барды сих времен» — поэты—современники Грибоедова. *Ловитвой жил.* Ловитва — лов, ловля. Речь здесь идет о том, что в юности Ломоносов был рыбаком.

<Серчак и Итляр>. Отрывок драмы в стихах из времени русско-половецких войн, у Грибоедова не озаглавленный и во многих изданиях печатавшийся под названием «Диалог половецких мужей». В неопубликованных воспоминаниях писателя А. Н. Муравьева упоминается о том, что при встречах их автора с Грибоедовым в августе 1825 г. последний читал отрывки трагедии, из которых Муравьев сохранил в памяти «одну лишь сцену между половцами, позабыв ее название». Это позволяет относить отрывок ко времени не позднее августа 1825 г. Половецкий хан Итларь называется в русской летописи в рассказе о событиях XI в.

<1812 год>. План и дошедшая до нас сцена драмы об Отечественной войне 1812 года были написаны Грибоедовым в период не ранее 1822 г., не позже июня 1828 г. Исследователи считают наиболее вероятной датой 1825—1826 гг. Стоящие в тексте пятнадцать точек появились в первой публикации и, видимо, отмечают цензурное изъятие. *Галлерея в доме Познякова.* Генерал П. А. Поздняков — московский старожил, страстный театрал, содержавший домашний театр (см. примечание к «Горю от ума», действие I, явл. 7). Когда Москва была занята войсками Наполеона, в театре Позднякова играла французская труппа.

Грузинская ночь. В «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» Ф. В. Булгарина говорится о трагедии, над которой Грибоедов работал, находясь в Грузии между сентябрем 1826 г. и маем 1827 г., и которую читал знакомым в Петербурге в марте 1828 г.: «Во время военных и дипломатических занятий Грибоедов, в часы досуга, уносился душою в мир фантазии. В последнее пребывание свое в Грузии он сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он «Грузинская ночь»; почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах Грузии. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и

потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает в бесчеловечном поступке; припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю, — забывает обещание. Но мать помнит, что у нее оторвано от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели (Али), злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели (Али) вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести, ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели (Али) несут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружья, чтобы поразить князя, — и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнут в отчаянии. Трагедия, основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке, если б была так окончена, как начата, составила бы украшение не

только одной русской, но всей европейской литературы... Трагедия сия погибла вместе с автором! ..»

Из слов того же Ф. В. Булгарина, сказанных Н. М. Языкову в апреле 1828 г., следует, что для трагедии были уже, видимо, написаны не только «план» и «несколько сцен». «Грибоедов, — говорил Булгарин Языкову, — сочинил трагедию, какой не бывало под солнцем, — Грузинская ночь». С. Н. Бегичев в своей «Записке об А. С. Грибоедове» упоминает о «Грузинской ночи» как о завершенном произведении: «На пути к месту своего назначения (в Персию в июне 1828 г. — *Я. Б.*) Грибоедов пробыл у меня три дня. В разговорах наших, между прочим, спросил я его, не написал ли он еще комедии и нет ли еще нового плана. «Я уже говорил тебе при последнем свидании, — отвечал он, — что комедии больше не напишу, веселость моя исчезла, а без веселости нет хорошей комедии. Но есть у меня написанная трагедия». И тут же рассказал он содержание и прочел наизусть читанные им сцены в Петербурге... Но на убеждения мои прочесть мне всю трагедию он никак не согласился. „Я теперь еще к ней страстен, — говорил он, — и дал себе слово не читать ее пять лет, а тогда, сделавшись равнодушнее, прочту как чужое сочинение, и если буду доволен, то отдам в печать"».

СТИХОТВОРЕНИЯ

От Аполлона. Осенью 1815 г. после постановки на сцене петербургского Малого театра сатирической стихотворной комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» возникла шумная литературная полемика между «карамзинистами» и сторонниками шишковской «Беседы». «Карамзинисты» выступили против Шаховского, создавшего в образе одного из действующих лиц, Фиалкина, злую пародию на В. А. Жуковского — самого крупного в ту пору представителя карамзинской школы. Стихотворение является откликом на эту полемику.

Лубочный театр. В письме П. А. Катенину от 19 октября 1817 г. Грибоедов говорит о том, что его рассердили замечания драматурга М. Н. Загоскина (1789—1852) о некоторых стихах в комедии «Молодые супруги», высказанные последним в связи с возобновлением комедии на сцене, и он ответил Загоскину памфлетом, написанным за четыре дня до даты письма. *Князь Фольгин и князь Блёсткин* — персонажи из пьес М. Н. Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (1815) и «Господин Богатонов, или Провинциал в столице» (1817). *«Проказник»* — комедия М. Н. Загоскина, прошедшая на сцене всего два раза. В *«Богатонове, или Провинциале в столице»* один из персонажей схож с *Транжириным* из комедии А. А. Шаховского «Полубарские затеи, или Домашний театр»

(1808). *Буйный Сосед* — герой шуточной поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811) Буянов. Называя Загоскина *Наблюдателем*, Грибоедов имел в виду, что он участвовал в издании журнала «Северный наблюдатель», на страницах которого и появились его замечания в адрес грибоедовской комедии.

Кальянчи. Отрывок из поэмы «Путник» (или «Странник»), которая до нас не дошла и о которой В. К. Кюхельбекер в примечании к своим стихам «Памяти Грибоедова» говорил, что «в ней превосходно изображена Персия». В основу сюжета известного нам отрывка положен имевший место случай, свидетелем которого Грибоедов был в 1820 г. Случай этот описан тогдашним начальником Грибоедова по службе, главой русской дипломатической миссии в Персии С. И. Мазаровичем, в сообщении начальнику штаба Кавказского корпуса генералу А. А. Вельяминову: «Двое бродяг вывели в здешний (в Тавризе. — *Я. Б.*) базар мальчика-грузина Татия, похищенного ими. Я представил здешнему правительству о беззаконности. Служащий при миссии по моему приказанию силою извлек из шахзадинского дворца (куда мальчик был продан. — *Я. Б.*) маленького несчастливца, которого я ныне с караваном отправляю в Карабах».

Давид. Переложение 151-го псалма. Грибоедов высоко ценил художественные достоинства библейской поэзии.

Романс и «Крылами порхая, стрелами звеня...» Предназначались для водевиля «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», написанного Грибоедовым вместе с П. А. Вяземским (1792—1878) прозой в конце 1823 г. В текст водевиля, однако, не вошли.

Эпиграмма. Направлена против критиков и драматургов А. И. Писарева (1803—1828) и М. А. Дмитриева (1796—1866) — литературных противников Грибоедова, выступивших несколько позднее с резкой и безосновательной критикой «Горя от ума». В пору, когда написана эпиграмма, они учились в Московском университете и печатались в журнале «Вестник Европы», отстаивавшем реакционные позиции в литературе.

«Как распложаются журнальные побранки!..» Эпиграмма связана с той же литературной полемикой, что и предшествующая. В стихотворении, как и во многих преданиях о Фаусте и в ряде литературных произведений, отождествлены доктор Фауст — прототип известной легенды, чернокнижник — и Иоганн Фауст (или Фуст) — первопечатник, соперник Гуттенберга.

Отрывок из Гёте. Свободный и неполный перевод «Пролога в театре» из первой части стихотворной трагедии Гёте «Фауст». В своем переводе Грибоедов сокращениями и вставками

усилил, по сравнению с оригиналом, сатирически-обличительные мотивы «Пролога».

Телешовой. Стихотворение посвящено известной балерине Е. А. Телешовой (1804—1850), которую любил Грибоедов. В балете «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника» на сюжет пушкинской поэмы Телешова исполняла роль Зломиры.

Хищники на Чегеме. Созданию стихотворения предшествовало событие, о котором Е. Г. Вейденбаум сообщает: «На рассвете 29 сентября 1825 г., при сильном тумане и дожде, партия кабардинцев и закубанских черкесов, в числе до двух тысяч всадников, прорвавшись сквозь казачьи посты, напала на станицу Солдатскую и разгромила ее. Хищники убили 10 человек, захватили в плен 116 мужчин, женщин и детей, согнали весь рогатый скот и станичный табун и, уходя, подожгли станицу в нескольких местах. Пока тревога распространилась по ближайшим станицам, хищники успели скрыться со своею добычею в ущельи р. Чегема». Начальником штаба Кавказского корпуса генералом А. А. Вельяминовым была послана для предотвращения новых набегов военная экспедиция, к которой примкнул Грибоедов. Находясь с экспедицией на р. Малке, в укреплении Каменный мост, он написал вчерне «Хищников на Чегеме», первоначальная редакция которых носила название «Дележ добычи».

«— По духу времени и вкусу...» Стихотворение это, по преданию, создано Грибоедовым экспромтом, когда он, будучи арестован по делу декабристов, сидел на гауптвахте Главного штаба в Петербурге, или же сразу по освобождении из-под ареста. Помета на одном из списков: «Как Грибоедов определял мнение о себе московских дам» объясняет смысл стихотворения. *Притянуть к Иисусу* — привлечь к суду, учинить расправу. *Князь Голицын*, Д. В. (1771—1844) — московский генерал-губернатор, к которому могли быть обращены вопросы «московских дам» об арестованном Грибоедове.

Освобожденный. Передает настроения Грибоедова в то время, когда он, освобожденный из-под ареста по делу декабристов, жил на даче под Петербургом. *Но где друг?..* Скорее всего здесь имеется в виду осужденный по делу декабристов поэт князь А. И. Одоевский (1802—1839). *Вестник зла* — гонец из Петербурга, привезший на Кавказ, где служил Грибоедов, приказ об его аресте и отправке в Петербург.

А. О[доевскому]. А. И. Одоевский был осужден по делу декабристов в каторгу еще совсем молодым. Грибоедов неоднократно ходатайствовал об облегчении его участи, но безрезультатно.

Прости, Отечество! По-видимому, не отделанное окончательно вступление к задуман-

78

ному и неизвестному нам произведению на историческую тему.

«Там, где вьется Алазань...» Грибоедов часто бывал в имении своего будущего зятя, князя Чавчавадзе, расположенном на берегу реки Алазань в Грузии. Стихотворение представляет собой, по-видимому, черновой набросок.

Домовой. Это стихотворение, как и два предыдущих наброска, точной датировке не поддается. Можно лишь сказать, что они были написаны между августом 1818 г. и июнем 1828 г.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН, ИНОЯЗЫЧНЫХ, УСТАРЕВШИХ И РЕДКО ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Ага (тюрк.) — буквально: старший брат; в Турции и Персии: господин, хозяин.

Адрес-календарь — справочная книга, в которой содержался список наиболее именитых жителей города, государственных чинов, правительственных учреждений.

Али — злой дух женского рода. Сила Али заключена в ее длинной, во весь рост косе. Али, по преданиям, часто является в виде повивальной бабки согрешившим женщинам, умерщвляет ребенка, а родильницу уводит и бросает в реку. Али довольно часто встречаются в грузинских преданиях и сказках.

А-мольный — старинное обозначение музыкальной тональности ля-минор.

Амур, эрос, эрот (греч.) — бог любви, один из древнейших богов в греческой мифологии. Изображается юношей или мальчиком с золотыми крылышками, луком, стрелами. Слово «амур» в грибоедовские времена в просторе-

чии имело два значения: первое — любовь, страсть и второе — предмет любви, милый, красавец, душка.

Аполлон — один из богов Олимпа. Служить Аполлону значило заниматься поэзией.

Банк — азартная карточная игра.

Барежевый — из легкой шерстяной ткани.

Бархатец — цветы, сделанные из бархата.

Бесчастные — обездоленные.

Бодец — шпора, колющее оружие.

Бостон — карточная игра.

Буза — легкий хмельной напиток из проса, гречи, ячменя.

Вандалы — древнегерманское племя, разграбившее Рим в 450 г. С этого времени вандалами стали называть грубых, непросвещенных людей.

Вежды — веки.

Вельможа в случае — случайно выдвинувшийся человек, фаворит, любимец.

Венера — богиня любви, в поясе Венеры скрыта, по греческим мифам, тайна ее обаяния.

Вист — род карточной игры, обычно вчетвером.

Горняя — небесная.

Grand-maman (франц.) — бабушка.

Дервиш (персид.) — мусульманский нищенствующий монах.

Джейран — газель, водящаяся в Закавказье,

Джинний (Джин) — дух в восточной мифологии.
Дымка — тонкая шелковая кисея, из которой делались вуали на шляпы и шились бальные платья.

Желтый дом — устаревшее просторечное название больниц для душевнобольных, возникшее в свое время потому, что в начале XIX в. дома, строившиеся для психиатрических больниц, окрашивались в желтый цвет.
Жоке (жокей) — профессиональный наездник или слуга, сопровождавший господ во время верховой прогулки.

Закрутить хохол — пустить сплетню.
Зелье (в отрывке из поэмы «Кальянчи») — старинное название пороха.

Ирритация (франц.) — раздражение, возбуждение, замешательство.

Кадий — духовный судья у мусульман.
Кальянчи — мальчик, подающий кальян, восточный курительный прибор, в котором табачный дым пропускается через воду и охлаждается.
Камер-юнкер — почетное придворное звание, по степени ниже камергера.
Картвела — Грузия.
Ковы — злостные, коварные планы, умыслы, действия.
Cousin (франц.) — кузен, то есть двоюродный брат.
Красные — красивые, прекрасные.

Куртаг — приемный торжественный день при дворе с выходом императрицы.

Лира — у древних греков струнный щипковый инструмент; в переносном смысле — символ поэтического творчества.

Макао — род азартной карточной игры.

Минерва — дева-богиня мудрости, покровительница ремесленников, людей искусства.

Музы (греч.) — сначала богини пения, позднее богини поэзии, искусства, наук.

Нимфы — многочисленные божества, олицетворявшие силы и явления природы. Нимфы ведут беспечную и веселую жизнь, поют песни, водят хороводы.

Образная — комната, предназначенная для моления; в ней находятся иконы, лампада, свечи, Евангелие. В старину образной называлась также иконописная мастерская.

Оказия — случай, происшествие.

Олимп — священная гора у древних греков, считавшаяся местом обитания богов.

Отженя — отстранив, отогнав

Панцирные князья — то же, что шляхта или однодворцы на Западе.

Парнас — в мифологии: место обитания Аполлона и муз. В переносном смысле — общество поэтов. Парнасские цветы — стихи; парнасские сестры — музы.

Пери — в иранской мифологии: падший ангел, временно изгнанный из рая и охраняющий людей от демонов. Представляется в образе женщины чарующей красоты.

Перси — грудь.

Пикет — старинная карточная игра вдвоем.

Праздники приходские — праздники, празднуемые по уставу почитаемой церкви.

Примрачный — сумрачный, мрачный.

Псалтырь (в стихотворении «Давид») — музыкальный инструмент типа арфы у древних иудеев, в сопровождении которого совершались моления.

Рамена — плечи.

Реверси — карточная игра, в которой выигрывает тот, кто берет наименьшее количество взяток.

Святцы — книга, в которой в календарном порядке перечислены церковные праздники. Иногда в святцах печатались краткие выдержки из священного писания, объяснявшие смысл того или иного праздника.

Секунд-майор — офицерский чин, существовавший в русской армии в XVIII в. и соответствующий чину капитана.

Сенат — в древнем Риме высший государственный совет. В царской России сенат существовал с петровских времен. В обязанности его входил надзор за делами суда и наблюдение за точным исполнением законов.

Скоморохи — профессиональные музыканты, певцы, плясуны в древней Руси. В XVIII в. скоморохов нередко держали у себя для забав и развлечений богатые баре. В более поздние времена скоморохами называли актеров.

Содом — один из двух древних городов Южной Палестины (Содом и Гомора), которые, по библейской легенде, были разрушены огненным дождем и землетрясением. Разрушение этих городов сопровождалось сильным шумом, паникой, беспорядком. Слово «содом» стало синонимом слов: беспорядок, суматоха, сильный шум.

Сретенье (в стихотворении «Давид») — встреча.

Танцмейстер (немецк.) — учитель танцев.

Тафтица — воротничок, сшитый из плотной шелковой материи — тафты.

Тупей — прическа, представляющая собой собранные на затылке со всей головы в один пучок волосы, образовывавшие нечто вроде хохла или косицы.

Турусы — пустые разговоры, вздорная, нелепая болтовня.

Тюрлюрлю — мантилья, накидка для выездов.

Уздень — лицо, принадлежавшее к феодальному дворянству на Кавказе.

Фарс — драматическое произведение с легким, игривым содержанием, также шутка, шутовская выходка.

Хариты — богини красоты, радости, олицетворение женской привлекательности. В Риме хариты получили название граций.

Химера — чудовище с головой льва; в переносном смысле — праздная фантазия, несбыточная мечта.

Ценинный (сосуд) — сделанный из дорогого фарфора или фаянса, или покрытый эмалью.

Цугом (немецк.) — запряжка лошадей гуськом в две или три пары. По степени родовитости и знатности запрягалось большее или меньшее количество пар.

Чекалы — шакалы.

Ширазский лист — табак, выращенный в персидской провинции Шираз, славившийся своими высокими качествами.

Эдем — по библейской легенде, земной рай, местопребывание человека до грехопадения; в переносном смысле — благодатный уголок земли.

Эйзед — дух восточной мифологии.

Эльф — в германской и скандинавской мифологии воздушное существо, наделенное разнообразными способностями, обычно благожелательное к людям.

Эшарп — шарф.

Якобинец — член революционной политической партии в период французской буржуазной революции конца XVIII в. Название свое якобинцы получили по имени клуба, в котором они собирались, помещавшегося в бывшей библиотеке доминиканского монастыря св. Якова. В представлении реакционеров грибоедовского времени «якобинец» — безбожник, крайний в своем свободомыслии человек.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А. С. ГРИБОЕДОВА

Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова, тт. 1, 2, 3. Изд. Академии Наук, СПб., 1911—1917.

Грибоедов. Сочинения. Л., Гослитиздат, 1945.

А. С. Грибоедов. Сочинения. М.—Л., Гослитиздат, 1959.

А. С. Грибоедов. Сочинения в стихах. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1951.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Грибоедов Александр Сергеевич

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редактор *А. А. Нинов*

Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *С. И. Брусиловская*
Корректор *О. К. Ковалева*

Сдано в набор 13/I 1961 г Подписано в печать 30/V 1961 г. Бумага 84×108 1/64. Печ. л. 6 23/32 (11,02). Уч.-изд. л. 13,77. Тираж 50 000 (1-й завод 40 000). Зак. № 78.
Цена 52 коп.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград. Невский пр., 28.

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Красная ул., 1/3